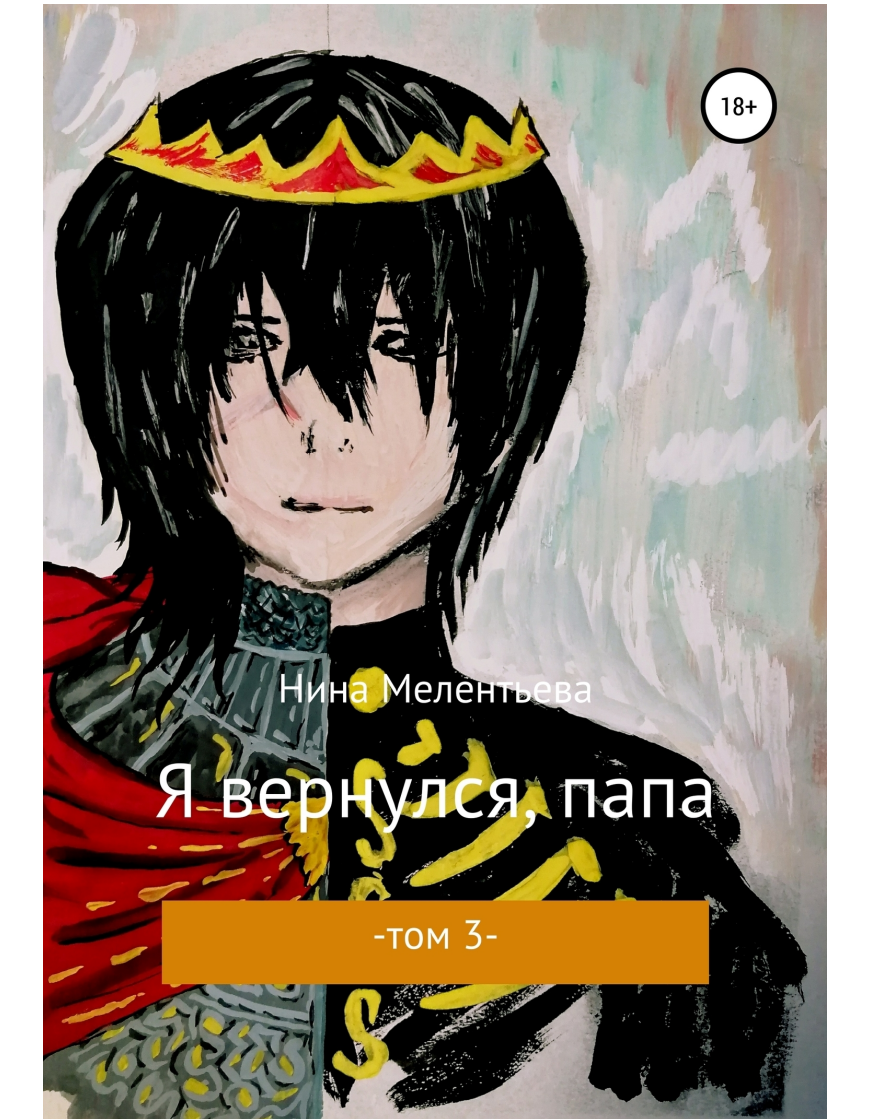

A painting of a young person with long, straight black hair and bangs. They are wearing a yellow crown with red and orange flame-like details. They are dressed in a black tunic with yellow patterns and a red cape. The background is a soft, abstract wash of light green, blue, and white. In the top right corner, there is a black circle containing the text '18+'.

18+

Нина Мелентьева

Я вернулся, папа

-том 3-

Нина Константиновна Мелентьева

Я вернулся, папа. Том 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57262450

SelfPub; 2020

Аннотация

Заключительная часть трилогии о герои Джейке, по воле Судьбы оказавшемся в другом мире. О том как он все же выполнил свою мечту и вернулся домой. О том как радость от возвращения была разрушена изменившимся отношением родного мира к нему. О том, какой выбор ему пришлось принять, что бы защитить своих близких и что из этого получилось.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	133
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Глава 1

За какой-то час мир полностью изменился. Целый мир, заключенный в рамки трех месяцев отодвинулся на второй план, вернув то родное к чему я стремился эти долгие дни. Вот моя реальность. Моя жизнь. Моя семья. Я так к ним рвался, что сейчас едва могу сдерживать себя от выплеска всех чувств разом. Хочется кричать и плакать. Хочется смеяться. Хочется забыть обо всех кошмарах. Стукнуться головой о что-нибудь прочное и просто забыть.

Что бы успокоить маму, да и самому успокоиться, потребовалось почти пол часа, разве что не пол бутылки валерьянки и просто само присутствие охранника из охранного агентства. Именно благодаря ему, этому молодому человеку по имени Максим, а коротко – Макс, я и не впал в истерику и не рассказал о том, где был все это время.

Связавшись с полицией, он отпустил своих товарищей на другой вызов, а сам бесцеремонно устроился в кресле у камина, и, прислушиваясь к нашим разговорам, постарался стать невидимым. Мама то может его и не замечала, да и папа словно его не видел, а вот я чувствовал его взгляд, замирающий то на моем лице, то на покрытых шрамами руках, то на босых ногах. Слышал как он словно натягивался, стоило мне только заговорить.

Как только мама успокоилась и задремала, во сне сжимая

мою руку, а отец вышел на улицу покурить, я тут же повернулся к Максy.

—Как я понял, мы ждем полицию. Что будет дальше?

—Ты не совершеннолетний, значит, ты вместе с родителями поедешь в отделение для допроса.

—А здесь они допрос устроить не могут?

Макс нахмурился и поднялся.

—Чего ты боишься, мальчик?

—Я не хочу в полицию.

Отвернувшись, я осторожно коснулся маминой руки и потряс ее.

—А? Что?— мама резко дернулась, не сразу узнав меня, и я горько усмехнулся.

—Мама, может тебе лучше в кровать лечь?

Помимо воли мой взгляд остановился на ее животе, и от противного горького вкуса во рту стало совсем тошно. Господи, неужели мое исчезновение могло так сильно изменить их жизнь?

—Джейкоб?— мама потянулась ко мне, но вдруг остановилась, заметив мой взгляд.

—Мам, ты... сколько... Мама, прости. Я не знал.

Виноватый взгляд мамы был одной сплошной болью.

—Все хорошо, малыш,— она поправила мои волосы и только сейчас заметила сережку в моем ухе, но коснувшись ее пальцами, ничего не сказала в упрек. — Скоро у тебя будет сестренка.

—Когда?

—К Рождеству.

От непонимания происходящего я потрянул головой.

—Через два месяца? Мама, я не понимаю! Как? Ведь ты же не была... когда я ушел...

—Прости, Джейкоб, мы не хотели с папой тебе об этом говорить, пока не были уверены что все будет хорошо.

—Но вы собирались разводиться!— закричал я, вырвавшись и вскочив на ноги. Растрепал волосы и попытался успокоить выпрыгивающее из груди сердце. —Я слышал как вы ругались на кухне! И папа сказал что бросает нас! Я сам это слышал!

Мама заплакала, и я виновато упал на колени у ее ног и разревелся.

—Мы просто поругались. Такое бывает, Джейкоб. Мы бы уже через неделю помирились.

Господи, что же я наделал!

—Но папа сказал...

Вновь вскочив, я зажал рот рукой, что бы не закричать. С ужасом смотрел на возвращающегося с улицы отца, и был готов броситься на него с кулаками. Был готов убить его за то, что он собирался бросить маму, когда знал что она ждет его ребенка!

—Это ты во всем виноват!— прошипел я, пятясь спиной к лестнице на второй этаж, сам себя гоня от поступка, который не смогут простить мне ни мама, ни окружающие, ни я сам. —

Как ты мог даже подумать, что бы бросить нас? Это ты... Ты во всем виноват!

Сорвавшись с места, удерживаясь от крика, я ворвался в свою комнату, и громко хлопнув дверью, заметался по спальне. Сообразив что просто не могу удержать в себе весь гнев, всю ярость и ненависть, схватил стул и просто разбил его в щепки об пол. Ломал его до тех пор, пока дверь с грохотом не ударилась об стену, и в спальню не влетел Максим, с автоматом в руках и готовый броситься в атаку.

– Уходи! – закричал я на него, и, отшвырнув уцелевшую ножку стула в сторону, закрыл лицо. А потом и вовсе разревелся. Услышал, как на пороге застыла мама, а потом кинулась на грудь отцу, и ненавидел себя за ее слезы еще сильнее.

– Я поговорю с ним, – Макс прошел в спальню и, рывком подняв меня с пола, усадил на кровать. – Принесите аптечку.

Дернувшись, я уставился на охранника, и лишь потом посмотрел на свои руки. Несколько царапин, да и только, однако судя по тому, как мама рвалась помочь, я был как минимум смертельно ранен. Поморщившись, я поднялся и, вырвав аптечку из рук отца, захлопнул перед ним дверь. Пусть они с мамой выяснят свои отношения, а я просто не могу больше. Не могу! Я не понимаю!

Макс открыл аптечку и, достав антисептик, глядя на меня с возрастающим интересом, залил царапины, смывая кровь прямо на пол.

– Не больно? – он даже голову склонил на бок, впившись

в меня глазами.

—Терпимо,— буркнул я и зубами вырвал огромную занозу. Забрал бутылочку и прочитал название. Перекись водорода. Н-да, живая вода была бы кстати. Покосившись на дверцу шкафа, за стеной которой был мой тайник, я лишь прикусил губу. Нет, нельзя!

Пока я гонял свои мысли, Макс уже перетянул мне руку бинтом, и вдруг замер, так и не закончив, только сейчас заметив в тусклом свете настольной лампы целый ряд ровных и аккуратных шрамов чуть ниже задранного к локтю рукава. Резко задрал рукав выше, и я виновато опустил глаза.

—Что за?...

Вырвав руку, я быстро домотал бинт на руку, и застегнул манжет. Однако понял что теперь он просто не оставит меня в покое, и напряженно впился взглядом в лицо Макса.

—Это вас не касается,— тихо произнес я.

—Слушай, парень...

—Оставьте меня в покое. Я хочу побыть один!— четко произнес я и прищурился.

—Ты все равно расскажешь все, что с тобой было.

—Не расскажу.

—Куда ты денешься! Парочку психологов и ты вспомнишь каждый свой шаг, каждый день.

—У меня очень богатая фантазия,— я улыбнулся одними губами, понимая, что не в состоянии сейчас строить из себя клоуна или обиженного на весь мир ребенка.

—Парень, зря ты так. Тебе помочь хотят, а ты...

—Мне не нужна ничья помощь. Я хочу просто как можно быстрее разобраться с полицией и просто жить дальше,— я даже придвинулся к охраннику. — Я просто хотел вернуться к семье, к родителям. Попросить у них прощения за то, что пропал на три месяца и они считали меня мертвым. Хотел снять с них этот груз вины, что они несли на себе. Исправить то, что натворил. Только с каждой минутой мне кажется, что я вообще зря вернулся.

Сирена под окном не дала договорить. Дернувшись, я с трудом поборол в себе желание сбежать, и запустил пальцы в волосы. Началось! Что ж, а ты как думал? Остается только выдержать этот сумасшедший период, и все наладится. Должно наладиться.

—Пошли,— Макс направился к дверям и задумчиво напоследок оглядел то, во что превратилась моя спальня. Я и сам был не в восторге. Всюду разбросаны обломки стула, кровь на полу, одежда из шкафа, когда я понял что она мне мала, а из-под кровати торчит рукав рубашки. Проклятье, если его не убрать, кто-нибудь обязательно за него зацепится взглядом.

—Сейчас, обуюсь.

Вытащив из платяного шкафа сразу две корзины с обувью, я сделал вид что ищу кроссовки, и не найдя их, засунул оба ящика под кровать, пряча за ними свою прежнюю одежду. Задумался, и повертел в руках легкие мокасины. Даже нево-

оруженным взглядом понял что они мне просто малы. Так, спокойно Джейк, вспоминай. У тебя где-то были туфли, подаренные бабушкой. Они были на два размера больше, и они лежат... Так, они лежали в коробке в шкафу. А, вот они.

То, что потом я плел полицейским, под молчаливыми укориженными взглядами родителей, было таким абсурдом, что я и сам бы ни за что не поверил в это вранье, услышь от кого-нибудь. В итоге получалось так, лодку специально оставил в заливе, что бы все подумали что я утонул. Потом сбежал и укрывался в нескольких заброшенных уже сто лет домах и в старой шахте, где любила собираться местная молодежь. Напоследок я разве что не с облегчением вздохнул, когда мне попытались предъявить обвинение в поджоге одного из таких вот домов, сгоревшего неделю назад. Дом выгорел дотла, и я тут же виновато признался, что именно в нем и скрывался почти все время. Теперь то точно никто не сможет проверить, правда я там был, или нет.

Двое полицейских, следователь по делам несовершеннолетних и женщина из органов соцзащиты так внимательно слушали меня, что я прилаживал гигантские усилия чтобы не выдать своего напряжения. Упорно старался делать вид что напуган, расстроен, и вообще, на грани истерики.

Самым сложным оказалось найти оправдание своему шраму на лице, и как объяснить, что видна явная рука профессионала в наложении швов.

—Просто, у меня есть один знакомый, который помог мне.

Ну не мог я явиться домой вот таким красивым!

—Кто он?

—Не скажу. Вы посадите его за решетку, за то что он помогал мне скрываться,— я передернул плечами, и минут десять старательно молчал, пока они пытались выжать из меня кто был этот человек.

—Хорошо,— следователь психанул раньше меня. — Не хочешь, не говори. Мы сами узнаем кто это был. Лучше скажи почему ты решил сейчас вернуться.

Я невозмутимо пожал плечами.

—Он уехал, а у меня закончились деньги и стало холодно.

—Именно поэтому ты поджег дом?

—Да ничего я не поджигал!— все же и мои нервы не выдержали. — Вы что же, думаете я один там был? У нас здесь как минимум сотня бомжей шатают по участкам, живут вот в таких брошенных домах. Думаете, папа просто так поставил сигнализацию, от нечего делать? Они и нас доставали, пока мы на охрану дом не поставили!

Папа согласно кивнул, признавая, что такое было на самом деле.

Дальнейшие вопросы я просто либо игнорировал, либо отвечал короткими ДА или НЕТ. Устав так, словно побывал на приеме у короля, в конец я просто уснул за столом, краем сознания слушая, как следователь разговаривает с отцом, как тот признает, что именно его действия могли спровоцировать мое бегство. Слышал, как Максим подтверждал, что

я не оказывал никаких сопротивлений и сразу попросил связаться с родителями, не пробовал снова сбежать. Рассказал, как я просил прощения у родителей. Удивился краем сознания, что он ни слова не сказал про то, что я отказывался все рассказать ему и что прямо заявил о своих намерениях врать.

Слушал, как отец несколько раз подтвердил что я на самом деле его сын, и что нет необходимости тащить меня на медицинское освидетельствование, однако и он не смог отвертеться от того, что меня поставят на учет по делам несовершеннолетних. Комиссия должна будет состояться через три дня.

—Сколько они еще будут меня допрашивать?— спросил я, не поднимая головы от стола, как только за полицейскими закрылась дверь и отец устало сел напротив меня.

—Джейкоб,— отец вздохнул. — Я не думал что тот разговор так повлияет на тебя. Я винил себя в том, что наговорил тогда много лишнего. Я не должен был... Извини меня.

Я поднял голову и уставился на отца. Его глаза, наверное, впервые выражали не холодность, а разочарование.

—Ты не просишь прощения, а только лишь признаешь свою вину. Папа, как ты можешь быть таким бесчувственным? Это ты виноват в том, что я для всех умер! Я не хотел жить в неполной семье! Мне не нужна половинка семьи! Ты собирался бросить маму, зная, что она беременна!

—Это ты нас бросил!— закричал отец и, вскочив, ударил

кулаком по столу. – Ты сбежал! Разрушил нашу жизнь! Я едва не лишился всего, что двадцать лет строил! Я едва не стал парией в бизнесе, после того как моих партнеров стали проверять на причастность к твоему исчезновению!

–Ты даже сейчас думаешь только о своем бизнесе!– закричал я, так же вскочив с места. Был благодарен Богам за то, что мама напилась каких-то успокоительных и сейчас спит наверху, не слыша нас. – А ты подумал о нас? О маме, которая ночами плакала, потому что ты уезжал в свои проклятые командировки и был занят своими клиниками? О том, что я видел тебя только ночами и во время твоих коротких отпусков? Ты приносил домой щенка и уходил, а я смотрел на этот комок шерсти и знал, что его принес ты. Это было все, что было у меня от тебя! Ты собирался променять семью на очередную клинику! Только зачем она тебе, папа, если у тебя больше не стало бы нас?

–Заткнись, Джейкоб! Ты не знаешь чем мы пожертвовали что бы найти тебя! Не будь ты таким эгоистом...

–А знаешь чем жертвовал я, что бы вернуться?– это состояние, когда уже просто перестаешь контролировать свой мозг и язык, было ужасным. Вырвав все пуговицы на рубаше, я разорвал ее, сдергивая с себя, и показывая отцу то, во что я превратился. – Посмотри на меня, папа! Как ты считаешь, не слишком ли я мало заплатил за то, что бы вернуться к вам? Хочешь знать что заставляло меня не сдаваться и просто не сдохнуть в дали от дома? Я знал что виноват, признавал это

в глазах окружающих, и хотел все исправить! Я не пережил, если бы не смог вернуться! Я бросил людей, которые принимали меня таким какой я есть, которые были благодарны мне просто за то, что я есть на свете! Я оставил девушку, которая была готова умереть ради меня! И все ради того, что бы вернуться к вам и просить прощения! Если бы я знал что тебе не нужен ни я, ни мое прощение, я бы вообще не вернулся! Хотя нет, вернулся бы, но не для тебя, а для мамы! Вернулся бы потому, что не смог бы оставить ее одну!

То, что отец не перебивал меня, давая высказать мне все, что я о нем думаю, было частично благодаря тому, что он просто тупо рассматривал меня. У него в глазах был такой ужас, что я прежде не видел.

—Я знаю, что сам виноват в своем исчезновении, и не скрываю этого,— рухнув на стул, я закрыл лицо рукой, пряча слезы. — Но я не сбегал, папа. Просто я попал в такую ситуацию, из которой все это время пытался выбраться. Я не мог вернуться раньше. Просто не мог... А теперь можешь вызывать психиатров или еще кого там требуется, потому что не могу сказать тебе что со мной на самом деле произошло, и никому не скажу. Пусть они запрут меня в какой-нибудь больнице и делают что захотят. Я просто не могу больше. Я... я чувствую себя здесь лишним.

Отец, наконец, оторвался от моего созерцания, и, достав их бара бутылку с коньяком, налил себе полный стакан. Залпом выпил и, не поморщившись, налил его снова.

—Значит все, что ты говорил следователю — это была ложь? Хотя что-нибудь из всего этого было правдой?

Я отрицательно покачал головой, и опустил руки на колени, пустым взглядом уставившись на бутылку с коньяком.

—Ты... ты понимаешь, что это не то, что можно скрыть?— он как-то нервно махнул рукой на шрамы на моем плече, а сам продолжал смотреть на звездочку на груди. С его познаниями о медицине, он знал что под ней находится, и все еще не мог смириться.

—Я постараюсь от них избавиться,— я вспомнил о том средстве, что дала мне женщина в Алисандрии, и которое я захватил с собой. Оставалось только надеяться что оно не испортилось.

—От таких шрамов нельзя избавиться!— отец перегнулся через стол, и стал рассматривать шрам на моей щеке. — Я даже не уверен, что пластические хирурги смогут избавить тебя от этого.

—Он мне не мешает. Зато отпугивает ненужных людей,— я пожал плечами, и, потянувшись к стакану отца, подцепил его пальцами. Придвинул к себе.

—Джейкоб,— отец нахмурился.

—Папа, мне надо успокоиться. Ваша валерьянка мне не помогает.

—Я не позволю ребенку...

Я отвел руку со стаканом, которую отец хотел перехватить.

—Папа, я уже не ребенок. Прости, но я вырос,— залпом выпив коньяк, я удивился тому, что он был, по сути, не так уж и крепок, как я думал раньше. Приходилось мне пить и более ужасные вещи в том мире. Спокойно вернув пустой стакан на стол, я отодвинул его обратно к бутылке.

Тяжело вздохнув, отец покачал головой.

—Ты можешь хотя бы сказать как получил их?

Я прикусил губу, решаясь на рассказ. Было вообще тяжело думать на одном языке, а говорить на другом. Едва не заговорив на том языке, я вновь закрыл глаза.

—Я разбился о воду. Упал метров с пятидесяти на бок. Ремни на маске лопнули и разорвали щеку. Вся правая сторона было переломана... Папа, сядь! Иначе я ничего рассказывать не буду вообще!

Терпеливо дождавшись когда отец сядет, я прикрыл глаза, вспоминая то свое состояние, когда разбился.

—Голова разбита в двух местах, ребра,— я коснулся шрамов напротив ребер. — Плечо, локоть, пальцы на руке, бедро...

От воспоминаний о тех травмах меня затошнило, и я выдохнул.

—Нож от гидрокостюма в коленке. Что бы переломы срослись правильно, им пришлось... Папа, я не хочу этого вспоминать,— по щекам вновь покатались предательские слезы, и я лишь на миг удивился тому, что отец придвинул ко мне полный стакан с коньяком. —Я хотел умереть. Я не дурак, и знаю, что если не выдержали кости, то, что могло случиться

внутри меня, было бы смертельным. Я просил убить меня!

Тряхнув головой, я выдохнул, и уставился на шрамы на руках от мечей и от своей несдержанности.

—Остальное просто порезы.

—А этот?— отец кивнул на звездочку, и я машинально прикрыл ее ладонью.

—Этот от ножа.

—Но...

Я отвернулся, давая понять что не стану рассказывать как его получил. Да даже если бы смог рассказать, то не стал бы этого делать. Не смог бы признаться отцу, что променял его на другого человека. Простите меня, Комоло, я не могу ему рассказать о вас. Я должен вас забыть. Даже не так, не забыть, а научиться жить без вас.

—А спина? Что со спиной? Это ожоги!

—Нет,— я лихорадочно затряс головой. — Это просто розги.

Посмотрев на отца, я вдруг отшатнулся, испугавшись. На него было страшно смотреть. Он в раз как-то словно постарел, осунулся, и в его глазах стояли слезы.

—Прости меня, папа, я не хотел пугать тебя,— поднявшись, я подобрал рубашку и, натянув ее, молча поплелся в свою комнату. Рухнул в кровать и тоскливо уставился на слабый отсвет луны. Господи, как же я буду здесь жить дальше? Это там я мог появиться и никто не стал бы удивляться моему появлению вообще, никто не пытался выяснить что у меня за шрамы и от куда, кто я был раньше и что делаю там-то или

там-то. Было все безумно просто, хочешь жить – борись! А здесь за само то, что я буду бороться – меня уже не оставят в покое.

В комнату вошел отец, и я поднял голову.

Бросив на стол новую рубашку, он уставился на меня.

–Я попытаюсь сделать так, что бы они оставили тебя в покое. У меня есть кое-какие связи и я воспользуюсь ими, что бы избежать медицинского освидетельствования, но потом нам придется переехать.

–Зачем?

–Что бы ты мог с чистого листа идти в новую школу.

–Мне осталось учиться всего год, папа. Потом институт.

–Джейкоб, я...

–Папа, мне плевать что они подумают обо мне, и что я могу напугать их своим лицом. Я не собираюсь из-за этой царапины терять друзей и полностью менять свою жизнь.

–Тебе будет тяжело, сынок.

–Не сломаюсь, – отвернувшись, я прислушался к слабому шуму на улице. – Там кто-то приехал.

Отец заскрипел зубами и выглянул в окно.

–Журналисты. Уже пронюхали.

–Пошли их куда подальше. Я слишком устал что бы сейчас с ними разговаривать.

–Тебе нельзя вообще с ними говорить. Они хуже ищеек.

–Вот и пошли их к чертям. Вызови охрану, если они будут настаивать. Пап, я правда устал.

Последовавший за этим месяц был самым ужасным, что я вообще мог себе придумать. Поездки в полицию и соцслужбы, казалось, не кончатся никогда. Допросы комиссии по делам несовершеннолетних, журналисты, которые караулили меня и на улице, и в подъезде, и даже возле школы, куда я один раз приехал с отцом, что бы он разобрался в обратном зачислении меня в класс. Даже переключая каналы телевизора, я едва не хватался за волосы, когда разве что не в каких-нибудь новостях упоминалось мое имя, и не показывали как я либо выхожу из машины, либо захожу в какое-нибудь здание. Смотрел на эти кадры, и был ужасно собой недоволен. Сам заметил, что совершенно не похож на четырнадцатилетнего ребенка, а уж каким полным ненависти взглядом смотрел на этих самых журналистов, так вообще не мог найти себе оправдания.

Интернет так вообще выдал мне разве что не всю мою биографию до исчезновения, но и целую историю того, где я был все эти три месяца. Оказывается, нашлось разве что не полсотни свидетелей, которые якобы видели меня, но просто не узнали, а поэтому и не сообщили об этом в правоохранительные органы. Я улыбался, читая комментарии в фейсбуке, и качая головой, смотрел на то, как мои школьные товарищи с энтузиазмом общаются с журналистами. Н-да, никто из этих самых одноклассников ни разу не попытался даже прийти в гости к нам. Вот вам и друзья! Будь здесь Отто или Розалин с Жюлет, то я бы уже думал как выпроводить их восвояси.

Поморщившись, я закрыл ноутбук и поднялся. Согласно решению комиссии, я должен был посещать психолога раз в неделю, отмечаться каждый месяц в прокуратуре, и если они посчитают что я нормальный, то возможно в скором будущем, оставят меня в покое. Что ж, сегодня у нас по плану психолог. Довольно неприятный человек, с невыразительным лицом, который, казалось, был больше меня озабочен тем, как я буду жить дальше с таким шрамом на лице.

—Простите, а почему я должен смущаться его?— спросил я его, когда тот целых пол часа нес какую-то чушь о детской психике и тому подобной ерунде. — Кому не нравится, тот может и не смотреть.

—Но внешность подростка...

—Да мне все равно, что он не красит меня. Я не собираюсь претендовать на место красавчика в школе или еще где. Ну есть он, ну и что? Или я тупым стал из-за него?— я спокойно сидел в кресле и невинно хлопал глазами. — Я вас не понимаю. Вы что, хотите что бы я стеснялся его? Прикрывал руками? Не позволял людям рассматривать себя? Что вы на нем заиклились? Я понимаю если бы я вдруг стал лысым и стеснялся этого. Но мне нечего прятать от людей! Да, он есть. Да, он меня не красит. Но я не воспринимаю его как увечье. Что вы от меня хотите?

Интересно, если бы он увидел остальные отметины на груди, почти сведенные мною на руках шрамы, чему я был безумно благодарен чудо средству той александрийки, он бы

сам побежал к психологу успокаиваться, или стал бы параноиком? Однако я не мог не признать, что поведение этого человека мне помогло. Помогло понять как мне теперь вести себя с окружающими. Понял, что если там меня прикрывала надменность, то здесь она не поможет. Это только больше наделает вопросов. Лучшая политика в этом отношении была насмешка!

—Все в порядке?— отец ждал меня в машине, как всегда холодный и надменный. Однако вопреки моим ожиданиям, он был таким только на людях. Я видел как ему тяжело все это переживать вместе со мной, и старался не только поддержать меня, но и отгородить маму от лишних беспокойств. В этом он очень изменился за эти месяцы.

—Да,— я усмехнулся и пристегнулся. Однако мне становилось все тяжелей притворяться перед отцом, и он все больше хмурился, заставляя меня в те минуты, когда я уходил в воспоминания. — Хочу уехать от сюда. Хотя бы ненадолго. Полиция же может отпустить меня на пару дней на дачу?

—Может к бабушке на недельку в деревню?

Я задумался.

—Не думаю, что она...

—Я поеду с тобой.

Я улыбнулся и кивнул.

Однако что бы я не ожидал от этой поездки, но явно не того, что вышло на самом деле. Кроме того, что пришлось вызывать бабушке скорую из-за подскочившего давления, так

еще и совсем плачевное состояние деда, почти прикованного к кровати болезнью, съедающей его изнутри, были для меня невыносимы. Я почти два часа просидел перед окном, ту-по глядя на далекую реку и жалея о том, что вообще согласился сюда ехать. Крутил в руке браслет Роксалана, боясь его одеть, и разглядывал свое отражение на стальных полированных пластинах.

—Что это?— отец сел рядом, и дернувшись, я попытался спрятать браслет. Однако отец его уже увидел.

—Подарок,— я нерешительно протянул браслет отцу. Тот с интересом рассматривал побрякушку, однако стоило ему коснуться камня пальцами, тут же получил разряд тока. — Ой, прости. Забыл предупредить,— я подобрал с пола браслет и, краснея как рак, виновато спрятал его в кармане. —Это от воров. Новые технологии и все такое. Как бабушка?

—Отдыхает,— он тяжело выдохнул и тоже уставился в окно.

—Пап, что-то тошно мне здесь,— обстановка давила разве что не реальным грузом на плечи.

—Сейчас уже поздно возвращаться. Джейкоб, давай хотя бы пару дней побудем здесь. Видел же, бабушка переживает. Если сейчас же и сбежим, она еще больше волноваться будет.

—Я могу попытаться помочь ей,— раздалось у меня в голове, и я судорожно дернулся. Уставился испуганно на отца, и чисто машинально нащупал в кармане браслет. Сжал камень и выдохнул панику.

—Пап, я это... Пойду погуляю.

Рванув на улицу, я остановился, понимая что буквально взмок от волнения. Судорожно нацепил браслет на руку и, откинувшись спиной на деревянную стену, закрыл глаза.

«Роксалан! Я думал...»

—Рад что ты наконец отозвался. Я думал что ты потерял браслет, и потому молчишь.

«Я пытаюсь вернуться к прежней жизни».

—Не чувствую уверенности в тебе.

«Я справлюсь. Как у вас дела?»

—Все хорошо.

Я усмехнулся.

«Не чувствую уверенности. Роксалан, я... Боги, я так по вам всем соскучился!— по щеке побежала слеза. — Как там Маришь?... Король? Рохард?»

—С ними все хорошо. Тоскуют вот только сильно. Хочешь, я позову короля? Я уверен, он прервет совет что бы поговорить с тобой.

«Я еще не готов, Роксалан».

Легкая волна тепла растеклась по руке, успокаивая готовое выскочить из груди сердце.

«Скажи ему... скажи, что я помню его, и скучаю».

—А ей ты ничего не хочешь сказать?

Я сполз по стене, закрыв голову руками.

«Роксалан, не надо... Мне больно ее вспоминать. Я и так каждую ночь вижу ее перед собой! Ей надо жить дальше. Роксалан, ты правда можешь помочь моей бабушке?»

–Напиши ее имя у нее на руке, что бы я мог за что-то зацепиться. Я попробую.

Поднявшись, я только сейчас заметил что отец стоит в стороне и наблюдает за мной.

–Джейкоб, с тобой все в порядке?

Кивнув, я одернул пиджак. Не слишком любя их прежде, я теперь просто не мог заставить себя одеть спортивную одежду или просто джинсы. До такой степени привязался к рубашкам и строгим брюкам, что одевая новую одежду постоянно отдавал предпочтение именно этому стилю. Правда постоянно ловил себя на желании положить руку на рукоять меча, но вроде бы никто кроме меня этого не замечал. А если кто и заметил, то точно не поняли что это за жест.

–Пойду, с бабушкой поболтаю.

–Она спит. Ей врачи укол поставили.

–Тем лучше. Она не поймет что за чушь я буду нести.

Она спала на своем любимом диванчике, и что бы тихо подкрасться к ней и написать на руке ее имя на том, родном языке, много ума не потребовалось. Сжав старенькую руку, я закрыл глаза, и прислушался к голосу мага.

–Что за ерунда? Джейк, я не понимаю! Как она вообще еще жива? Все так запущенно!

«Роксалан, ты можешь помочь?»

–Не все и не за раз. И еще, мне понадобятся твои силы. Я не могу пробить тот барьер, что между нами, но могу направить твои силы в нужное русло.

«Действуй. Только... давай без слепоты. Мне нужно будет встать и выйти отсюда своими ножками».

Ногами своими я конечно ушел, но раз пять чуть не рухнул, пока добрался до своей кровати, и упав на нее, сразу вырубился. Успел лишь махнуть отцу, что все в порядке, а потом провалился в самый глубокий и беспокойный сон за последний месяц.

—Джейкоб,— кто-то тряс меня за плечо, но я устало отмахнулся и натянул на голову одеяло.

—Отстань, Нуэ. Я спать хочу,— пробубнил я и зарылся под подушку. Замер, и резко сел. Надо мной стоял отец, и ошарашено смотрел на меня. Я только сейчас сообразил что обратился к нему на совершенно другом языке. —Прости, папа. Я это... сон приснился странный.

—Сон говоришь?— он сдернул с меня одеяло и недовольно уставился на мятый костюм. —Ты бы хоть пиджак снял. Пошли, баба Соня ужинать зовет.

—А? Она уже проснулась?— сон как рукой сняло.

—Да часа три уже по дому летает. Ты что, не слышал? Она раз пять приходила будить тебя. О чем ты с ней разговаривал, Джейкоб? Она словно молодость вспомнила!

Я улыбнулся и сел, растирая затекшую шею.

—Ужинать, говоришь? Пошли, а то меня уже тошнит от этих фастфудов.

—И не мудрено, что тошнит,— встрял Роксалан, и я удивился как он вообще понимает другой язык. —Я просто слушаю

тебя. Прости, но ты думаешь по-нашему. А теперь вставай и тащи свою тощую задницу ужинать, а то я отцу нажалуюсь!

«Роксалан!»

—И помогать больше не буду! Быстро я сказал!

Баба Соня на самом деле разве что не девочкой бегала по дому, забыв и о тросточке, с которой не расставалась последние пару лет, и о ревматизме. Буквально затискала меня за те пять минут, что я шел к столу. А потом еще час пыталась меня накормить на убой.

—Это что с ней?— спросил меня отец, сбежав вместе со мной из дома, и нервно расхаживая вдоль гаража, курил. —Еще утром врачи говорили что она почти того,— отец многозначительно посмотрел на небо. —А теперь...

Я пожал плечами и мысленно погладил Роксалана по голове. Тот засмеялся, но ничего не сказал.

—А мне она такой больше нравится. Еще бы дед пришел в себя, и тогда бы все было совсем хорошо. Пап, а можно я на лошади покатаюсь?

Отец окинул меня уничижительным взглядом, зная мою любовь к крупной скотине.

—Ты?

Я хмуро насупился.

—Ну пап, пожалуйста.

Папа не разрешил, и я с гневом сжал кулаки. Обругал Роксалана, тут же снимающего с меня ярость, и, быстро умывшись, залез в приготовленную кровать.

Ночью я проснулся от того, что кто-то словно погладил меня по голове, и, не открывая глаз, постарался представить человека которому могли принадлежать такие чувства. Сразу показалось что рядом со мной сидит король, и из под закрытых век тут же побежали слезы.

—Папа?— тихо спросил я и разве что не почувствовал его рядом

—Я с тобой, сынок. Я всегда буду с тобой!

Свернувшись калачиком, я сжал подушку и разве что не задохнулся в немом крике.

—Тише, малыш. Ты сильный, ты все выдержишь.

Он был со мной до тех пор, пока я не уснул, но и тогда я чувствовал его немое присутствие рядом, и это было как если бы я сейчас лежал на солнышке и оно гладило меня своими теплыми лучами по плечам.

Утром меня разбудил Роксалан, и словно потер ладони друг о друга.

—Ладно, Джейк. Уговорил. Давай своего деда, я покопаюсь у него в голове. С ума, говоришь, он сошел? Что ж, ум дело тонкое, с ним нужно быть осторожней.

Словно под гипнозом я натянул рубаху и на цыпочках выглянул в окно. Баба Соня кормила кур, что-то приговаривая коровам, ждущим когда она их подоит.

Проскользнув в комнату деда, я маркером написал на его запястье несколько букв, и заглянул в пустой незаинтересованный взгляд. Снял браслет и одел ему на руку, положив

ладонь поверх камня.

—Давай, пока я злой и голодный,— буркнул я и закрыл глаза. Просидел на полу у его кровати пол часа, чувствуя как силы тонкими ниточками тянутся в браслет, и молился всем Богам, что только могли меня слышать.

Мы почти закончили, когда дверь резко распахнулась, и в комнату ворвалась баба Соня, а за ней и отец. Вскинув руку, останавливая их и готовые сорваться слова, я вновь прикрыл глаза и попросил Роксалана поторопиться. Тот выругался и враз вырвал из меня все силы, глуша и слепя меня. Я просто рухнул на пол, почти лишившись сознания от бессилия, а браслет сам открылся и упал на пол рядом со мной.

—Нет, не трогай меня,— прошептал я, почувствовав что отец подымает меня с пола. —Мой браслет.

Руки бабушки на своем запястье я узнал сразу, а затем и услышал голос внутри себя.

—Попроси у них немного сил,— Роксалан был как всегда самой заботой, но я лишь отмахнулся от него, зная что отец не поймет что мне нужно будет от него. А вот баба Соня, кажется, смекнула в чем дело, и накрыла браслет ладонью.

«Нет. Они ей нужней!»— застонал я, когда мир стал проясняться и вернулся слух.

—Я совсем немножко взял. Она и не почувствует разницы. Прости, я переборщил. Но зато враз все сделал.

—Джейкоб!— отец тряс меня за плечи и я с трудом открыл глаза. —Что ты сделал?

—Папа, все в порядке. Мне просто надо поспать. Я потом все объясню.

—Я скорую вызову.

—Не надо. Просто дай поспать.

Проспал я чуть более суток, пару раз просыпаясь и сонно перекусив, снова залазил под одеяло и, представляя что рядом со мной сидит Розалин, вновь проваливался в беспокойный, полный каких-то ужасов, сон.

—Фрэнк, пусть Джейк отдыхает,— услышал я тихий голос бабы Сони, и, потянувшись, сел на кровати. Потом только открыл глаза. Удивленно уставился на отца, сидящего в кресле возле окна.

—С добрым утром,— я натянул на плечи одеяло, пряча от бабушки шрамы.

—О, вот он и проснулся. Ну-ка, малыш, — баба Соня поставила на столик у кровати какую-то корзинку. —Давай, рассказывай как ты это сделал.

Удивленно хлопая глазами, я поправил браслет на руке.

—Что сделал?

—Как Ивана на ноги поднял,— баба Соня нетерпеливо прошла по комнате, и нахмурившись, хлопнула себя по ноге. —И со мной что сделал?

Я пожал плечами, и зарылся под одеяло.

—Просто поделился своими силами. А что, дед поправился?— резко откинув одеяло, я улыбнулся, и растрепал волосы. —Ой, ну не спрашивайте вы меня как это получилось. Не

знаю. От меня просто требовалось отдать часть своих сил, вот и все. Правда с дедом было немного сложнее, у него... пустота какая-то была в голове.

—Ваня,— баба Соня выглянула в коридор и я разве что с кровати не свалился, увидев как изменился мамин отец. Запутался в одеяле, и выругавшись, все же бросился на шею совсем недавно безжизненного старика, а теперь пушистого и ухоженного, чем-то похожего на Санта Клауса, дедулю. — Ваня, скажи то, что ты говорил мне вчера.

Я немного растерянно оглядел окружающих.

—Со мной кто-то говорил. Я не понимал слов, но точно знал что от меня хотели. Джейк, как?

—Я не знаю,— я обнял деда и уткнувшись ему в плечо, тихо прошептал. —Деда, ты только не пей больше, пожалуйста. Я не уверен что еще раз смогу тебя вытащить.

—Что бы я еще раз оказался в таком состоянии... Нет, внучок, больше ни капли.

—Точно?

—Тот голос... Он не позволит.

—Ты только никому не говори что это я сделал. Если соседи будут спрашивать...

—Я придумаю что сказать. Не переживай, мы уже обсудили это с твоим отцом.

Кивнув, я виновато опустил глаза.

—Пап, я...

—Пошли завтракать, Джейкоб,— отец поднялся и нахму-

рился. —В следующий раз хотя бы предупреждай, что бы я не рвал волосы на голове, не зная что с тобой.

—Папа, но я же знал что делаю! Я ... прости что напугал. Я думал что устою.

В деревне мы пробыли еще три дня, после чего вернулись в город, и я с тоской уставился на извещение, что завтра мне надлежит явиться в школу и продолжить учебу. Волокита с бумажками по зачислению закончилась.

—Сынок, если ты не хочешь, то мы можем оформить заявку на домашнее обучение,— мама с участием посмотрела мне в глаза.

—Да все в порядке. Просто... никто из одноклассников ни разу не позвонил и не зашел в гости. Они словно... боятся меня.

Мама поправила воротник моей рубашки, забрав только что стянутую куртку. Одернула пиджак.

—Мам?— я чуть склонил голову на бок, не понимая ее су-еты.

—У тебя гости, Джейкоб. Они уже час ждут тебя.

—Кто?— я выглянул из коридора в гостиную, да так и замер. Кати, в компании своих подруг, мирно пила чай из маминого дорогущего фарфорового сервиза, и видимо услышав что мы вернулись, нервно ерзала на стуле.

—Мы не будем мешать,— мама мягко взяла отца под руку, и повела на кухню. —Может вам пиццу заказать?

—Нет, не надо,— я глянул на себя в большое зеркало, и,

пожав плечами, прошел в гостиную. Сразу заметил как поbledнела Кати, и нарочно обойдя вокруг стола, что бы она увидела как я изменился, чуть улыбнулся. –Привет.

–Джейкоб?– девчонки враз подскочили, и я не довольно уставился на разлитый чай. –Мы вот... решили зайти к тебе. Нам сказали что ты завтра выходишь на учебу,– заговорила не Кати, а ее подруга, не разглядевшая еще меня. А вот Кати разглядела, и я едва не поморщился от ужаса в ее глазах.

–Ага, завтра в школу,– я смотрел на Кати, и поражался тому, что раньше мог быть в нее влюблен. Обычная кукла, которой давали деньги на косметику, на яркую и модную, но, на мой взгляд, совсем ей не подходящую, одежду. –Привет, Кати.

Вообще то ее звали Катя, Екатерина, но я на свой лад называл ее Кати, и вот теперь с трудом выговорил это имя.

–Ты... ты правда так сильно изменился,– она опустила глаза, и я кожей почувствовал ее отвращение ко мне. –Мы думали что ты... утонул.

–Скажите прямо что просто хотели посмотреть на меня живую,– оттолкнувшись от стола, я холодно окинул взглядом замерших в испуге подруг Кати. Они с тем же страхом смотрели на меня, и я разве что не сплюнул на пол. Да эти куклы рядом не стояли ни с Розалин, ни с Жюлет. Если бы не любопытство, то они вообще бы не сунулись сюда.

–Джейк, мы переживали!– Кати хотела схватить меня за руку, но испуганно шарахнулась, стоило мне только переवे-

сти на нее взгляд.

—Кати, я месяц как дома, и уже как две недели на связи. У меня даже номер не изменился, ни сотовый, ни домашний. И живу я на прежнем месте,— я едва сдерживал ярость. Благо Роксалан вовремя вмешался и слегка меня успокоил. Поведя плечами, я прошел на кухню, и включил кофеварку, старательно не встречаясь глазами с родителями. Высыпал в кружку пол сахарницы, и вернулся в гостиную.

—Ужинать будите?— я резко шагнул назад в кухню и посмотрел на жарившуюся в духовке курицу. Если ее сейчас же не достать, то ей будет уже не помочь. —Мам, курице плохо!

Мама засуетилась, а я вопросительно вздернул брови, ожидая ответа девчонок. Те неуверенно переглянулись.

—Мы, наверное, пойдем,— Кати поднялась первой, и умоляюще уставилась на подружек. Те не заставили себя ждать.

—Я провожу вас,— отставив пустую кружку, я тактично помог одеть курточки подружкам Кати, и сняв плащ девушки с вешалки, придержал его в руках, ожидая когда она осмелится подойти ко мне ближе чем на метр. —Я не кусаюсь,— прошептал я ей на ухо, когда она нырнула в рукава. Девушка замерла испуганной мышкой, а потом резко обернулась. Для меня было так дико то, что она стала для меня такой маленькой. Если раньше она была всего на пол головы ниже меня, то теперь она доставала мне лишь до плеча.

—Джейк, я...

Я отстранился и выпустил девчонок в коридор, придержав

Кати, перегородив ей дорогу рукой. Невозмутимо уперся рукой в косяк, и чуть фамильярно обнял девушку за талию.

—Кати, удели мне минутку,— прошептал я ей в самое ухо, чуть склонив голову. —Я понимаю что ты боишься меня. Я знаю что я изменился. Но тебе не надо бояться, я не причиню тебе никакого вреда.

—Ты... ты не тот Джейк!— она отвернулась.

—Значит ли это, что нашей дружбе конец?— я попытался вспомнить что именно привлекало меня в ней, и почему то не смог ничего определенного выделить. —Скажи мне это, Кати, что бы я точно знал, стоит ли дальше на что-то надеяться, или мы просто останемся обычными друзьями.

—Джейк, я... я не могу. Ты пугаешь меня. Ты не тот Джейк,— она все же решилась и подняла глаза. —Ты... я боюсь тебя.

Кивнув, я усмехнулся.

—Я хочу кое что проверить. Кати, закрой глаза и коснись моего лица. Я не прошу ни о чем предрассудительном. Просто закрой глаза и проведи пальцами по моему лицу.

Под моим взглядом она сдалась, и, зажмурившись, опасно провела пальцами по моей щеке, той, что не была испорчена шрамами. Чуть расслабилась, явно узнавая меня, вспоминая нашу игру, что в свое время и привела нас к тем вполне невинным поцелуям. Коснулась пальчиками моих губ, и даже чуть улыбнулась, однако стоило мне ухватить ее палец губами, как она резко отдернула руку и брезгливо

сморщившись, метнулась в сторону.

—Прости, Джейк. Я не могу.

Да я бы и сам не смог больше терпеть ее. Одно лишь ее прикосновение вызвало во мне самую обычную пустоту. Ни восторга, ни радости, ни блаженства, которые я переживал от Розалин. Ничего!

Захлопнув дверь, я спокойно снял пиджак и повесил его в шкаф. Собрал на разнос оставленную гостями посуду и унес в кухню.

—Твои подружки ушли?— мама накрывала на стол, и я опасливо покосился на курицу. Слова Богам, она не успела сгореть!

—Ага,— составив свой груз в машину, я замешкался, не в силах вспомнить как запустить мойку. —Мам, включи ее, пожалуйста. Что-то я забыл.

Глава 2

Первый свой день в школе я, наверное, не забуду никогда. Во-первых, я опоздал. Не могу сказать что получилось это намеренно, но был благодарен, отчасти, тому, что просто не смог найти в себе решимости войти в школу во время перемены. Сидел рядом с отцом в машине и хмуро считал, сколько человек из всех тридцати классов захотят сейчас разглядеть меня и высказать свое мнение о моем исчезновении. Сколько их там? Около восьми сотен учеников, плюс учителя, плюс обслуживающий персонал, и все это умножить на два, потому что мне повезло учиться со второй смены.

—Джейкоб, иди. Опоздаешь,— отец был так же хмур как и я, и очень недоверчиво косился на двери школы. К нашему удивлению, это учебное заведение именно в этот день мало кто покидал, хотя последний урок закончился минут пять назад. Учащиеся входили, но не выходили, и это нервировало. Вот по любому же эти противные девчонки вчера всем растрепали что я приду сегодня, а как же своими собственными глазами не посмотреть на того, кто сорвал интернет и о ком говорят новости.

—Звонка дождусь,— буркнул я и прикусил губу. Проклятье, я так мерзко себя не чувствовал даже на приеме короля. Даже тогда, когда меня провозгласили принцем.

—Джейкоб,— отец отвлек меня, коснувшись плеча. —Если

не хочешь...

—Я должен. В конце то концов, я уже через это прошел пять лет назад. Помнишь? «Янки» и «Штатец»?

Отец холодно кивнул, вспоминая какую истерику я тогда закатил, заявив что не пойду больше в эту школу. Ан нет, через неделю уже привык. И сейчас привыкну.

Прозвенел звонок и недовольная первая смена, проторчавшая лишних пол часа в школе, потянулась на выход. Кто-то из них узнал нашу машину, и притормозил в сторонке, кто-то же спешил по своим делам.

Выждав пять минут, я взялся за ручку дверцы.

—Я подъеду за тобой к пяти. Если что, звони.

Кивнув, я взял свой рюкзак и вышел. Нарочно не стал обращаться к толпе, застывшей в стороне, и с усмешкой вошел в школу.

Нет, все таки если я раньше был таким же как они, то теперь точно могу сказать, что был трусом и походил вот на этих шарахнувшихся в сторону малолеток. Конечно, малолетками я называл их образно. Особенно десятый и одиннадцатый класс, который разглядывал меня не столько с интересом, сколько с вызовом. Вот от них то можно было ждать сюрпризов, особенно сейчас, когда среди своих сверстников я выделялся как футбольный мяч среди бейсбольных.

Показав пропуск охраннику, я молча прошел мимо старшеклассников, и удивленно чуть притормозил перед ожидающей кого-то в коридоре нашей классной учительницей.

—Вера Петровна,— я чуть кивнул головой, едва удержавшись от чуть более низкого поклона. Черт, вот об этом то я не подумал! Надо будет следить за собой повнимательней.

—Здравствуй, Джейкоб. Опаздываешь?

Я с сомнением обернулся на ухмыляющуюся компанию за спиной. Их, казалось, совершенно не волновало присутствие учителя.

—Ждал когда публика рассосется,— я посмотрел на учительницу, которая и раньше была ниже меня, но теперь так вообще была мне по плечо. —Я, наверное, пойду. А то первый день, и с опозданием.

—Пошли, я с тобой пройдуся. Я как раз хотела поговорить с тобой, Джейк.

Нахмурившись, я пропустил учительницу вперед себя, и улыбнулся одними губами, отвечая на усмешку особо наглым старшеклассникам. Кажется, сегодня у меня будет насыщенный событиями вечер.

—Джейк, я хотела рассказать тебе что именно о тебе говорят в школе.

—Да и так понятно, трудный ребенок.

Вера Петровна кивнула.

—Я только хочу попросить тебя о маленьком одолжении. Если ты будешь и дальше вести себя в том же духе...

Я остановился и отступил от классной руководительницы. Холодно впился в нее взглядом, и видя что она на самом деле испугалась, подошел к ней в плотную.

—Вера Петровна, я прежде хоть раз подводил вас?
Она испуганно покачала головой.

—И вы, умная женщина, мать двоих детей, глядя на меня, то же думаете что я «трудный подросток»? Посмотрите на меня, Вера Петровна, и задумайтесь, вполне возможно окажется в итоге так, что мое исчезновение на этих три месяца могло быть шагом необходимым. И что все, что сейчас выливают на меня грязью журналисты, окажется всего лишь хорошо продуманной ложью. Я понимаю что виноват перед всеми вами за свое отсутствие, но я хочу что бы вы знали. Я не мог вернуться раньше, и не потому что не хотел, а потому что не мог. Просто не мог. От этого зависело слишком многое. У меня просто не было выбора.

Я уловил как нервно задергался глаз у Веры Петровны, и что она не может оторваться от созерцания моего так изменившегося лица.

—Джейк,— она даже руку подняла, желая коснуться моей щеки, но я отстранился. —Если ты переживал из-за своего лица...

—Вы думаете меня волнует то, как я выгляжу? Я не из-за этого пропал, Вера Петровна. И мне наплевать что кого-то это пугает, и что в чьих-то глазах я урод. Я бы посмотрел на любого другого, которому выпало бы пережить то же самое, и хотел бы увидеть в его глазах то же, что сейчас чувствую я.

—Ты изменился,— женщина нахмурилась, и виновато заглянула мне в глаза. —Я не вижу в тебе того мальчика, что

ушел на летние каникулы. Ты даже вырос.

Я усмехнулся.

—Я начал взрослеть, Вера Петровна.

—Давай ты только не будешь взрослеть быстрее чем твои одноклассники. Иначе они не примут тебя,— она вздохнула и покачала головой. —Джейк, просто постарайся сделать вид, что ничего не произошло, и ты тот же Джейк, что был раньше.

—Не уверен что они теперь вообще примут меня.

—Они примут. Какое-то время будут думать только о тебе, а потом забудут. Вспомни что было пять лет назад.

Я покачал головой и пошел следом. Вошел в распахнутые передо мной двери и выдохнул, сжав зубы. Моя парта, за которой я последних два года сидел с Кати, была пуста. Что ж, с ней я уже все решил, а любопытных соседей мне сейчас точно не надо.

—Проходи, Джейк,— Вера Петровна надменно окинула взглядом класс и дождалась когда я сяду, жестом остановив учителя истории. —Класс, я надеюсь, что сегодня мы проживем этот день без сорванных уроков, как вчера? Все мы очень рады, что Джейкоб, вернулся. Но давайте отложим все вопросы и радость на перемену.

Не слишком довольный таким приветствием, я достал из рюкзака планшет и открыл скинутый на него учебник. Настойчиво одергивал себя от желания оглянуться, затылком чувствуя как все двадцать пять одноклассников не сводят с

меня глаз. Зря Вера Петровна старалась сохранить урок – он был на грани срыва одним лишь молчанием и повышенным вниманием к моей персоне.

Учитель истории, конечно, попытался еще минут пять что-то объяснять, но потом сдался, и, сказав что вернется через пять минут, вышел. В повисшей тишине я слышал как он остановился сразу за дверью и прислушался, и лишь по этому не сорвался и не сбежал. Откинулся на спинку стула, и повернулся к своим одноклассникам.

–Ну и что уставились?– тихо спросил я, переводя холодный взгляд с одного своего друга, на другого, на девчонок, на прячущую взгляд Кати, пересевшую к своим подружкам. – В цирк попали?

–Скорее в зоопарк,– Сашка, бывший мне когда то разве что не другом до гроба, брезгливо поморщился.

–В зоопарк?– я вскинул брови, и чуть поддался вперед. – Сань, а тебе не кажется что ты попал в ту же клетку, что и я? И кто-то из нас двоих тогда должен быть хищником, а кто-то его едой.

Сашка подорвался в бешенстве, и рванул ко мне, однако стоило мне только подняться, он тут же нерешительно замер. Остальные же просто шарахнулись к стенам, глядя как я на целую голову возвышаюсь над мелким Сашкой, как я спокойно смотрю на него, не проявляя ни напряженности, ни злости. Просто давлю на него взглядом.

–Ты что же думаешь блатным тут стал, раз в уголовники

записался?— Сашка выплюнул слова с такой яростью, словно от этого зависело его будущее.

—А в уголовники ты меня записал? Кто еще здесь хочет меня уголовником назвать?— я вновь спокойно окинул класс взглядом, но все молчали. —А блатоту можешь засунуть себе куда подальше,— тихо прошептал я, упершись костяшками в парту, нависнув над побелевшим от злости бывшим другом. —Я тебя не трогаю, и ты меня не тронь.

—А то что?— Санек задрал голову. Эх, Сашка, Сашка, перед кем же ты так выпендриваешься?

—Я тебе шею сверну,— прошептал я так тихо, что бы никто кроме него меня не услышал. Заметил как дернулся парень, и перехватив его руку, занесенную ударить мне в грудь, прижал его ладонь к парте костяшками пальцев. Больно так прижал, надавливая на нерв и видя каких сил ему требуется что бы не закричать от боли. —Я серьезно, Сань. Не лезь ко мне,— мой шепот был лишь для нас двоих, и я чуть ослабил давление на руку парня. — А теперь, если не хочешь что бы я опустил тебя перед всем классом, вспомни меня прежнего, и поздоровайся так, как если бы мы были лучшими друзьями. Мне терять нечего, а ты потеряешь не только репутацию, но и здоровье.

Отступив на пол шага, я чуть улыбнулся, с усмешкой глядя как в Саньке борются страх и гордость. Как его разве что не подкидывает от злости, то ли на себя за свой страх, то ли на меня.

Все же победил страх. Нервно усмехнувшись, он хлопнул меня по плечу, и заорал на весь класс.

—А, чертов янки, как мы рады тебя видеть! Мы ведь были уверены что ты тогда не утонул! Что бы ты, первый и лучший по школе в плаванье, утонул...

Мир был восстановлен, и я выдохнув, уже с усмешкой жал руки другим своим одноклассникам, все еще не полностью пришедших в себя, но поверивших Саньке. Отвернулся от ошарашенной Кати, явно ожидающей драки, и сев на свое место, засмеялся про себя. Что ж, возможно Санька на самом деле больше не ползет ко мне, а возможно вечером меня будут встречать с парой бит за углом. А, черт с ними. Жаль конечно будет испортить пиджак, но что ж поделаешь? Жаль что лучший друг отвернулся от меня вот так.

Заглянувший учитель секунд пять оценивал обстановку, а потом продолжил урок. Чисто машинально записывая лекцию, я все время следил за тем, как за мной наблюдает класс, как Кати разве что не в ярости разорвала тетрадь, и, психанув, выбежала из класса. Как еще парочка девчонок о чем-то шушукаются, и выходя к доске, одна из них, положила на край моей парты записку. Вскинув бровь, я словно нечаянно уронил ее на пол, и не стал поднимать. Хотят что сказать — пожалуйста, вот он я, пусть говорят в глаза.

Прозвеневший звонок подорвал весь класс, оставив меня хмурого сидеть за партой, изрисовавшего лист с лекцией и сломавшего карандаш на кучку неопознанных обломков. И

только сейчас понял что записывал лекцию не на русском языке!

—Джейкоб, все в порядке?— учитель недовольно окинул кабинет, и я резко поднялся.

—Я просто задумался. Смотрю как много пропустил за это время.

—Вот эти темы тебе надо прочитать,— учитель положил передо мной лист с перечнем лекций и я быстро пробежал его взглядом. Кивнул. —Если что не поймешь, обращайся.

—Спасибо,— собрав за собой мусор, я ссыпал его в мусорку, чем явно удивил учителя. Не совсем понимая чему тот удивился, вышел в коридор, и только тут понял что тот, прежний Джейк, либо оставил бы его на столе, либо смахнул на пол.

Следующих два урока я тупо планировал провести на скамейке в спортивном зале, имея справку об освобождении от физкультуры на пол года. Ни на кого не обращая внимания, устроился в самом дальнем углу, поглаживая камень браслета, и поражаясь тому, что чувствую Роксалана, но тот не спешит отзываться. Да и о чем я сейчас мог с ним говорить? Лишний раз расстраивая себя и его, я делал бы более лишь себе и людям, о которых разрывалось сердце.

Вздохнув, откинулся на спинку сидения, и с завистью уставился на одноклассников, играющих в волейбол. Эх, все бы сейчас отдал за кеды и шорты с майкой, за возможность вот так, ни о чем не думать, не переживать, а просто быть

ребенком, у которого все мысли лишь о сегодняшнем дне.

—Джейк,— Санек возник словно из ниоткуда, и я вздрогнул, сообразив что слишком ушел в себя. Поднялся, нависая над пацаном, и настороженно окинул его взглядом. Тот тут же показал руки, догадавшись что именно я мог подумать. — Я просто хочу поговорить. Я могу сесть?

Я кивнул, и одернул рукав, пряча браслет.

—Ты это, прости что я вот так на тебя набросился,— Санек нахмурился, и уперся глазами в спинку сидения перед собой. —Катка такую хрень про тебя вчера наплела.

Я напрягся.

—То есть?

—Что ты там разве что не родителей по струнке гоняешь, что пытался приставать к ней. Что послал куда подальше нас всех и пообещал гнобить нас.

—Тварь,— прошипел я, понимая что враз накатившая ярость готова захлестнуть с головой.

—Джейк, я не верил. Правда, не верил. Но если бы я не набросился на тебя, они бы от тебя мокрого места не оставили... Ты это, прости меня, что ли. Дура она, и все дураки, что поверили ей.

—Все нормально, Сань. Я ожидал нечто подобное.

Вот так вот, бывший друг, бывший враг, и настоящий друг, в одном лице. Санька, как я мог в тебе усомниться?!

Отыскав на поле Кати, я так пристально стал следить за ней, что она почувствовала мой взгляд и обернулась. Чуть

усмехаясь, я провел пальцем по шее, и едва не захохотал, когда она побледнела и попятилась.

—Зачем ты так?— Санька вскинулся.

—Думаю опубликовать в инете те пять минут нашего общения, что сняла домашняя камера вчера у меня дома. Как ты думаешь, это ее уничтожит?— настроение предательски упало еще ниже, чем до этого разговора.

—Камера? Дома?— Санек даже рот открыл.

—Папин адвокат порекомендовал, после того как один из журналистов попытался устроить допрос под видом полицейского.

—Ни чего тебя обложили,— Санек растерянно запустил пальцы в волосы, но тут же отдернул руку, судорожно растирая запястье. Я тут же увидел оставленные мною синяки.

—Прости что руку чуть не сломал,— я и правда раскаивался.

—Спасибо что не сломал,— Санек засмеялся. —Зато освобождение до конца недели обеспечено. Не дрейфь, я сказал что стул на руку уронил.

—А я бы с радостью сейчас оказался там,— кивнув на поле, я вздохнул.

—Джейк, что с тобой произошло?— тихо поинтересовался Санек, с интересом рассматривая шрам у меня на щеке. С некоторым удивлением уставился на сережку в моем ухе.

—Сань, я не могу сказать. Ты... ты просто не поверишь, и посчитаешь меня сумасшедшим. Я и сам порой думаю что

схожу с ума.

—Да же так?

Я кивнул, и прислушался к начинающемуся скандалу на поле. Кати что-то истерично кричала, показывая на меня пальцем.

—Вот дура,— Санька сплюнул. —Что теперь то ей надо?

—Дай я сам разберусь,— достав планшет, я быстро нашел нужную папку и, запустив видео, поставил его на паузу. В отличие от Санька, я слышал что она пыталась доказать двум учителям и завучу.

Бросив рюкзак на сидение, я спокойно спустился, протянул планшет завучу и снял видео с паузы. Не обращая внимания на крики Кати, спокойно вместе с учителями смотрел запись сразу четырех камер из квартиры. Заинтересованные одноклассники то же силились рассмотреть такое любопытное видео, раз уж преподаватели увлеклись им на столько серьезно, что напрочь забыли о Кати.

—Ко мне еще будут какие-то вопросы?— я забрал планшет, отключая запись на ужине. Нечего им знать остальное.

—Ты сможешь предоставить это видео, если поднимется скандал?— завуч уничижительно смотрел на Кати, а та словно с цепи сорвалась.

—Конечно,— я невозмутимо пожал плечами. —Я вообще думаю выложить это в интернете, что бы ни у кого не возникало никаких мыслей по поводу меня и...

—Ты не посмеешь!— Кати так резко подскочила ко мне, что

я не поверил своим глазам. Успел только повыше задрать руку, не давая вырвать планшет, да перехватить ее кулак, спасая себя от пощечины. —Ты урод! Ты всегда был уродом, им и остался.

—Кати, что тебе от меня надо?— я не выдержал и разорался как сумасшедший. Виноват, признаю. Но она меня достала. —Тебе что, детей от меня рожать? Или на дискотеку не с кем пойти? Ты сказала что не хочешь продолжать дружбу, я отступил. Отвали от меня уже! Ты своим гонором себя позоришь, а не меня! Что я тебе сделал? Какую ты хрень здесь про меня натрепала? К кому я там приставал? Кого я здесь гнобить должен был? Кто у меня по струнке ходит? Ты что, думала я не узнаю кто настроил школу против меня? Что замолкла? Ты же сама меня уголовником сделала в глазах всей школы! Стремно со мной в одном классе учиться? Вот и беги сама, я не собираюсь из-за твоей мании преследования менять свою жизнь!

Оттолкнув побелевшую от страха девчонку к ее подружкам, я развернулся, и, забрав свои вещи, в бешенстве выскочил в коридор.

Бросив рюкзак, с силой ударил в стену кулаком, пытаюсь болью заглушить ярость, и едва не ударил повисшего на руке Санька, шипящего на меня как на взбешенного пса.

—Джейк, тихо! Успокойся! Еще немного и ты все испортишь!— шипел он, едва ли заметив что я лишь в паре сантиметров от его головы задержал удар.

Скинув друга с себя, я схватился за голову и сполз по стене.

—А,— застонал я, пытаюсь успокоиться.

—Тихо,— снова шикнул на меня Санек, и одернул меня, заставляя подняться. В дверях стоял завуч и хмуро смотрел на нас.

—К директору! Оба!

Выдохнув, я кивнул, и достав из кармана платок, замотал им разбитые костяшки. А ведь боль на самом деле помогла справиться с яростью, только вот как еще отвертеться от директора и этой Катки? А, черт с ней, с этой дурой!

Папу конечно же вызвали в школу. О чем они там беседовали с директором, я слышал, но упорно делал вид что из-за дверей не доноситься ни звука. Санька же с любопытством разве что к стене ухом не прижимался.

—Черт, ни че не слышно!— буркнул он, и плюхнулся в кресло.

—Подслушивать не прилично,— тихо прошептал я, вспомнив чем обернулось мне мое любопытство.

—Ой, да брось ты,— пацан тоскливо откинулся на мягкий подлокотник. —Она как с цепи сорвалась, когда тебя по телевизору показали месяц назад. А сама даже не пришла когда мы прощались с тобой. Говорят у нее хахаль новый появился, вот и бесится.

Я пожал плечами, и, достав планшет, вдруг открыл отснятую на сканере фотографию Розалин. Секунду помедлил, а

потом протянул Саньке.

Тот с открытым ртом смотрел на мою Розалин, и недоверчиво переводил взгляд на меня, а потом обратно на портрет.

—Ну ни фиги себе!— наконец выдохнул он, и умолк, увидев как заблестели у меня глаза. —Джейк, ты чего?

—Прости, просто...

Забрав планшет, я поспешно закрыл фото, и отвернулся.

—Сань, я наверное не смогу здесь остаться,— в раз охрипший голос, вспотевшие ладони, все выдавало мою панику. — Я переведусь на домашнее обучение.

—Ты чего, рехнулся? Да забудь ты про эту дуру. Ее теперь вся школа на смех подымет!

—Да не в ней дело. Не только в ней. Я сам не могу. Я чуть... я чуть голову тебе не разнес, когда ты повис на мне! Я был готов тебе руку сломать там, в классе! А ее... я бы ей шею свернул, если бы она еще хоть слово сказала. Я урод, Санька. Моральный урод! —уткнувшись в ладони, я нервно рассмеялся.

Сашка то же неуверенно рассмеялся.

—Ой, только не надо говорить что ты убил бы меня! Или ее. Ты конечно, дурак еще тот, но не маньяк и не убийца.

От истерики меня спас Роксалан, успевший все же понять что со мной происходит. Он так шарахнул меня током, что меня всего дернуло.

—Ладно, все, забыли,— вскочив, я стал метаться по коридору, и в это время зазвонил звонок. А, проклятье!

Пропустив мимо себя целый класс, метнувшийся из кабинета, я придержал какую-то девушку, заскользившую каблуками по полу, и, проигнорировав ее удивленный взгляд, успел заметить как она одними губами прошептала благодарность. Класс уже скрылся за поворотом, стараясь быстрее ретироваться от директорской, а девушка все так и стояла, не слишком уверенно вцепившись в мой рукав.

—Ирка, ты что там?...

В коридор выглянула еще какая-то девчонка, но я не обратил на нее внимания. Смотрел в ярко голубые глаза очень красивой девушки, так похожими на те далекие глаза Жулет, и было такое чувство, что земля из под ног уходит.

—Спасибо... Джейкоб,— она вдруг застенчиво улыбнулась, и, отпустив мою руку, поспешно догнала свою подругу. Я смотрел ей в след, и от растерянности, не мог ни слова сказать. Понимал что она совершенно не похожа на Жулет, но цвет ее глаз, сам взгляд, был как нож в сердце.

—Джейк, ты чего?— Санек толкнул меня в плечо, и я очнулся от шока. Растерянно оглянулся, и нервно сглотнув, рухнул в кресло.

—Обознался,— сделав вид что разглядываю разбитые косяшки на руке, прикусил губу, задумавшись.

Кто была эта девушка? Что-то в ней вроде было знакомо, даже вроде как пару раз пересекался с ней в те времена, когда был обычным школьником, но она не цепляла так, как сейчас. Да и внешность у нее была какая-то невыдающаяся,

что б я прежде обратил на нее внимание. А вот сейчас, зацепила! Только вот не по зубам она мне. Да и вообще, с чего это я вдруг решил что она станет общаться со мной. Она же как минимум на год, или даже на два, старше меня! Да она даже не заметила бы меня, если бы...

—Заметил, она назвала тебя по имени?— Санек зацокал языком. —Ты теперь у нас знаменитость!

—Обошелся бы и без такой славы,— буркнул я, разглядывая почти затянувшиеся ссадины. Если Роксалан и дальше залечит меня, то уже минут через десять останутся только едва заметные следы.

—Слушай, Джейк, я вот знаешь что подумал. Тебе нельзя сейчас бросать школу,— Санек смотрел на шрам на моей щеке, и недовольно морщился. —Ты тем самым дашь этой дуре понять что испугался и сдался. А с ее длинным языком в итоге окажется что она была вроде как и права.

—Думаешь?— я повернулся к другу и тот уверенно кивнул. —Ладно, я подумаю.

Что именно заставило меня передумать, я не хотел себя спрашивать. Однако не смог не признать, что меня заинтересовала эта Ира, и я просто хотел еще раз посмотреть в ее глаза. Для чего? Да просто удостовериться что просто ошибся. Что просто показалось.

Относительно спокойно проведенные оставшихся два урока, без истерик Кати, которую забрали родители домой, не улучшили моего настроения. Чувствуя все больше напря-

жение, я нервно дергался от любого шороха или окрика, ловил на себе удивленные взгляды одноклассников, и настраивался на то, о чем уже гудела вся школа. Вечером меня ждали разборки.

— Не дури, — Санек в отличии от меня не мог скрывать свою нервозность, и разве что не за руку был готов тащить к припаркованной у центрального входа машине моего отца. И меня это бесило. Накопившаяся за весь день сумасшедшая ярость просто кричала, прося о разрядке, руки чесались, прося крови, а мозг вообще отключил здравый рассудок. — Они из тебя отбивную сделают.

— Брось, Санек, — я спрятал врученную мне записку в карман, и подойдя к машине, открыл заднюю дверцу. — В открытую вот так при свете дня они не полезут. Читал же, просто хотят поговорить.

Я старательно улыбнулся отцу, напряженно следящего за мной. Бросив рюкзак на сидение, разве что не силком затолкнул Саньку в салон, и захлопнул дверь, подойдя к отцу.

— Пап, все будет хорошо. Мы просто поговорим.

— Джейкоб.

— Пап, мне надо вливаться в привычный образ жизни. Если я сейчас сбегу, то буду трусом до конца жизни.

— Джейкоб!

— Пап, пожалуйста. Дай мне десять минут, — я закатил глаза к небу, прикидывая что ночью будет дождь. — Если через десять минут я не вернусь, можешь прийти на помощь.

Помедлив, я стянул пиджак, и перебросил его через стекло отцовской дверцы. Встретился с хмурым взглядом отца, и невозмутимо повел плечами, расстегивая манжеты и закатывая рукава, впервые на людях показывая малую толику тех шрамов, что украшали меня. Заметил как у Санька отвисла челюсть от вида белых рубцов, и наклонился к отцу.

—Пап, Саню из машины не выпускай. Ему не надо вмешиваться. Это только мое дело.

—Уверен?— отец даже взмок от напряжения, но двери заблокировал. Глянул на браслет, который я не пытался скрыть, и словно расслабился. Не знаю, чем он считал этот браслет, но зная что я смог с его помощью поднять на ноги двух стариков, разве что не молился на него.

Поежившись от холодного осеннего ветра, я засунул руки в карманы, и расслабившись, направился за угол школы. Там находилась площадка для волейбола, огороженная от дороги трехметровой кирпичной стеной, а с другой — граничащая с окнами кабинетов для старшеклассников. И помимо того, что в эти окна сейчас пялились около сотни любопытных, пол сотни еще более любопытных, и более смелых, сейчас довольно мирно ждали меня, упорно делая вид что собрание такого количество народа после уроков — это событие обычное и непримечательное.

—Ты самоубийца!— тихо прошептал Роксалан. —Ты же хотел вернуться к нормальной жизни! Зачем?...

«Не дави на меня. Я сейчас или остановлю все это, или

сдохну, чему буду безумно рад».

—Я тебя сейчас вырублю! Ты не имеешь право...

«Заткнись!»

Я чуть замедлил шаг, внимательно оглядывая пеструю компанию, сразу поняв, что они сюда собрались не поговорить, а для драки. Н-да, попал я в этот раз конкретно. Ладно, попробуем разрулить все без кровопролития. Если я сейчас здесь хоть кого-то даже просто поцарапаю, или не дай то Бог ударю, то меня тут же запрячут куда подальше в места не столь отдаленные, но изолированные. Сразу найдется куча свидетелей, что я напал намеренно и хотел как минимум убить, или покалечить бедного пострадавшего.

—Привет, Игорь,— спокойно поздоровался я с выступившим вперед старшекласником, многозначительно оглядев спортивного телосложения парня с ног до головы. Главный задира во всей школе уже как пару лет. На сколько мне не изменяет память, о нем говорили что он хоть и бьет тяжело, но в драки сам редко вмешивается. Чаще всего натравливает своих дружков, а сам стоит в сторонке и наблюдает. Но и трусом его никто ни разу не называл. Умный, что говорить. Этакий главарь банды. И в кармане либо ножичек, либо кастет. А у его двух друзей, стоящих за спиной, всего лишь биты. Странно, как-то они слабенько подготовились?

—Ну и что нам с тобой делать, янки? Что-то раздухарился ты тут не в меру,— Игорь угрожающе повел плечами, явно работая на публику. Вот глупец, нашел перед кем красоваться.

—А по мне так, я слишком тихо отпраздновал свое возвращение,— я даже усмехнулся, на долю секунды отвлекшись на красный огонек чьего-то телефона, снимающего видео.

—Слушай, янки,— Игорь, раза в два шире меня в плечах, попытался схватить меня за ворот сорочки, но я спокойно отстранился, не вынимая рук из карманов. —Ты не знаешь с кем связался?

—Это ты Игорь не понимаешь с кем связался,— тихо произнес я, избавляя всех наших зрителей от дальнейших обсуждений нашей беседы. Я пару секунд смотрел в его глаза, и отвернулся к замершим школьникам. —Что тебе от меня надо? Только не говори что просто поговорить, в это ни я, ни кто из этих олухов, не поверит. Для бесед не собирают столько зрителей. Избить меня? Зачем? Посмотри вокруг. Как минимум половина твоих фанатов сейчас снимает все на видео, и уже через пять минут весь интернет будет завален роликами, как ты сам нарвался на безоружного ребенка, которого в свое время успели похоронить, а потом перемыть ему косточки.

—Янки, ты нарываешься!— Игорь все же схватил меня за воротник. И чего он к нему привязался?

—Нарываюсь?— я так удивился его словам, что просто не смог скрыть удивления. Однако замершие в ожидании крови окружающие были еще больше поражены тем, что я даже не пытаюсь вырваться. —Слушай, Игорь, ты же сам предлагал поговорить. Давай сначала поговорим, а потом уже будем

руки распускать.

Я улыбнулся одними губами, холодно сверля взглядом как-то враз насторожившегося парня. Чего он так испугался? Неужели не успел до этого рассмотреть какой я «красивый» вблизи? Или ожидал что я трусливо сбегу? Хотя, я бы то же на его месте насторожился. Я бы не понял, почему один самонадеянный болван не дал деру от толпы жаждущей драки толпы. Понял бы, что раз он не бежит, значит он либо уверен что справится с этой толпой, либо знает что-то такое, что сможет остановить эту самую толпу.

—Что ты от меня хочешь?— разве что не одними губами спросил я, спокойно подняв руку, и положив ее поверх кулака, впившегося мне в ворот.

—Я хочу что бы ты исчез, но перед этим извинился перед моей девушкой.

—Чего? Когда это я успел чем-то обидеть твою девушку?

Я вспомнил что в прошлом году Игорек гулял с какой-то девчонкой не из нашей школы, и мог бы поклясться, что ни сегодня, да и последние две недели, ее не встречал.

Обернулся на ту, куда повернулись все присутствующие и ошалело замер. Удивился больше чем вообще мог себе представить. Даже рот открыл от вида выступившей из толпы Кати, мстительно улыбающейся и нагло сложившей свои беленькие ручки на груди. От ее истерики и следа не осталось, а заново нанесенный макияж почти скрывал опухлость от слез. Только вот глаза так и остались красными. Как же

она от родителей то смогла отвертеться?

Вот тварь то! Вот думал же что так просто она не успокоится!

— Это она твоя девушка? Я думал о тебе лучше, Игорек.

Я успел перехватить его пальцы прежде, чем они впились мне в горло, и так сжал их, что Игорек дернулся. Хотел вырвать руку, но я не отпустил, продолжая удерживать ее на своем плече.

— Скотина,— прошипел он, уже сообразив что кастет лежит в правом кармане, а вот правая рука то у него в данный момент ему ни чем не поможет.

— Я перед ней извиняться не собираюсь,— четко произнес я, еще сильнее сжимая пальцы, и чувствуя как судорожно дрожит рука парня. Оскалился, чуть повышая голос. — Скажи мне, Игорь, сколько ты с ней встречаешься? Месяц? Два? А не кажется ли тебе, что для девушки, которая только что потеряла своего парня, пропавшего без вести, и возможно утонувшего, она слишком быстро нашла ему замену? Что это за девушка, которая не пришла даже на похороны своего парня? Что за бездушной тварью надо быть, что бы не прийти или позвонить мне, когда всем стало известно что я вернулся? И подумай как скоро она натравит на тебя твоих же друзей, когда ты станешь ей не нужен?

Резко оттолкнув от себя его руку, я отступил на пол шага назад и нагло уставился на парня, явно задумавшегося над моими словами. Задумавшегося на столько, что чисто маши-

нально растирал пальцы на помятой руке, а сам смотрел на вновь побледневшую девчонку.

—Ладно, черт с ней. Я с ней позже поговорю. Но ты,— он ткнул в меня пальцем. —Я хочу что бы ты немедленно собирал свои вещички и проваливал из города.

—Или что?

Парень рассмеялся, и подступив в плотную, почти что мирно, провел ногтем по левой моей щеке.

—Или я сделаю твою рожу более симметричной.

Я усмехнулся и покачал головой.

—Игорь,— я вздохнул, уже поняв что выиграл этот спор. —Хочешь я расскажу тебе чем я занимался этих три месяца, что меня искали? Я учился выживать,— тихо прошептал я, поймав взгляд парня. —Ты и рядом не стоял с теми моими противниками, которые не просто хотели разукрасить меня, а убить. И если ты думаешь что напугал меня своим ножичком, или что у тебя там в кармане, то ты глубоко заблуждаешься. Мне хватит несколько секунд, что бы свернуть тебе шею. Но я не собираюсь потом из-за тебя сидеть за решеткой, а потому я просто переломаю тебе ноги, и тебе очень повезет, если после этого ты сможешь встать через пол года с инвалидного кресла. Хочешь, нападай. Но подумай, что будет с твоей репутацией, когда видео о том, как тебя за несколько секунд уложил малолетка, выложат в интернет. И это при всем при том, что именно ты начал первым, напал на девятиклассника, одного и безоружного, со своими друзьями. Хо-

чешь драки, будет тебе драка, но не здесь и не сейчас.

—Ты охренел?— у него даже голос изменился от шока на мою наглость.

—Нет. Пытаюсь избавить себя от очень неприятных часов в отделении полиции, которую уже вызвали наш смелый школьный охранник, в компании с директором и завучем,— я не глядя кивнул на окно второго этажа, в котором мелькали всеми узнаваемые фигуры. —Звонок они сделали минут пять назад, так что думаю минуты через две сюда приедет пара нарядов нашей доблестной стражи порядка. Ты хочешь с ними пообщаться?

—Думаешь спрятаться от меня за спинами легавых?— все же он отступил на шаг, косясь на выход с корта. Где-то в отдалении уже был слышен вой серен.

—Я же сказал тебе, что готов принять твой вызов, но без... таких свидетелей. Скажи место и время, и мы продолжим наш разговор.

Игорь сплюнул мне под ноги, и отвернулся.

Пожав плечами, я тоже отвернулся, и пошел на выход.

—Эй, янки,— окрик заставил меня обернуться. Игорь уже отослал своих дружков, и теперь стоял покачиваясь с пятки на носки. —А ты уверен что смог бы сломать мне ноги?

Он даже улыбался. Быстро же он отошел от своего ступора, стоило мне отойти.

—Уверен что свернул бы тебе шею за пару секунд,— я тоже улыбнулся. Улыбнулся так, что бы шрам натянулся на лице,

сделав его не просто неприятным, а страшным.

—Завтра поговорим.

Я пожал плечами, и, засунув руки в карманы, пошел дальше.

Чисто интуитивно почувствовал легкое напряжение чуть сбоку, и на лету поймал брошенный в меня кусок кирпича. Не раздумывая ни секунды, с силой запустил его в бросившего в меня парня, и оскалился. Кирпич разлетелся на мелкие куски, ударившись в стену всего в нескольких сантиметрах от его головы, заставив «смелого» пацана шарахнуться в сторону.

—В следующий раз брошу в лицо,— не слишком громко огрызнулся я, и, стряхнув желтую пыль с руки, пошел на выход.

Все таки от полиции не удалось отвертеться ни мне, ни Игорю. Благо нас хоть отвозили в отделение на разных машинах, а то я бы его там же захлестнул от обиды. Я даже не успел надеть пиджак, когда во двор с ревом ворвались четыре патрульных машины, и лишь одернул рукава, спрятав и шрамы, и браслет. Хмурый же отец, лишь сжал челюсти, когда понял что меня все равно заберут на допрос. По взгляду понял что он уже прокручивает в голове за каких друзей надо дернуть что бы меня отпустили.

—Но ведь ничего не было!— услышал я возмущенный крик Санька, все еще запертого в машине. Папа что-то сказал ему, и тот послушно умолк. Вот так всегда, стоило моему папе

включить свой деловой надменный тон, как все начинали бегать вокруг него на задних лапках.

—Пап, маме только не говори,— я умоляюще уставился на отца, спокойно выдерживая его взгляд, пока полицейские вели вырывающегося и шипящего на них ругательства Игорька. Сзади семенили директор и охранник, так и не осмелившиеся показаться до самого приезда копов.

Спокойно сел в полицейскую машину, и положил рядом с собой пиджак, внимательно изучая помятые рукава рубашки.

—Эй, парень, ты в порядке?— один из полицейских явно был на моей стороне.

—Да надоело уже это все,— я все же не выдержал, и сжал кулаки.

—Так и не надо было лезть в драку.

—А не было драки! Поговорили и разошлись, а этот... «охранник»... Он вообще для чего в школе? Стоял уродом за спиной директора и ждал когда меня бить начнут. То же мне,— я дернулся, наливаясь гневом.

—Так какого лешего вообще пошел на стрелку?— полицейский даже повернулся на своем сидении.

—А что мне еще оставалось?— я недоуменно уставился на человека, раза в три старше меня. —Если бы я не пошел, то они бы меня вообще в покое не оставили, посчитав трусом.

—А ты, значит, не трус!— тот, что сидел за рулем, усмехнулся.

—Был бы трусом, то сбежал прежде чем вы приехали.

—Да ладно, не кусайся,— первый полицейский все же одернул наш спор. —Протокол составим и домой поедешь.

—Протокол чего? Ведь не было драки!

—Заявление все же поступило. Так что придется много бумаг заполнить. К тому же на тебя еще одно заявление написали.

—Чего? На меня? Кто?— я поддался вперед.

—Родители твоей одноклассницы. Что ты избил и пытался изнасиловать их дочь.

Катка! Вот же с...

—Она тоже едет в отделение?— меня накрыло какое-то странное спокойствие. Хладнокровное такое, опасное. —Я хочу увидеть отчет судмедэкспертов, и узнать как и когда это произошло.

Машина остановилась, и передо мной учтиво распахнули двери.

—А заявление о клевете и преследовании мне самому можно написать, или это отец должен сделать?— я едва не скинул с плеча руку полицейского, дожидаясь пока отец припаркует свою машину. —Пап,хвати мой рюкзак.

Я сидел в коридоре на ужасно неудобном стуле уже второй час, пока полицейские составляли опросы родителей Кати, фиксировали записи с наших домашних камер, пока опрашивали Саньку, свидетельствовавшего что именно она распространяла слухи обо мне в школе. Потом вызвали того за-

вуча, что разнимал нас в спортзале, а про меня словно вообще забыли. Я видел как устал отец и понимал его. Я и сам уже устал от всего этого. Устал на столько, что начинало болеть все тело, нервно дергало все шрамы, а ноги словно свинцом налились.

Отгородившись от Роксалана, я упорно старался взять свою депрессию под контроль, однако полностью отрешиться от боли не получалось.

–Эй, парень, ты чего?– меня кто-то не слишком вежливо толкнул в плечо, и я с неохотой открыл глаза. –Спишь что ли?

–Устал,– буркнул я, и удивленно уставился на того самого охранника из ГБР, что месяц назад встретил меня в этом мире. –Максим? Что вы здесь делаете?

С трудом поднявшись, я потер ладонью шрам на лице.

–Клиента привез,– охранник усмехнулся. –А ты что тут делаешь?

–Да вот, первый день в школе не очень удачно прошел,– я поморщился. В коридор вышел отец, устало потирая шею. Заметил Макса и поздоровался с ним.

–Что-то серьезное?– Макс заинтересовался. –Может помочь надо?

–Да не то что бы... Чувствую эта девица попьет нам еще крови,– отец разве что не рухнул на стул рядом со мной, и выдохнул. Вкратце за меня рассказал о Кати и ее мании против меня, о том как она настроила против меня всю школу.

-Надо тебе телохранителя нанять, Джейкоб.

-Чего?— я дернулся, и растерянно уставился на отца. -За-чем?

-Джейкоб, тебе нельзя оставаться одному. А мне надо быть с мамой. Ей сейчас очень тяжело.

-Я лучше школу брошу и с мамой буду...

-Не дури!— папа все же поднялся и отдав мне мой рюкзак, впился в меня взглядом. -Ты закончишь эту проклятую школу, на домашнем обучении или нет, без разницы.

-Но папа...

-Я все сказал! Максим,— отец отвернулся от меня. -У вашей же фирмы есть филиал в городе? Она предоставляет услуги частного плана?

-Вы думаете все так серьезно?— Макс хмурился. Что-то в нем мне вдруг напомнило Кодо, и я, закрыв глаза, сглотнул. Почему-то вдруг затошнило, и неприятный металлический привкус во рту мне совсем не понравился. Было такое чувство, словно я захлебываюсь кровью.

-Пап, мы можем отсюда уже уйти?— я ломанулся к двери, стоило отцу только кивнуть. Выбежал на улицу, и заозирался. Вспомнил когда меня вот так же трясло всего словно в агонии, и что из этого получилось. Вспомнил как умирал на руках Хогард и едва не схватился за голову, так она резко заболела. Лихорадочно дергая ручку запертой машины, я понял что меня ведет в сторону, и уже понимая что вот сейчас просто грохнусь в обморок, успел снять блокировку

с браслета.

Кто-то успел меня подхватить прежде чем я отключился.

—Ну слава Богу,— услышал я в тот же момент, как почувствовал отвратительный запах нашатырного спирта, и дернувшись, закашлялся. Надо мной склонились врачи скорой помощи, и их безразличные лица меня поразили. Зато вот лицо отца было ужасным. Я едва не выругался, увидев в его глазах стоящие слезы, и без сил откинулся на каталку. — Джейкоб!

—Я просто устал, папа. Я посплю немного,— я успел встретиться взглядом с настороженным Максом, а потом все так плавно посерело и начало меркнуть.

Стоп! Скорая помощь?

Резко вскочив с каталки, к которой меня уже пытались пристегнуть, я нервно огляделся. Трое врачей, отец и с десяток полицейских опешили от такого моего поведения.

—Со мной все в порядке,— я даже улыбнулся, а потом попятился от врачей. —Ну правда, со мной все нормально. Просто устал и не обедал сегодня. Вот и закружилась голова.

Врачи укоризненно набросились на отца, а я нервно утер пот со лба. Заметил как полицейские, потерявшие ко мне интерес, занялись своими делами, а один из врачей согласно кивнув, указал мне на машину скорой помощи.

—Не-а, не поеду,— я замотал головой, и умоляюще глянул на отца, однако тот был с головой занят разговором с врачом.

Макс, про которого я совсем забыл, вдруг вручил мне в

руки небольшой термос, и подмигнул.

—Сладкий чай. Или как альтернатива — часа полтора под капельницей.

Не совсем понимая о чем он говорит, я хлебнул порядком подстывший чай, едва не поморщившись от того, сколько в нем было сахара. Однако не мог не согласиться, что уже через несколько минут мне на самом деле стало легче.

—Спасибо,— я вернул пустой термос охраннику, только сейчас вспомнив из-за чего я грохнулся в обморок. Тут же вспомнились слова Дориана и Сурима, что если смерть выбрала себе жертву, то она с пустыми руками не уйдет. А если кому-то из моих близких угрожает смерть...

—Парень, ты в порядке?— Макс оперся о капот своей служебной машины, и так внимательно стал наблюдать за мной, что мне стало не по себе.

—Устал. Максим, я вот не понял. Как скорая приехала так быстро? Или я...?

—Я же говорил что клиента привезли. Один одаренный пытался стянуть медикаменты из машины скорой помощи.

Не совсем поняв что именно он имел ввиду, я все же кивнул.

—Пап, поехали домой. Я есть хочу,— махнув на прощание Максиму, я сел рядом с Саньком, все это время тоже с интересом следящим за мной.

—Джейк, ты точно в порядке? Ты бледный как труп.

—Просто отвык от такой суеты. А Игорь где?

—Да его почти сразу отпустили, как только ты подтвердил что с ним у тебя не было никаких конфликтов. Я слышал как он с Катькой говорил,— Сашка нахмурился. —Она реально из него веревки вьет, как из тебя прежде.

—Что?— от возмущения я даже выпустил из рук сумку, и та скатилась на пол машины.

—Вот только не говори, что ты не старался исполнить любое ее желание. Катя хочет в кино, пожалуйста. Катя хочет в кафешку сходить, мороженого поесть — ты разве что не руках ее несешь. Ты кроме нее никого прежде не замечал! Во все свои поездки только ее звал, даже в поход когда ходили, только с ней сюсюкался!

Я выдохнул, и вдруг улыбнулся.

—Санька, ты что, ревнуешь?

Я со смехом разве что не выскочил из машины, прикрываясь от наигранного гнева Санька.

—Сань, ну прости. Дураком был! Обещаю исправиться. Хочешь, на каникулы к нам на дачу рванем или к моим в деревню? Пап, ты же не будешь против?

Не слишком довольный взгляд отца мне не понравился, но он не сказал нет, а значит Санька теперь мне все уши прожужжит чем мы займемся на каникулах. Хотя нет, еще надо месяц доучиться, попытаться догнать потерянную четверть, решить вопрос с Игорьком, и тогда все будут и каникулы, и отдых, и сон до обеда. Красота!

Домой мы конечно поехали не сразу. Отец завез нас по-

ужинать в ресторан, и оставив нас в нем, умчался на работу. А уже через пол часа я орал в телефон как сумасшедший, требуя что бы отец убрал от меня двух телохранителей. Орал так, что нас чуть не выгнали из ресторана.

—Папа,— я все же немного успокоился, когда понял что Роксалан хохочет мне в ухо, кому-то пересказывая то, что вызвало его смех. Ладно, потом спрошу с кем он там меня обсуждает. —Мне не нужно что бы за мной ходили этих два... телохранителя! Это уже перебор!

—Хорошо, я одного отпущу,— отец вздохнул, и я услышал как он перелистывает какие-то бумаги. Эх, его работа, забота о маме, обо мне... Все таки отец прав. Ему надо заботиться о маме, о бизнесе, о проблемном сыне, а ведь он не железный.

—Лучше к маме его приставь. И она будет под присмотром, и журналисты ее перестанут осаждать.

—Не умничай! Я уже пробовал, она не далась.

—И я не дамся! Сбегу от них...

—Джейкоб!— отец буквально заорал в трубку, от чего я ее разве что не бросил. Ого, вывел отца!

—Ну папа, пожалуйста! Они отпугнут от меня тех единственных, с кем я еще общаюсь!— я был готов разреветься для того, что бы папа поверил мне и отослал этих громил. Хотя есть еще один вариант. —Но если ты найдешь мне такого неприметного телохранителя, вроде Макса, то я согласен на одного.

—Макса?— голос в трубке был полон непонимания.

—Ну этот охранник из ГБР. Ты еще с ним в отделении разговаривал. Пап, он хоть в глаза не бросается в толпе, а судя по его реакции, у него неплохая подготовка. Насколько я знаю, у него пятый или шестой разряд, раз он с оружием работает. И лицензия...

—Хочешь сам себе телохранителя выбрать?— отец усмехнулся. —Ладно, позвоню в это агентство. Может смогу с ними договориться. Как ты говоришь его зовут?

—Максим. Я слышал его позывной. Тридцать пятый, если не ошибаюсь.

—Хорошо, я сейчас же свяжусь с их фирмой. Но, Джейкоб, в любом случае, сегодня я достать его не смогу. Так что постарайся смириться с этими двумя телохранителями, хотя бы на вечер.

—Ну папа!

—Джейкоб, он на смене!

—А ты постарайся,— я оперся на стол, подмигнув ошалевшему Саньке, поедавшего свой ужин. Лениво насадил на вилку кусок мяса и отключил телефон. Бросил его на стол и поманил официанта. —Хочу молока и что-нибудь из выпечки. Только что с печи.

—Простите, но у нас нет такого в меню. Есть множество холодных десертов,— официант неуверенно покосился на телохранителей. —Но я уверен, что шеф повар что-нибудь придумает. А вы, молодой человек, то же желаете молока и десерт?

—Нет, спасибо,— Сашка уверенно затряс головой, окинув взглядом заставленный едой стол. —Джейк, ты чего это на молоко переключился? Здесь столько всего...

—Не хочу. Слушай, Сань, мне надо немного подумать. Ты не будешь против, если я минут десять... покопаюсь у себя в голове?— я повернулся к телохранителям. —А вас я могу попросить отойти от меня хотя бы на пару метров? Мне неприятно когда вы стоите надо мной. Это нервирует.

Они послушались меня только лишь из-за того, что я уверенно произнес свою прихоть. Ну еще немножко, возможно, от того, что я смотрел на них тем взглядом, что не выдерживали люди. Отступили к выходу из ресторана, и уже от туда стали следить за мной.

—Джейк, не бесись. Твой отец прав. Катька же не простит того, что ты ее так опустил на всю школу. Да еще и ответный иск в полицию.

—Сань,— я вскинул руку, останавливая друга. —Десять минут тишины.

Мальчишка пожал плечами, и увлекся ужином, исподтишка следя за мной. Мне же было уже не до него.

Откинувшись на спинку дивана, я прикрыл глаза, и позвал Роксалана.

—Вижу, тебе полегчало,— маг был явно чем-то встревожен. «Роксалан, я вновь... я снова это почувствовал. Как тогда, перед смертью Хогарда».

—Если бы ты не закрылся от меня, я бы то же это почув-

ствовал,— Роксалан обреченно вздохнул. —С кем оно связано?

«Не знаю. Но не со мной, это точно».

—О ком думал в тот момент?

«Думал? Представил что Макс будет моим охранником... а потом словно... вкус крови на языке и меня затошнило. Проклятье, я должен остановить отца! Он не должен просить Максима присматривать за мной!»

Я схватил телефон, но Роксалан как-то враз парализовал руку, и не дал даже дернуться. Я увидел как Санька вскинул голову, с беспокойством глядя на меня. Как напряглись телохранители.

—Не смей! Ты что, хочешь что бы смерть забрала кого-то другого? А что, если это будут твой отец или мать? Или сестренка? Ты вообще в своем уме? А что если она заберет тебя!

Телефон выпал из руки, а я разве что не стоном схватился за голову. Застонал, и прикусил губу так, что стало больно.

—Джейк?— Санек уже стоял надо мной, и тряс за плечо, а телохранители обеспокоено двинулись к нашему столику.

—Проклятье, где мой заказ?!— громко завозмущался я, поняв что слишком поддался эмоциям. —Официант! Если я сейчас грохнусь здесь в обморок от голода, ваш ресторан можно будет закрывать!

—Прошу,— официант уже спешил с моим заказом, разве что не на ходу наливая из графина молоко в большой резной стакан. —Свежайшие маффины, только что из печи.

—Спасибо,— стараясь расслабиться, я полностью переключился с Роксалана на Сашку, и дальнейший ужин прошел без эксцессов. Внешне вполне довольный жизнью, а разве что не был от боли в сердце, и Роксалану приходилось прилагать усилия, что бы успокоить меня.

Мама сразу поняла что со мной что-то не так, и устроила мягкий такой допрос. Я всячески пытался сгладить опасные стороны сегодняшнего дня, но, даже не вдаваясь в подробности, довел маму разве что не до обморока. Прижимая руку к животу, она села на диван, и я обнял ее.

—Со мной все в порядке, мама,— я заправил ей за ухо прядь волос, гладя пальцем ее возле ушка. Мама всегда любила когда я вот так гладил ее, и возможно именно по этому ни секунды не сомневалась что я все еще ее маленький и несмышленный сыночек. —Ты же меня знаешь. Я такой же как и ты. Если я знаю что я прав, то буду стоять на своем. И как и ты, выиграю.

—Малыш, иногда надо отступить, что бы выиграть.

—Я знаю, мама,— я улегся на диване, стараясь не замечать телохранителя, выглянувшего из отведенной им комнаты, и прижался головой к маминому животу. —Но не в этот раз. Если я отступлю, то это... уничтожит меня. Сломает. Мама, я не могу сейчас отступить.

Мама стала гладить меня по голове, запуская пальцы в волосы, и я почувствовал как начинаю проваливаться в сон.

—Джейкоб, я вот все хотела спросить у тебя,— мама задер-

жала пальцы на небольшом шраме на виске, а потом осторожно погладила неровную полосу на скуле. — Кто такая Розалин?

Я резко открыл глаза, и полный ужаса, сел. Испуганно смотрел на маму, едва не задыхаясь от волнения.

— Ты каждую ночь зовешь ее. Что-то говоришь еще, но я не смогла понять ни слова. А ее ты зовешь, — мама потянула меня к себе, и снова уложила мою голову себе на колени. — Я чувствую в тебе такую тоску, когда ты ищешь ее во снах. Ты даже плачешь, когда...

Мама вдруг отвела глаза, и я увидел в них стоящие слезы.

— Я слышала твой разговор с отцом в ту ночь, когда ты вернулся. И я знаю о том, что ты не хочешь мне показывать, — она погладила мое плечо, и я уткнувшись в ее ноги, понял что вот сейчас сам разревусь.

— Мама, я... я пытался о ней забыть. Не думать, не видеть, не чувствовать. Но я не могу, — я прижался щекой к ее животу и почувствовал как по ту сторону живого тела, меня толкнула маленькая ножка. — Мама, я не знал что это так больно, расстаться на всегда. Такое чувство, словно что-то оборвалось внутри.

Я уже не скрывал слез, да и мог ли я их сейчас скрыть от мамы? Прижимался к будущей сестренке, и она словно слушала вместе с мамой.

— Расскажи мне о ней, — мама гладила меня по щеке, совершенно не обращая внимания на мое уродство.

—Она... она прекрасна, мама. Гордая, сильная, абсурдная и способная на все. Она,— я сглотнул и закрыл глаза, проваливаясь в воспоминания. —Мама, она бы тебе понравилась. Она умеет не только слушать, но и слышать. Она... я был готов остаться с ней навсегда, но она... Мама, она понимает, что тогда бы я не смог простить ни себе, ни ей, то, что оставил вас.

—Ты любишь ее,— мама вздохнула, и я открыл глаза. Мама смотрела на меня с таким пониманием, что мне стало неведомо.

—Я люблю ее, мама. Любил, люблю и буду любить всегда. Она вот здесь,— я прижал руку к сердцу. Порывисто сел, и подбрав с пола брошенный планшет, открыл фотографию Розалин. С какой-то гордостью протянул его маме, и стал следить за ее реакцией.

Мама пару минут рассматривала Розалин, чему-то чуть улыбаясь, а потом протянула мне планшет, все еще не отводя глаз от изображения.

—Она красивая. И такая... настоящая. Она мне нравится. Я кивнул, и вздохнул.

—Я тоскую по ней, мама,— даже закрыв глаза, что бы не видеть родное личико Розалин, я все еще видел ее перед собой. Словно она была рядом со мной, смотрела на меня, думала обо мне. —Я тоскую по той жизни.

Мама с какой-то болью смотрела на меня, и я не смог вынести ее этого взгляда.

—Я знал что вы... похоронили меня, и не мог простить себе этого. Не мог простить себе того, что дал вам винить себя в моей смерти. Когда я был там, я мог думать только о вас. А сейчас я думаю только о том мире, о друзьях, о Розалин, о... Мама, я предал вас. Я предаю себя каждый день, и вас, потому что допустил то, что привязался к чужой семье как к своей. Позволил им считать себя своим сыном, и сам воспринимал их как вас.

Сев на диване, я покрутил на руке браслет.

—Я и сейчас думаю о них о всех как о своей семье. И я не могу так больше. Я разрываюсь на части. Я хочу быть и с вами, и хочу вернуться туда, что бы быть с ними.

—Тебе там было хорошо?— мама даже не дрогнула от моих слов, все с такой же любовью смотрела на меня, а я расклеился как мальчишка.

—Я был там... на своем месте, мама. А здесь я словно чужой. Я не хочу сказать что вы стали мне чужими. Я про мир вокруг. Мама, я не могу с ним сражаться. Все вокруг такое чужое, враждебное. Люди смотрят на меня как на уродца, разве что не маньяка, готового убить или изнасиловать. Какое им дело где я пропадал и что делал? Так надо было. Они видят всех и хотят знать все о них, но на себя не смотрят. Возьми хоть эту Кати. Вот что я ей сделал? Она решила что мы больше не можем быть друзьями, а я и не настаивал. Но нет, она за что-то решила мне мстить. Что я ей сделал? Мама, она хоть раз спрашивала у вас обо мне?

—Нет.

—Вот, она даже не пыталась узнать что со мной, и как. А теперь словно я виноват в ее каких-то проблемах. Я вчера был так культурен, что самому было противно, но они зациклились на том что я страшный. Мама, я три месяца не чувствовал себя таким уродом, как сейчас.

—Ты не урод, Джейк. Ты очень красивый и умный мальчик. Я горжусь тем, что ты мой сын,— она притянула меня к себе, и слабо поморщилась, когда ребенок снова пнул ее ножкой. Или это была ручка? —Все у нас будет хорошо. Расскажи мне о тех людях, что заботились о тебе. Я вижу что ты хочешь поговорить о них. Я обещаю, что никто про них не узнает.

—Эх, мама, мама,— я с тоской прижался к ее руке, даже не сомневаясь что мама поймет меня. А мне на самом деле было уже не вмоготу все держать в себе. —Там была девушка, красивая и такая же как ты, все понимающая. Она спасла меня, мама. Спасла, когда я был на волосок от смерти. Она... она не дала мне умереть когда я разбился. Я просил ее отпустить меня, дать умереть. Мама, мне было так страшно, когда я понял что со мной случилось. Но она не отпустила. Она боролась за меня, буквально спорила со смертью. Я никогда не расплачусь перед ней за то, что она тогда не отпустила меня. Она даже не знала моего имени, для нее я был просто ребенок, который ранен и ему нужна помощь. Я до сих пор чувствую что она переживает обо мне, как о своем ребенке,

хотя у нее его еще и не было. А ее отец,— я хотел отвернуться, спрятать в раз хлынувшие слезы, но мама не дала. Продолжала гладить по волосам, проводить пальцами по шраму, и слушала. Просто слушала, не встречая, и не перебивая. — Мама, в нем было все то, чего мне не хватало от отца. Это сейчас папа слышит меня, беспокоится. Но раньше...

—Я знаю что тебе его не хватало. Я видела как ты хотел быть с ним, но у него была работа.

—Мама, он верил мне. Он доверял мне так, что я не мог позволить себе разочароваться ему во мне. Мама, я видел как ему было больно, когда мне было совсем плохо. Мама, он молился за меня как за своего сына, которого он потерял.

—Он потерял сына?— мама дернулась, но успела себя взять в руки и не показать своей паники.

—Мы нашли его. Я нашел. Я нашел его потому, что они верили в меня и в то, что я смогу его найти. А я... я просто не мог уйти от них прежде, чем найду мальчишку. Я знал что оставил вас одних, и вам больно. Я не мог сделать и им больно, оставив их одних, когда уйду. Его жена тогда сказала...

Я прижал руку к сердцу, отозвавшемуся болью. Казалось что шрам на груди вновь только лишь затянулся, и ноет тянущей болью.

—Сказала, что лучше знать что с твоим ребенком все в порядке, пусть он и далеко, чем знать что его больше нет. Я до сих пор чувствую как они думают обо мне. Я чувствую их тоску. Мама, я не думал что она будет меня воспринимать

как своего сына, не хотел занимать его место. Но она... мама, она посидела, когда я... пропал на несколько дней. Я думал что вернув ей сына, она перестанет переживать обо мне, но я ошибся. Мама, я ошибся. Мама, она сказала что я для нее второй сын, которого у нее не может быть.

—А мальчик? Что стало с ним?— мама прижала ладонь к животу, сдерживая разбушевавшуюся дочку.

—Он... Мама, я считал его братом. И он ненавидел меня за то, что я, его брат, должен уйти. Понимал, но не мог смириться. А я не мог не вернуться к вам. Мам, прости меня. Я здесь, с вами, но мое сердце... оно осталось там.

Мама отрешено посмотрела на включенный телевизор, на который никто не обращал внимание.

—Я знаю, малыш. Я это сразу почувствовала.

Вставать и уходить не хотелось, и я позволил себе и дальше лежать у мамы на коленях и принимать от нее эту маленькую ласку, когда она перебирала пальцами волосы, гладила по щеке, и думала о чем-то своем. Да и сестренка немного успокоилась, перестав пинаться, и я медленно стал сползать в сон.

Меня разбудил очередной приступ боли во всем теле, и я разве что не задохнувшись в панике, резко дернулся к ноге, словно вновь умирающей и сводящей с ума.

—Что случилось?— мама была обеспокоена.

—Болит все. Погода портится.

—Да, сегодня будет гроза. Лежи, я обезболивающее при-

несу.

—Я сам. Скажи название,— встав, я едва не рухнул от закружившейся головы. Проклятье, почему там у меня так ничего не болело, как здесь? Ах да, я же постоянно пил живую воду, а здесь одна химия — вода мертвых.

Порывшись в аптечке, я все же нашел то, что сказала мама, и, выпив пол пачки, стал растирать онемевшее плечо.

—Тебе надо размяться,— Роксалан тоненькими импульсами прошупывал всего меня, немного сглаживая особо острую боль в переломах. —Кровь разогнать.

Я усмехнулся.

«Я слышал что кровь лучше всего разгоняют женщины... в постели».

—Что бы ты подпустил к себе женщину? Джейк, мир обрушится быстрее! Но как вариант, очень не плохо.

«Издеваешься? Да они все разбегутся от меня быстрее. Да и нет среди них той, что способна разогнать во мне кровь!»

Звонок в дверь почему-то заставил замереть, и я весь словно потом покрылся. Что-то тревожное было в нем, и я едва не попятился. Вовремя взял себя в руки.

—Я открою,— один из телохранителей с неохотой двинулся к дверям, и я застыл за его спиной, слушая что происходит за дверью.

В дверном проеме стояла... Ирина. Да, та самая Ира, которая сегодня столкнулась со мной в школе.

—Здравствуйте. Я хотела бы увидится с Джейкобом Риб-

ром. Он здесь живет?

От растерянности я даже оглянулся на маму, с интересом выглянувшую в коридор.

Телохранитель вопросительно оглянулся на меня, и я нерешительно кивнул. Дождался когда девушка смущенно зайдет в квартиру и жестом отослал своих нянек, видя что их присутствие очень ее смущает.

—Привет, Джейкоб,— она так вцепилась в свою сумочку, что у нее побелели пальцы, а глаза... Боги, ну почему у нее такие глаза? Я что, железный? Я не могу нормально мыслить когда она на меня вот так смотрит! Словно и не жалеет, а просто понимает без слов.

—Привет, Ира,— я выдохнул, успокаиваясь. Так, говорят женщины заставляют кипеть кровь в постели? А если о постели и мысли не было, а она закипает?

—Я хотела поблагодарить тебя, за то что не дал упасть, в школе,— она покраснела, и смущенно отвела глаза. Смущенно, а не со страхом!

—Да ты вроде уже поблагодарила... еще в школе,— я нервно запустил пальцы в растрепанные волосы.

Однако она не собиралась убегать, и явно еще не все сказала, что хотела.

—Чай будешь? Или кофе?

Она словно бы даже радостно кивнула, и я поспешно помог ей снять пальто. Почувствовал ее напряженность, но не страх. Это было так захватывающе и интересно, что я почув-

ствовал дрожь в руках.

На кухне я поспешно сгреб аптечку обратно в ящик и за-
пнул его под стол, и лишь после этого налил две кружки
кофе. Поставил на стол коробочку маффинов, которые мне
ужасно понравились в ресторане, и я не удержался порадо-
вать ими маму. Секунду помедлив, закрыл двери в гостиную
и сел напротив Ирины, чисто машинально высыпав в кофе
пол сахарницы.

—У вас дома уютно,— она уставилась на меня, не стесня-
ясь и не боясь меня ни грамма. Да, она чувствовала себя не
ловко, но у нее явно была причина быть сейчас уверенной и
сидеть передо мной.

—Ирина,— я вздернул бровь, пряча улыбку за кружкой,
поднесенной к губам. —Ты пришла по делу. Я слушаю.

Вот теперь она занервничала. Попыталась не смотреть на
меня, но все же не смогла долго разглядывать свои пальцы,
сжимающие кружку.

—Я хотела попросить тебя... не трогай Игоря.

Я выронил кружку, и та, разбившись, облила меня горя-
чим кофе. Я даже не заметил этого, шокировано уставив-
шись на девушку. А вот она испугалась, и виновато подско-
чив, схватила полотенце. Бросилась ко мне, но замерла, на-
ткнувшись на мой взгляд.

—Что бы я не трогал его?— я с трудом вырвался из ступора,
и поморщился, отмахнувшись от ворвавшегося телохрани-
теля. —Я не трогал? Ира, я вообще не собирался с ним стал-

киваться и выяснять отношения!

—Я знаю,— она заламывала руки, испуганно отступив от меня. —Я знаю,— к моему ужасу она вдруг заплакала. Еще пыталась сдерживаться, но это было сильнее ее. —Пожалуйста, не трогай его. Я уговорю его оставить тебя в покое.

—Ира, ты чего?— я растерянно поднялся, ничего не понимая. Эта девушка сейчас просит меня, малолетку, не трогать парня, который мало того старше меня, так еще и имеет поддержку своих сверстников. Просит так, что даже плачет, а я могу поклясться, что ее слезы не наиграны. —Ну не плачь только.

—Джейкоб, я...

Она замерла, когда я протянул ей салфетки, и умоляюще уставилась на меня. Чертыхнувшись, я сжал зубы.

—Это не меня надо просить не трогать его, а его — что бы он не лез ко мне.

—Нет,— она порывисто схватила меня за руку, и сжала аккуратноенькими пальчиками мои пальцы. —Я знаю Игоря, и знаю что он не полез бы если бы не Катька. Но он понял что был не прав. Не мсти ему, пожалуйста.

—Да за что я буду ему мстить?— я охрип, чувствуя ее пальцы на своей коже. Это было похоже на прикосновение родного человека, не то что бы любимого, а просто родного. Как если бы это была мама или Маришь.

—Я чувствую в тебе силу... и уверенность. Если бы я не знала что тебе всего четырнадцать, я бы подумала что ты на-

много старше. Ты даже смотришь по-другому.

Я тряхнул головой, отгоняя наваждение.

—А еще я урод и маньяк,— я усмехнулся и отвернулся.

—Нет,— Ира неуверенно коснулась моей щеки, и я закрыл глаза. В раз как-то все поехало в сторону, и что бы не поддаться этому чувству эйфории, я резко вздохнул. —Я не вижу ни уроды, ни маньяка. Обиженного мальчишку с красными от слез глазами, с ужасным пятном на рубашке, и... ты сильный. Я чувствую это здесь,— она вдруг опустила ладонь и прижала ее к моей груди. Словно чему-то нахмурилась, коснувшись меня.

—Ты ничего не знаешь обо мне,— тихо прошептал я, только сейчас сообразив что она стоит рядом со мной, в каких-то сантиметрах от меня, касается моей груди и держит за руку. Смотрит мне в глаза, и словно что-то видит такое, о чем многие не знают.

—Я знаю что я чувствую сейчас, и что чувствовала днем, когда ты придержал меня. Ты... не такой как все.

Ира опустила глаза и уставилась на свою ладошку, до сих пор прижатую к моей груди.

—Со мной не слишком общаются в школе, и мало кто даже знает что Игорь мой брат, а он это и не афиширует. Для многих я... сумасшедшая, и себе на уме. Потому что я вижу людей таких, какие они есть. Вижу кому они опасны. Чувствую их силу и их страхи. Ты опасен для него, я знаю,— она чуть опустила ресницы, уйдя куда-то в себя. —Я чувствую его

боль, и она связана с тобой. А ты...

Она вдруг тряхнула головой, и словно не веря чему-то, поморщилась. Уставилась на то место, где совсем недавно была ее рука, и хотела что-то сказать, но не смогла и слова вымолвить.

Я и сам был поражен. Покосился на камеру под потолком, и принял решение, не совсем понимая зачем все это делаю.

—Пошли у меня в комнате поговорим,— чуть отстранившись, я не пытался высвободить запястье из ее руки. На ощупь достал из холодильника бутылку с минералкой, наверное, единственное, что мне нравилось из питья после моего возвращения, и потянул девушку за собой в коридор, минуя гостиную, в которой были и мама, и оба телохранителя.

Затащив ее в свою спальню, где словно специально был полный беспорядок, и захлопнув дверь, отцепил с полки вебкамеру, которую прежде просто бы отвернул или отключил от питания. Бросил ее в корзину с мусором и, посадив немного опешившую девушку за компьютерный стол, разжал ее пальчики на своей руке. Нервно пробежался по комнате, в которой маме запретил вообще хоть к чему-то прикасаться, и, расстегнув воротник, присел на корточки перед Ириной.

—Почему ты не убежала?— меня всего трясло, и ее спокойствие меня нервировало.

—Я знаю что ты мне ничего не сделаешь,— она невозмутимо пожала плечами, и вновь скользнула взглядом на мою грудь. Чуть поморщилась, и непонимающе посмотрела мне

в глаза.

—Что ты видишь?— одними губами спросил я, поднимаясь, и едва сдерживаясь от паники.

—Ты нервничаешь...

—Нет,— закричал я, и метнулся к двери, в которую уже собирались постучать. Распахнул ее и с гневом уставился на телохранителя. —Могу я в своем доме поговорить с девушкой наедине, или нет? Если вы мне понадобитсяе, я позову вас!

Захлопнув дверь, я подошел к поднявшейся на ноги девушке и, поймав ее руку, прижал к своей груди.

—Что ты почувствовала, раз испугалась? Ира, скажи мне!

Она хотела вырвать руку, но поняв что я ее не отпущу, попыталась отвести разговор.

—Да что я говорю! Бредни сумасшедшей. Не слушай меня. Я не хотела ничего...

—Ира, я знаю что ты не сумасшедшая. Скажи что ты увидела. Ира!

—Я,— она отвернулась. —Я увидела... смерть. Сердце пробито насквозь. Боже, —она прижала руку к губам, не давая себе закричать. Я едва успел подхватить ее, не давая сползти на пол, и прижав ее к себе, выдохнул.

—Ты увидела нож у меня в сердце? С красным камнем в рукояти? Ира, ты это видела?

Она лихорадочно затрясла головой, вытирая слезы.

—И словно все во льду. Холодно очень. Больно. И крик. Ты знаешь? Тебе уже говорили об этом?— она попыталась

отстраниться, но ноги ее явно не хотели держать. Посадив ее на край кровати, я нерешительно расстегнул пуговицы, и, скинув рубашку, взялся за майку. На миг поймал удивление в глазах девушки, а потом стянул и ее, сжав в кулаке испорченную кофеем одежду. Немного наклонил голову, боясь увидеть ужас и страх в голубых глазах.

—Ты это видела?— хрипло спросил я, не подымая глаз, глядя лишь на два амулета, перепутавшихся между собой, и не удержавшись, прикрыл их ладонью. Вздрогнул когда Ира поднялась, и не секунды не колеблясь, прижала ладонь к моему шраму в виде звездочки. Несколько секунд удерживала тепло между своей рукой и моей грудью, а потом рассеянно скользнула мутным взглядом по исполосованному Роксаланом плечу. На миг задержалась на небольшой царапине на плече и смертельно побледнев, отвернулась. Я поспешно протянул ей холодную минералку и обреченно сел на кровать. Сжал голову, впившись пальцами в волосы, и зажмурившись, попробовал отрешиться от всего окружающего.

—Джейкоб,— она села так близко, что я почувствовал ее ножку, прижатую к моему бедру. —Прости, я не знала.

—Как ты стала видеть?— я понял что говорю глупость, но она поняла.

—Я утонула три года назад. Уснула в ванной,— девушка вздохнула. —Мама почувствовала что со мной что-то не так, и вытащила из воды. Соседей позвала, и они откачали меня. Врачи потом сказали что я... пять минут была не жива. Я

сначала не понимала что со мной, почему я так воспринимая и чувствую окружающих. А потом... поняла что вижу. Это страшно. Я вижу что человек скоро умрет. Или что ему больно. Чувствую что у него внутри и на что он способен. И ты...

Я обреченно опустил руки.

—Что меня связывает с Игорьком?

—Я не знаю. Вижу что он лежит на сухой траве мучаясь от боли, а ты стоишь над ним и у тебя руки в крови.

Я закрыл рот от крика.

—Мне надо уехать.

—Нет,— она обхватила меня за плечо, и заглянула в глаза. — Ты нужен своей маме. Просто... будущее можно изменить. Ты можешь это сделать.

Я покачал головой, и, распахнув шкаф, достал чистую одежду. На миг задумался, прислушиваясь к Роксалану, пытающемуся заговорить со мной.

—Тебя тяготит этот твой... дар?

—Я его ненавижу. Я... лучше бы я тогда захлебнулась,— она заплакала, и я накинув рубашку, сел на кровать у нее за спиной.

—Хочешь, я избавлю тебя от него?— тихо прошептал я, положив руку ей на плечо. Увидел такую надежду в ее глазах, что в груди защемило. —Не спрашивай как, я и сам не смогу тебе сказать. Более того, я даже не уверен что вообще что-то получится. И возможно тебе будет не очень приятно все,

что будет с тобой происходить.

—Я не хочу знать что вот этот человек скоро умрет, а вот этот болеет. Джейкоб, если ты можешь...

Она смотрела на звезду у меня на груди, и словно видела все, что было со мной. Боль, ужас, страх.

—Я попытаюсь, но,— я нервно вздохнул и отвел глаза. — Если ты потеряешь сознание, я не смогу тебя здесь держать долго. Уже поздно, и тебя смогут потерять.

Ира порывисто стала рыться в своей сумочке, а потом достала небольшую пластиковую карточку.

—Я часто падаю. Это телефоны мамы и брата на экстренный случай. Папе лучше не звонить,— она наклонила голову, и заправила волосы за ухо. —Они с мамой развелись, и я с отцом не общаюсь. Джейкоб,— по ее щеке снова потекла слеза, и я смахнул ее пальцем. —Пока я вижу, я хочу сказать... Ты должен вернуться к той, с кем твое сердце. Иначе ты сгоришь. Помоги маме и уходи.

Я отвернулся и стянул с руки браслет, надел его ей на руку. Достал из ее сумочки торчащую ручку, и чуть задрал рукав кофточки, глянув на карточку в ее руках, написал ее имя. Обнял ее со спины, и прижался к ее плечу щекой.

—Ира, ты же знаешь что я не причиню тебе ничего плохого? Ты же видела это. Расслабься и закрой глаза. Хочешь, можешь посчитать от единицы до ста,— я накрыл камень браслета ладонью и махнув Роксалану, сам прикрыл глаза. Почувствовал, и разве что не увидел как из меня потянулись

тонкие нити сил в камень, а потом и в девушку. Удержал ее, когда она сбившись где-то на десяти, дернулась и попыталась вырваться, не издав ни звука пыталась закричать, умоляя меня взглядом остановиться. Гладил ее по щеке, успокаивая и что-то шепча ей, словно она слышала меня. Был готов закричать, когда в ее глазах погасла жизнь, но Роксалан разом вырвав из меня почти все силы, так дернул ее током, что она враз ожила, и, цепляясь за мое плечо, глубоко вздохнула. Нервно улыбнулась, прижавшись к моей груди щекой, и как-то сонно заворочалась у меня на руках.

–Зеркала... Много зеркал... Кровь на зеркалах...

Она обмякла даже не договорив, а я позвал Роксалана.

–Подожди, не кричи,– Роксалан огрызнулся, явно не довольный тем что случилось. –Обычный обморок.

«Точно? Роксалан, если она умрет...»

–Не умрет. Проклятье, Джейк, ты же говорил что в вашем мире нет магии!

«То есть?»

–Знаешь сколько надо сил, что бы лишить мага силы? Если бы я знал, то сразу бы ее убил, а потом оживил, а не шарился в ее мозгу!

«Роксалан, о чем ты? Какая к черту магия?»

–Предсказание и ясновидение то же магия! Ладно, связывайся с ее матерью или кем там еще. Она еще час – полтора будет отходить.

Не совсем понимая что именно происходит, я дотянулся

до карточки и не выпуская девушку из рук, набрал указанный номер матери. Выругался как последний сапожник, когда в трубку прозвучало «Набранный вами номер временно не доступен» и скрепя зубами, покосился на часы. Проклиная все и вся, и время, которое работало не на меня, отсчитывая пол одиннадцатого вечера, набрал номер Игорька.

Слушая гудки, и снимая браслет с руки девушки, скопил глаза на заглянувшую маму. Она явно не совсем поняла что увидела, и замерла.

—Да?

—Игорь?

—Да, это я.

—Это Джейкоб Рибер. Твой ненавистный янки.

—Ну ты...

—Заткнись на минуту,— заорал я на него, поманив маму к себе, и похлопав по кровати рядом с собой. —У меня в гостях твоя сестра. Она упала в обморок, а до матери я дозвониться не смог...

—Что ты с ней сделал?— заорал в трубку парень, и я оглохнув едва не уронил телефон.

—Да ничего я не делал. Так что, мне скорую вызывать или ты сам за ней приедешь? И кончай орать на меня! Мам, скажи этому кретину наш адрес.

Я едва не уронил Ирину на пол, пока пытался разогнуть ноги что бы встать с кровати, и, покачиваясь, осторожно уложил ее постель. Мама что-то спокойно объясняла уже успо-

коившемуся Игорьку, присев на край кровати и погладив девушку по волосам. Продиктовала адрес.

—Почему она упала?— наконец спросила она, и закрыла глаза, когда увидела то, что я почти месяц скрывал от нее.

—Мама, только ты не падай,— я рухнул рядом с мамой на колени, и прижался губами к ее руке.

—Да я видела их уже, малыш. Ты только застегни рубашку, а то этот твой друг какой-то странный.

—Да он мне и не друг вообще-то. Это с ним я сегодня едва не подрался возле школы.

—О как. Может этих верзил к тебе поближе приставить?

—Да ну мам, я что, больной с ним драться дома? Все будет в порядке.

Устало потерев шею, я распахнул шкаф, и под уничижительный взгляд мамы, запихнул в него целую гору грязной одежды. Покосился на черный чехол с новым белым костюмом и, раскидав особо бросающиеся в глаза вещи на свои места, вздрогнул, когда раздался звонок в дверь. Кто-то очень настойчиво не убирал палец со звонка, и я бросился к двери, чуть не налетев на телохранителя, открывающего дверь.

—Это ко мне,— я отодвинул верзилу к стене, мягко так, но настойчиво. —Пропустите его.

—Где моя сестра, янки?— Игорек словно не замечая моего телохранителя шагнул в квартиру, и я оскалился.

—Хотя бы при моей маме придержи свой язык! Пошли,— не дожидаясь когда парень немного отойдет от моего уверен-

ного и властного тона, направился к себе. Скептически оглядел царивший сумрак и благодарно улыбнулся маме, сидящей рядом с Ириной. Она даже поправила на ней одежду. — Мам, это брат Ирины — Игорь.

Обернувшись, я впился взглядом в парня.

—Игорь, моя мама, Елена Алексеевна.

—Здравствуйте,— Игорь кажется все же растерялся. Сел на кровать, и похлопал сестру по щекам, потом потер пальцами ее за мочки ушей (никогда не думал что так можно привести человека в чувства), и выдохнул, когда девушка зашевелилась и сонно открыла глаза.

—Игорь?— она попыталась сесть, и лишь потом заметила и меня, и мою маму. Однако снова без сил рухнула обратно.

—Ир, вставай. Я домой тебя увезу. Там такси ждет.

—Может ей лучше немного полежать пока?— мама погладила девушку по волосам, улыбаясь ей в ответ. —Я чаю вам приготовлю, сладкого. Ей он сейчас понадобится.

—Там такси ждет,— Игорь даже не пытался выпустить руки сестры, и я отвернулся.

—Джейкоб, сходи отпусти такси. Отец приедет, отвезет их домой.

—Мам, я не думаю...

—Давай, Джейкоб. Я уверена что пол часа погоды не сделают. Да же, Игорь?

Парень очень недовольно покосился на меня, но моя мама умела убеждать. Вздыхнув, я вышел из спальни, и протянув

телохранителю деньги, попросил сходить и расплатиться за такси. Сел на кухне и устало уткнулся лбом в лакированную столешницу.

—Малыш, с тобой все в порядке?— мама погладила меня по волосам.

—Устал. Мам, зачем ты оставила его?

—Вам надо поговорить. Сынок, у тебя возможность сейчас решить эту проблему раз и на всегда,— мама поставила на стол несколько кружек, и налив две, подмигнула мне. —Я отправлю его к тебе.

—Ну мам!

—Просто поговори с ним по душам. Без свидетелей. Я уверена, что вы поймете друг друга,— растрепав мои волосы, она быстро ретировалась, а я снова уткнулся лбом в стол. Чувство того, что меня снова тащит река событий, усиливалось с каждой минутой. А то, что у меня за спиной уже минуту стоит Игорь и с яростью смотрит мне в спину, было еще хуже.

—Что она здесь делает?— он не вытерпел первым, прошел и, отодвинув стул, сел напротив меня.

—Пришла поговорить,— я поднял голову и впился глазами в парня. —О тебе.

Парень поморщился.

—Наверно плела всякую чушь про то что ты для меня опасен? Она почти час мне мозг выносила...

—Она знает что говорит,— потеряв ноющие виски, я отпил чая.

—Слушай, янки,— Игорь придвинулся ко мне, и с гневом оперся на стол. —Она больна. Не вмешивай ее в наши дела.

—Игорь,— я отставил чашку. —Что я тебе сделал? Почему ты меня так ненавидишь? Из-за Катьки? Мне плевать на то, что она сбежала к тебе.

—Забудь про эту дуру.

—Тогда что? Я позвонил тебе что бы ты приехал за Ирой, хотя мог бы просто вызвать скорую. Я не понимаю! Ты думаешь что я займу твое место в школе? Мне не нужно это. Я доучиваюсь эту четверть, а потом перевожусь на домашнее обучение. Ты этого хотел? Я отступил, как ты и хотел.

—Даже сейчас я чувствую что ты выигрываешь,— прошипел он.

—А что ты предлагаешь? Что бы я боролся с тобой? Я не буду этого делать! И не ради себя или тебя, а ради нее!— я указал рукой на прикрытые двери, удерживаясь от крика.

—Не трогай ее, сопляк!— от того, как он резко вскочил и толкнул меня, я едва не рухнул. —Она больна! Но она все равно моя сестра!

—Это ты больной, раз не веришь ей!— мне не сразу удалось встать на ноги, после удара по ребрам. Отступив на шаг, я уперся спиной в дверь, и захлопнул ее перед носом ломанувшихся телохранителей. —Пошли вон!

—Что бы я поверил что ты зарежешь меня?— Игорь схватил меня за волосы, но я уже улыбался. —Да ты и сам больной!

—Она сказала тебе правду, Игорь,— я смотрел в его глаза,

и видел как ярость меняется растерянностью. —У меня есть причина верить каждому ее слову. Игорь, она правда видела то, что говорит. Спроси ее сам, что она узнала обо мне, только лишь прикоснувшись ко мне. Игорь, она увидела то, что никто не знал. Никто не мог знать.

—Не носи чушь!

—Иди и спроси ее. Только... что бы моя мама не слышала. Господи, неужели я много прошу? Или ты думаешь я сбегу? Из собственного дома? Спроси ее как я умер.

—Ты рехнулся?— он еще сильнее сжал мои волосы, а потом вдруг отпустил. Заходил по кухне, а потом все же ушел к сестре.

Я услышал как мама пообещала что-то принести Ирине, и зашел в свою спальню. Ира что-то показывала на себе, и разве что не плача, тихо рассказывала. От ее слов я словно снова оказался на том проклятом балу и, прижавшись к стене спиной, медленно сполз на пол. Почувствовал себя таким мелким и никому не нужным, что стало больно. Даже мама сейчас казалась такой далекой и не способной мне помочь.

Я почувствовал взгляд Ирины и поднял голову.

—Что ты с ней сделал?— совсем тихо прошептал Игорь, прижимая сестру к себе.

—Я забрал у нее ее... болезнь,— вздохнув, я уставился на свои руки. Они дрожали. —Там мой отец приехал. Собирайтесь и уезжайте. Я никого не хочу видеть.

В дверь позвонили, и Игорь с Ириной вздрогнули. Я смот-

рел на них и завидовал. Они были так близки друг другу, так похожи. Так любили друг друга, несмотря на разные характеры. Они просто были друг у друга. А кто есть у меня? Только лишь мама и папа. У папы его любимая работа, а у мамы скоро появится та, о которой будут все ее мысли. А я снова стану лишним. Я и сейчас лишний.

—Пожалуйста, уходите. Я не хочу вас видеть.

—Джейкоб,— Ира села на пол рядом со мной, и сжала мои руки. Потерлась о них щекой. —Ты всегда сможешь со мной поговорить. И я никогда не забуду что ты сделал для меня.

—Ира, никому не говори про то, что было,— я встретился с ее глазами. В них пропало это чувство, когда тебя выворачивают наизнанку. Осталось лишь тепло и нежность. —Это уничтожит меня.

Погладив меня по голове, она вдруг обняла меня и поцеловала. Я нервно отвернулся, и встретился с твердым взглядом Игоря. Попытался подняться, но вдруг заболели отбитые ребра, и все как-то сразу поплыло. К моему удивлению, Игорь сам поставил меня на ноги, и сжал плечо.

—Я еще приду к тебе за объяснениями, янки.

—Буду ждать,— я увидел как заглянувший отец уставился на руку Иры. Она видимо показывала брату знаки. А потом просто грохнулся на пол, напоследок ударившись головой об угол шкафа. Услышал еще как вскрикнула Ирина, и ругань отца, а потом просто отключился.

—Да не трогайте вы его,— это было первое что я услышал,

и, открыв глаза, уставился на качающийся проводок капельницы перед глазами. Это так раздражало, что заболела голова. —Джейк, ты меня слышишь?

—Папа?— я поднял руку, и отстранил провод от капельницы. Увидел выше странную лампу, и нахмурился. —Где мы?

—В больнице,— отец наконец появился в поле моего зрения, и я улыбнулся. Потом сообразил где именно мы находимся, и попытался сесть. Как бы не так. —Лежи.

—Пап, я не хочу...

—Сейчас зашьют твою голову, и потом поговорим.

Зашьют? Я попытался услышать боль в голове, но за общей болью во всей черепушке, не смог разобрать источника.

—Царапина. Пап, я хочу домой. Ну упал, и что с того? И где кулоны?— я судорожно искал на шее цепочки, да так и не нашел. Сердце от этого буквально выскакивало из груди. Будто от него оторвали самое ценное. Оставили в одиночестве. —И браслет?

—У меня. Пришлось снять, пока снимки делали. Радуйся что обошлось без сотрясений и переломов.

—Пап, сколько я... пролежал?

—Три часа.

—Верни мне браслет и кулоны,— от вмешательства Роксана сразу как-то затошнило, и я закрыл глаза.

—Больше не проси меня о таком, Джейк,— голос мага был обиженным. —Ты слабеешь с каждым днем. Если ты и дальше будешь тратить себя без остатка, ты не выдержишь. Ты не

сможешь помочь всем!

«Она была опасна, Роксалан! Она слишком много видела. Нельзя было оставлять ее такой».

—Ты не сможешь всю жизнь прятаться!

—Я не могу бросить их, Роксалан. Пусть я сгорю, но...

—Джейк?— отец тряхнул меня за плечо, и я открыл глаза. — Ты что-то говорил.

Я только сейчас сообразил, что вновь заговорил на другом языке, и вздохнул.

—Скоро там придут и зашьют мне голову? Я спать хочу.

Мысли начали медленно возвращаться на свои места, и с тем как они упорядочивались, тем все больше мне становилось не по себе.

—Пап, где мама?— я враз забыл и о боли в голове, и об усталости. Сел на кушетке, с ужасом смотря на отца и на то, как он разве что не посерел от напряжения.

—Она дома. С ней все в порядке.

—Пап?! Ты оставил ее одну?

—С ней твоя парочка друзей. Вроде твоя подружка здраво-мыслящая, в отличии от брата. Не думал что ты подружишься с этим... ненормальным.

—Ты уверен что с мамой все в порядке?

Папа кивнул.

Домой мы вернулись под утро. Не слишком довольнo посмотрев на спящего в моей кровати Игорька, я проверил маму, и после того как Роксалан подтвердил что с ней все в

порядке, на руках вынес спящую в кресле Ирину и уложил ее к брату. Подмигнул отцу, уставшему и раздраженному, и, сбросив совершенно не нужную повязку с головы, сел пить кофе.

—Иди спать!— отец смотрел на затянувшуюся полоску швов у меня на лбу, и не мог ничего сказать.

—Я уже отдохнул. Пап, ну не смотри на меня так. Ну зажило, и ты прекрасно знал что все пройдет, нужно было подождать и все.

—Очередной шрам,— он бросил на стол папку со снимками и потер виски.

—Я избавлюсь от него, -я достал баночку с мазью алисандрийки и разочарованно заглянул в нее. —Только боюсь что у меня осталось чудо средства лишь на нее.

—Дай посмотрю,— отец стал задумчиво рассматривать мазь, нюхать ее и даже потер на пальцах. —Я могу попробовать воссоздать ее в клинике. Не думаю что она слишком замумная.

—Она натуральная.

—Какая разница. Химический состав не сложно воссоздать, были ли бы ингредиенты и составные.

Улыбнувшись, я достал из кармана совсем маленькую фляжку с соком росс, так, на пару глотков.

—Тогда попробуй сделать и это. Маме бы это пригодилось. Это сок, который успокаивает нервы. Он безвреден. Лучше всякой валерьянки.

—И ты мог его тогда на даче выпить?— отец с яростью впился в стол. Я вспомнил те два стакана коньяка, которые разве что не вырубил меня, и смущенно покраснел.

—Мог. Но не стал. Пап, мне правда тогда это было нужно. Не просто успокоиться, а настроиться на определенный лад. Иначе я бы тогда ничего не сказал, а просто замкнулся в себе.

Чисто машинально я открыл папку и ставился на снимки. Было не слишком приятно смотреть на свою голову. Точнее на то, что было вот здесь, под волосами и слоем кожи. Однако все же любопытно. Вот эти две зажившие раны я даже вспомнил, я получил их вылетов из колодца. А вот эта на затылке, была от рук Хогарда. Вспомнив друга, я сразу утратил и хорошее настроение, и весь интерес к медицинским документам.

—Джейкоб?

—Просто... друга вспомнил,— я отвернулся и закрыл глаза, не давая себе разреветься. —Пап, если они присмотрятся к этим снимкам, у них могут возникнуть вопросы.

Отец кивнул, и задумчиво так стал рассматривать рентгеновские снимки.

—И которые из них ты получил, когда разбился о воду?

Я показал, и прикусил губу.

—А ведь я не верил. Видел все эти шрамы, понимал что все логично, но не верил. Хотелось бы увидеть что еще у тебя было сломано... своими глазами.

—Папа, я в больницу не поеду.

—А в мою клинику? Я хочу быть уверен что с тобой на самом деле все в порядке. Знать, чего бояться от врачей.

Я неуверенно поморщился, но согласился. В конце то концов, папа должен знать наверняка, что я не просто так избегаю больниц.

—Посплю немного, а потом...

—Ночью, папа. Нам не нужны свидетели.

—А мне нужны помощники. Это тебе не те большие рентгеновские аппараты что в больнице. Здесь все немного сложнее.

Я вспомнил не слишком большой аппарат у отца в клинике, и поморщился еще больше. Кажется, доза облучения будет не маленькой.

—На дачу прежде съезжу. Мне надо там кое-что забрать.

На дачу все же мне не удалось съездить. Проспав разве что не до вечера, пропустив грозу, которая началась перед рассветом, я с удивлением обнаружил на кухне Макса, с интересом рассматривающего что-то в моем планшете.

—Не думал что буду охранять такого соню,— съязвил он, откидываясь на спинку стула. Я не сразу понял почему он так на меня уставился, а потом до меня дошло. Утром, проводив Игоря и Ирину, зная что уже никого не удивлю своими шрамами и рубцами, я избавился от ненавистной пижамы, и теперь стоял перед чужим человеком в одних трико. А, ну и черт с ним, с этим Максом.

—Ночка была веселой,— налив кофе, я заглянул в холо-

дильник и поморщился от вида запеченной рыбы. Ну нет, я ее есть не буду! – Кажется, я прогулял школу.

– Твое освобождение, – Макс придвинул листок ко мне, и я не глядя забросил его в сумку. – Рассечение на виске и наложение пяти швов. Могу я увидеть их?

Я улыбнулся и заправил волосы, показывая на затянувшийся шрам. Макс удивленно вскинул брови, а потом распахнул папку на столе. Что же отец не прибрал то ее!?

– То что ты пытался скрыть, начинает потихоньку всплывать, Джейк.

– Макс, – я сел напротив охранника, и потер лицо. Проклятье, эта щетина с каждым днем растет все быстрее и становится все жестче. – Я не думаю что это вас должно хоть каким-то боком касаться.

– Раз ты так настаивал что бы именно я тебя охранял, то уж изволь хотя бы рассказать, что именно можно от тебя ожидать.

– Ну, вообще-то, я могу сам за себя постоять. Это папина прихоть. Мне больше нужна защита от журналистов, да и от меня самого, – я улыбнулся и сделал себе бутерброд.

– Ты про свои обмороки?

– Так, это были не обмороки! Просто потерял сознание! Между прочим кома – это тоже в некотором роде потеря сознания и...

Макс рассмеялся.

– Умник? Забавно. В первое наше знакомство ты был ту-

пой как валенок.

—Ты что, хочешь вывести меня из себя?— я склонил голову. —Слушай, я не настаивал что бы именно ты был моим телохранителем. Просто предложил тебя как альтернативу. Ты мог и не соглашаться!

—Мне не нравится то, что тебя надо охранять круглосуточно в одиночку. Это работа для двоих.

Я открыл рот от удивления.

—А ночью то зачем?

Все таки он мне нравится! Классный мужик. Жаль что ему суждено...

В раз пропал аппетит, и я вспомнил то свое ощущение, когда почувствовал смерть Макса.

—Машина есть? Мне надо на дачу съездить.

—Не успеем,— Макс пожал плечами. —Твой отец велел привезти тебя в клинику к восьми. У тебя осталось два часа одеться, поужинать и связаться со своими друзьями. Они почти разрядили твой телефон.

Выругавшись, я схватил телефон. Пару десятков пропущенных звонков от Саньки, один звонок с вообще с не знакомого номера, и три звонка от Игоря. Телефон словно ждал именно того, что бы я взял его в руки и я усмехнулся.

—Привет, Санек.

—Джейк, — от последующей череды ругательств, я даже отнес телефон от уха. —Ты что вчера с Игорьком сделал? Он теперь от твоей Ирины ни на шаг не отходит! Морду набил

одному типку, осмелившемуся что-то вякнуть про тебя. И молчит как партизан!

—Пообщались по душам. Слушай, Сань, голова раскалывается, давай я тебе чуть позже позвоню.

—Это из-за этого разговора ты ночь в больнице провел?

—Да нет. Просто в обморок грохнулся не во время,— я уничижительно улыбнулся Максу, едва сдерживающему смех. — Что еще там в школе?

—Да слушок прошел, что ты переезжать собрался. Типо Игорек тебе мозг вправил.

—А Катька?

—Не появлялась. Ее вроде как родители в другую школу переводят. Джейк, ты точно в порядке?

—В полном. Помнишь ресторан, где вчера ужинали. Давай подтягивайся туда через часок, я столик закажу.

Не успел я положить телефон, как тот снова затрезвонил, и я возвел глаза к потолку.

—Кофе хоть дайте допить,— вздохнул я в трубку, и услышал как выругался Игорек на том конце связи.

—Поговорить надо.

—Мирно или как?

—Мирно.

—В «Золотой пони» через час подходи. Я там столик заказал.

Игорек снова выругался.

—Мама дома?— я все же допил кофе.

—На какой-то там тренинг для беременных уехала.

Кивнув, я прикрыл рукой амулеты, которые с интересом рассматривал Максим. Тот тут же переключился на браслет.

—Слушай, кончай меня рассматривать.

—Могу спрашивать, но ответишь ли ты мне.

—Спрашивай, а я подумаю, отвечать или нет,— я пожал плечами, и достав рюкзак, забрал планшет у Макса. Пройдя в ванну, не закрывая дверей, залез под душ. Быстро побрился папиной электрической бритвой.

—Эти амулеты у тебя на шее, что они обозначают?

—Это подарки, на память. С камнем — от очень хорошего друга. Пока он на мне, он знает что я жив.

—А второй? С тремя лучами.

—Это,— я прикрыл глаза. —От девушки. Она поклялась мне в любви.

—Эта та, что с фотографии? С черными волосами. Она смотрит с любовью, которую не скрыть.

Я кивнул.

—Сережка и браслет с одинаковым камнем. Они связаны?

Я снова кивнул.

—Шрамы на левой руке такие, словно ставил блок от ножа. То же и на левой ноге. Это был нож?

—Чуть больше чем нож, но ты прав, ставил блоки.

—Шрамы на руке, как руны... хотя нет, скорее похоже на финикийский...

—Что?— я резко повернулся.

—В историческом музее есть отдел письменности, я там почти год отработал охранником. Там были такие же знаки.

Я нервно сглотнул.

—Музей до скольки работает?

—С десяти до шести,— видя мое нетерпение, он отвернулся, подперев косяк ванной. —Там мой друг работает. Могу попросить провести ночную экскурсию.

—Если не сложно. Еще вопросы будут?

—Как ты выжил вот от этого?— он указал пальцем мне на грудь, на звезду.

—А я уже был мертв на тот момент. Это вернуло меня к жизни.

—Джейк, хватит...

—Я не вру. Слушай, Макс, я на самом деле был мертв. И то что ты видишь на мне,— я указал на шрамы на плече, на руках. —Это малая толика того, что я пережил. У меня почти нет ни одной целой кости, у меня пару сотен швов на теле, я вырос на пятнадцать сантиметров за три месяца. Это след от кинжала, не давшего мне уйти на тот свет. Он пробил меня насквозь, пробив сердце. У меня обе коленки сорваны. Я потерял литров десять крови, пока меня не было здесь. Вот эти пальцы, они работают на честном слове, потому что я ломал их так часто, что и сам уже не помню сколько раз это случилось. Не веришь, поедem сегодня к отцу на работу, и ты сам все увидишь. Да просто посмотри на эти снимки, и подумай как я вообще еще шевелю мозгами после таких травм. У ме-

ня оба плеча были раздроблены в крошево. Я чуть не сдох полтора месяца назад от заражения крови, и выжил только лишь потому, что люди верили в меня. Я потерял друга, которого убили вместо меня. Он умер у меня на руках, и я не смог ему помочь. Но знаешь, там я чувствовал себя уверенней, чем здесь. И все потому, что там я мог сражаться за свою жизнь, а здесь мне не дают этого сделать. Я бы убил Игорька вчера у школы одним ударом, а потом бы сгнил за решеткой или стал бы подопытным кроликом в какой-нибудь лаборатории. Хотя именно он угрожал мне, а не я ему. Это именно он, а не я начал эту войну.

Макс неуверенно смотрел мне в глаза, явно думая что я сошел с ума.

—Помнишь тот портрет над камином на даче? Макс, его сделали первого июня этого года в школе на классный альбом. Шесть месяцев назад, Макс.

Кажется я разорался не на шутку. Однако Макс словно не слышал моей истерики. Резко обернувшись, он положил руку на пистолет на поясе и посмотрел куда-то в коридор. Я прислушался и узнал звон маминой связки ключей.

—Мама вернулась,— метнувшись в свою комнату, я поспешно натянул брюки и майку, рубашку. И сжавившись над своим шкафом, выволок из ванны корзину для грязного белья, и закинул в нее все, что посчитал грязным. Расцеловал улыбающуюся маму и помахав ей ручкой, выскочил из квартиры. Идущий рядом Макс поправил пояс и чему-то свое-

му покачал головой. —Конечно я не хочу обидеть маму, но я просто не могу есть ее кухню. Ну нет у нее дара вкусно готовить.

—Я заметил,— Макс усмехнулся. —Но у нее есть другие плюсы.

—Ты даже не представляешь какие,— я мечтательно задумался, и едва не налетел на машину, которую Макс поставил возле самого подъезда. —О, Макс, она ужасна! Ты когда ее мыл последний раз?

—А ты попробуй выбраться из загорода после дождя. Знал бы что ты так долго и крепко будешь спать, помыл бы. А теперь залазь давай, съездим помыться.

Улыбнувшись, я брезгливо посмотрел на заляпанную грязью ручку, и достав платок, очень осторожно открыл дверцу. Макс засмеялся так, что я дернулся. Плюхнулся на сидение и огляделся. В принципе, довольно чисто и уютно.

—Не люблю опаздывать,— буркнул я, входя в ресторан и заметив друзей, последовал за официантом. Указал Максиму на место рядом с собой, и, кивнув Игорю с Саньком, очень галантно склонился к Ирине и поцеловал ее ручку. Сашка даже рот открыл от удивления.

—Как ваше самочувствие, моя леди?— спросил я чуть слышно, и смущенный румянец на щеках девушки ответил за нее.

Сев на свое место, я дал время всем заказать все что им вздумается, и игнорируя взгляды друзей, с таким удоволь-

ствием принялся за еду, словно неделю ничего не ел. На последок попросил официанта принести молока и маффинов, и наслаждаясь десертом, наконец смог нормально сконцентрироваться на разговоре. А было что послушать.

Оказывается, утром некоторые личности пытались разузнать в школе обо мне, затребовали мое досье, и попытались разузнать у моих одноклассников о том, как я провел лето.

—Джейк, тебе нельзя там появляться,— Игорь поморщился. —Что-то не нравится мне вся эта история. И могу поклясться, что один из этих типов, вчера был в бригаде скорой, что забирали тебя в больницу.

—Даже так?— я отставил бокал с молоком, и запустил пальцы в волосы. Ира сразу заметила что от вчерашней раны остался только тоненький шрам, и протянув руку, коснулась моей щеки.

—Тебе бежать надо,— тихо прошептала она, покосившись на Макса. Тот молча слушал нас, не вмешиваясь.

—Я не могу. Я нужен маме. Хотя бы этот последний месяц. Уставившись на свои руки, я задумался. Если в больнице все же зацепились за эти снимки, то что они должны предпринять? Отвлекаясь на Саньку, который хотел что-то сказать, я прижал палец к губам.

—Десять минут тишины, Сань.

Так, на чем я закончил? Ага, больница. Прежде я не делал таких снимков, только лишь снимок ноги, когда подвернул ее. Отсюда вывод, что они просто не могут знать какой дав-

ности эти переломы. Старые или я заработал их недавно. То, что я здравомыслящий, и меня не слишком беспокоят эти старые переломы черепа они узнают из школьной карты и от терапевта в больнице. Попробуют узнать о моем здоровье до переезда в Россию, и даже если им дадут такие сведения, это займет несколько дней. А так как там у меня таких сведений не обнаружится, то они потратят еще несколько дней, а возможно и недель, на поиски информации. Удостоверившись что нигде и слова нет о том, что я когда-то ломался, они попробуют исследовать меня.

—Джейк, ты над чем задумался?— Ирина проигнорировала Санька, пытающегося ее остановить, и я вздрогнул.

—Ирочка, я думаю,— прошептал я. —Макс, слушай. Я может и тупой, но вот скажи, как они смогут заставить меня пойти на обследования? Ну, я имею ввиду, без явных жалоб на мое здоровье.

Санек ничего не понимая только и успевал водить головой то на меня, то на Макса.

—Да им и заставлять не придется. В пятнадцать лет плановый осмотр для отчета в военкомат и как миленький пройдешь полное обследование,— Макс пожал плечами. —Или если еще раз грохнешься в обморок и попадешь в больницу. Одним анализом крови они могут отправить тебя на дополнительные анализы и так далее и тому подобное. После ЭКГ так вообще запрячут в больничке.

—А при чем тут ЭКГ?— Санек захлопал глазами.

—Понимаешь, Сань, я тут на ногах сердечный приступ пережил, и рубец остался на сердце. И это в четырнадцать лет.

—Но тебе уже пятого января исполнится пятнадцать!

Я открыл рот, и закрыл, признавая что реально забыл о своем дне рождении. Тупо забыл!

—Дейк, у тебя всего месяц с небольшим. Плюс праздники, ну полтора месяца. Потом полугодовой медосмотр в школе. С твоими... шрамами, они потребуют полную карту обследования,— Игорь задумчиво вертел в руках салфетку, скручивая из нее какой-то цветочек.

—А если я на домашнем обучении?

—А причина?— не очень уверенно передразнил меня Макс.

—По состоянию здоровья,— я улыбнулся и разве что об стол головой не стукнулся. —Нет, это палка о двух концах. Ну и как мне спрятаться от этих врачей?

—Джейк, ну не может же все быть так страшно,— Санек умоляюще смотрел на меня, и я психанув, достал из рюкзака снимки из больницы. Бросил их на стол и облокотившись, уткнулся в кулаки подбородком.

—Уже страшно, Сань. И это лишь малая доля того, что со мной не так.

Макс кивнул и показал Саньку что именно надо смотреть.

—Этот удар — кома как минимум, как максимум повреждение затылочной доли и кровоизлияние в мозг. Эта травма височной доли, опять же кровоизлияние мозга из внутренней сонной артерии и кома. Следом смерть. Третья — не страш-

ная, но думаю пара обмороков была после нее.

Я кивнул.

—Один.

—После таких вот травм люди, если выживают, по пол года с кровати не слезят, не говоря уже о том, что бы быть здоровыми.

—А ты от куда знаешь?— Санька разве что не бросил снимки на стол от отвращения.

—У меня сестра травматолог,— Макс пожал плечами. —Знаешь что это такое, когда любой твой синяк изучают под микроскопом, выносят самые ужасные прогнозы, что могут быть, а потом синяк проходит, и ты думаешь что это дар Божий.

—А она может...

—Не может. Наш Джейк — личность слишком знаменитая и приметная. Мечта ученых. И если все что ты мне говорил — правда, то я понимаю почему ты вчера в участке грохнулся.

Я захлопал глазами. И все то он понимает!

—Ночью гроза была, а у многих не только старые порезы, но и кости выворачивает на непогоду,— Макс кивнул сам себе, и отставил свою чашку с чаем. Посмотрел на часы. — Джейк, нам пора.

—Куда?— Санек даже вскочил.

—К отцу на работу обещал приехать к закрытию,— я улыбнулся. —Слушайте, ребята. У меня к вам большая просьба, не говорите про меня никому. Ну, посидели, попили чайку.

А все вот это... не надо пока никому об этом знать.

Все так закивали головами, что мне захотелось рассмеяться. Танец болванчиков, тьфу ты.

Заказав еще десерт друзьям, я расплатился и поцеловав на прощание ручку Ирины, чем совсем сбил ее с толку, направился на выход. Однако вспомнив кое-что, вернулся, и наклонился к уху девушки, задумчиво доедавшей мороженое.

—Ирочка, скажи мне, то что вчера ты мне сказала, про зеркала... Ты не помнишь? Жаль. И еще, скажи, у нас вчера все получилось? Точно все стало как прежде? Я смог помочь тебе?

Ира обернулась, и улыбнувшись, вдруг поцеловала меня в губы. Не то что бы настойчиво, но это было не простое «спасибо».

—Ты подарил мне новую жизнь, Джейк.

—Я... я просто хотел убедиться... что видения исчезли.

Я попятился, но Ира спокойно поднялась, и, остановив подскочившего брата, пошла со мной на выход. Вышла на улицу в своем тоненьком платьишке, и вдруг прижалась к моей груди, положив голову на плечо.

—Джейк, я помню лицо девушки. Словно видела ее твоими глазами. С длинными черными волосами, и с жемчужной диадемой на голове. Она поддерживала тебя, и старела прямо на глазах. Словно вся жизнь ее прошла перед тобой. Я чувствовала твою привязанность к ней, и что с ней ты был счастлив. А сейчас ты весь в тоске. Мне не нужен тот дар,

что бы видеть это. Это видят все. Ты гаснешь без нее.

Меня закачало от ее слов, а на глаза навернулись слезы.

—Возможно я погасну без нее, но я не могу быть с ней. Ира, эта тоска со мной на веке.

—Мы сами творим свое будущее. И твое — в ее руках. В ее руках твое сердце.

Я выдохнул, не в силах удержать одинокую слезу, заскользившую по щеке. Именно эти слова я вчера говорил маме, именно это говорила мне сейчас Ира, именно это я сам чувствовал.

—Ира, зачем ты делаешь мне больно?

Она чуть отстранилась и заглянула мне в глаза.

—Ты спас меня, и я хочу спасти тебя. Джейк, эта тоска уничтожит тебя. Она не дает тебе сил бороться. Я не вижу больше того, что спрятано в людях, но тебя я продолжаю чувствовать. Вы созданы друг для друга.

—Ты не понимаешь. Она и я, мы из совершенно разных миров. Ира, нас отделяет не то что понятие о времени и расстоянии. Нас отделяет куда большее. Этот мир мой, а она живет в совершенно другом мире. Это противоречит самому понятию о судьбе и равновесию самого бытия. Ты даже не понимаешь...

—А возможно судьба именно так и хотела, что бы ты нарушил это равновесие? Джейк, мне сейчас сложно говорить о судьбе и всем этом... необычном. Но я знаю, что здесь ты чужой. Ты не на своем месте! Джейк, очнись. Посмотри на

свою семью. У твоего отца и матери скоро будет дочь, а ты только трясешь их. Ты потихоньку разрушаешь все вокруг себя...

—Ира, замолчи. Ты не знаешь о чем говоришь.

—Я говорю то, что понимаю. Ты сейчас лишний в семье. Ты лишний в школе. Ты нечто необычное и лишнее в глазах окружающих. Твое возвращение растревожило улей.

—Ира, ты понимаешь что говоришь? Я вернулся домой из такого места, в которое был шанс попасть один на сотни миллионов...

—И ты использовал этот шанс что бы попасть туда. Джейк, это ли не судьба? Почему ты споришь с ней? И дала бы тебе судьба снова возможность вернуться туда, обратно, что бы за это место ни было? Она должна была снабдить тебя всем, что бы ты смог вернуться обратно. Джейк, подумай над моими словами. Только не думай слишком долго. События вокруг тебя начинают наращивать обороты. Сначала все говорили только о твоём шраме и никто ничего не знал. Сейчас уже пошли слухи о чудесном исцелении твоих стариков...

—Что?

—Эти люди в школе говорили о них. Джейк, ты возможно и поступаешь так, как считаешь нужным, но ты оставляешь следы. Твои старики, снимки с больницы, я. Джейк, тебе нужно исчезнуть. Бежать. Спасаться!

Она вдруг крепко обняла меня и вздохнула.

—Говорят что за свою мечту надо бороться. Джейк, борись

за свою мечту. За настоящую мечту. За свое будущее. У тебя душа война, живущего по правилам чести. Ты слишком мягкий для этого мира.

Я нервно сглотнул.

—Ты видела тот мир?

Она нерешительно кивнула.

—Я слышала как ты звал отцом совершенно чужого человека, и он звал тебя сыном. Там твое место, Джейк. Там остался ты. Здесь лишь твое тело, и без души, без сердца, оно скоро умрет.

—Ты видела моими глазами,— тихо прошептал я, и разве что не обмяк. Господи, как это приятно знать, что кто-то понимает тебя. Сочувствует. — Ира, я не могу бросить родителей.

—Пусть они знают что ты жив, но далеко. Чем ты умрешь у них на руках.

Я шарахнулся, обожженный ее словами. Нервно оглянулся. Макс стоял у машины, не вмешиваясь в разговор, но не спуская с нас глаз. Вокруг все словно вымерло.

—Мне надо идти, Ира.

Кивнув, она отпустила меня, и, не отходя, провела пальцами по шраму на моей щеке.

—Джейк, можно я тебя поцелую? Я хочу запомнить тебя.

—Глупенькая,— я горько улыбнулся, и заправил ее волосы за ухо. —Ирочка, я же младше тебя на три года.

—Нет, ты старше всех, кого я знаю. И пусть она простит

мне эту маленькую шалость. Но я хочу оставить частичку тебя с собой,— я не успел опомниться, когда она прижалась ко мне своим горячим тельцем и, обхватив за шею, поцеловала. Обманула меня горячими сладкими губами, заволокла в омут желаний и дурманыщего чувство полета. Заставила в раз забыть обо всем и обо всех.

И еще минуту стоял ошалевший, смотря на закрывшуюся дверь за Ириной, все еще ощущая тепло ее тела, прижимающегося ко мне, помня горячее дыхание и обжигающие губы, сохранившие вкус клубничного мороженого. Очнулся только от того, что Макс сжал мое плечо и подтолкнул к машине. Сев на сидение, машинально пристегнулся. Не видел дороги, не чувствовал того что машина движется, не слышал о чем говорил мне Макс.

—Джейк!— окрик Макса привел меня в чувства.

—Что? А, приехали,— нервно распахнув дверцу, я рванул из салона. Чертыхнулся ремням, удержавшим меня, и, вздохнув свежего воздуха, полностью пришел в себя.

—Очухался? Вперед,— Макс подтолкнул меня к дверям клиники и нажал на звонок. Уже через минуту мы стояли в кабинете отца, и я удивленно осматривал изменившийся интерьер. Пол года назад здесь было куда больше всевозможных папок, повсюду валялись какие-то макеты и чучела. Сейчас же здесь словно работал совершенно чужой человек.

—Джейкоб, что с тобой?— отец смотрел на меня своими холодными глазами, и я нервно сглотнул. Ира была права. Я

разрушаю семью. Меня не должно здесь быть!

—Задумался. Пап, а надо ли все это? Может ну его все к черту?

Однако одного взгляда отца хватило на то, что бы понять — он уже не отступит. Его зацепило это настолько, что он уже не успокоиться ни при каких обстоятельствах. Ему нужны такие доказательства, против которых он сам не сможет привести опровержений.

—Джейк, ты что, боишься?— отец нахмурился, а я отвернулся.

—Произошло кое-что такое, что не могу выбросить из головы. Пап, дай выпить. Ну не смотри на меня так. Тошно мне.

—Что еще-то случилось?— он хмуро оперся на стол, сразу забыв обо всем. Заметил стоящие у меня в глазах слезы.

—Я... пока не могу сказать. Я должен подумать.

Отец с большой неохотой достал из стола бутылку с коньяком, и я мельком глянул на этикетку. Осторожно сняв все побрякушки с себя и повесив пиджак на спинку стула, стал стягивать рубашку. Едва не вырвал из рук отца стакан и налив его полным, не почувствовав вкуса, выпил.

Отдал пустой стакан ошарашенному Максу, и, ворочая мозгами, прошел в рентген кабинет, в котором как я знал, был довольно большой стол и не дожидаясь когда отец и Макс зайдут следом, просто рухнул на него. Смотрел на лампу на потолке, и едва сдерживал в себе крик. Боги, что она

со мной сделала? Почему ее слова, каждое слово, так больно режут сердце? Почему с каждым ударом этого самого сердца все больше кажется что тот бред, что она несла, имеет смысл? Ведь я на самом деле мешаю отцу! Ему сейчас просто не хватает ни времени, ни терпения, что бы нянчиться со мной. Мое присутствие ставит под угрозу все, что держит их в этом мире. Если эти проклятые медики узнают о моих травмах, они закроют отца в тюрьму, за жестокое обращение с ребенком, хотя он ни разу не поднял на меня руку. За то, что он укрывал меня. А мама? Что будет после этого с мамой? С маленькой сестренкой? С бабушкой и дедом? Господи, зачем я вернулся? Я угроза им всем! Я их крах!

—Джейк, ты чего сопли распустил?— Макс стоял над моей головой, опершись на стол. Было чертовски неудобно смотреть на него вверх ногами, но на то что бы сесть, сил просто не было.

—Макс, она права,— закрыв глаза, я позволил себе не сдерживать слез. —Я все вокруг разрушаю. Несу хаос и смерть. Боль и беспорядок.

—Я думал что она объяснялась тебе в любви.

—Макс, я... прости меня, Макс. Зря я впутал тебя во все это.

—Это ты о чем?

—Макс, я... я не знаю как, но я чувствую смерть близких мне людей. Я чувствовал что меня ждет смерть, и она забрала меня. Лишь благодаря Богам, я ожил. Я чувствовал смерть

друга, и он погиб. Я... я чувствую твою смерть, Макс. Она так близка, что сводит с ума.

Максим замер, прищурившись рассматривая меня. Я чувствовал это даже с закрытыми глазами.

—Зачем ты мне это говоришь?

—Потому что у меня еще есть возможность спасти... отвести ее от тебя. Обмануть ее.

—Джейк, ты просто пьян. Несешь какую-то чушь.

—Макс, я лишний здесь. Я могу все это остановить. Я дам ей то, что она от меня хочет, и тогда все станет на свои места.

—Замолчи!— тихо зашипел Максим, и я открыл глаза.

Мой телохранитель смотрел на вошедшего отца так спокойно, словно я только что не сказал ему о том, что он скоро умрет.

—Макс, ты меня слышал? Тебе надо уйти. Разорви контракт с отцом.

—Потом поговорим,— Макс принял из рук отца фартук от радиации, и подошел к компьютеру. Отец показал как делать снимки и встав надо мной, очень недовольно покосился на мои мокрые глаза.

—Пап, дай еще выпить.

—Нажраться решил?

—Тогда усыпи! Пап, я схожу с ума. Дай мне хоть напиток напоследок.

—Джейк, ты рехнулся? Боишься радиации?

—Нет,— я покачал головой, поймав взгляд отца. —Не хочу

видеть ужас в твоих глазах, когда ты поймешь все, что со мной случилось. Пап, пожалуйста.

Та недоверчивость, что сквозила в его глазах, убивала на повал. Но коньяк он мне все же отдал. Сразу всю бутылку. Смотрел как я тупо напиваюсь, и морщился.

—Ты что, вообще не чувствуешь его крепости?

—На вкус — нет,— я откинулся обратно на стол, смотря как потолок начинает медленно крутиться. —В голове — да.

Уснул я еще до того, как отец сделал первый снимок, однако тут же вернулся в реальность, стоило тому перетянуть мне руку жгутом и вогнать мне в вену иглу. Дернулся, стараясь вырваться, и с ужасом уставился на отца.

—Ты чего делаешь?

—Контраст ввожу. Гляну твое сердце.

—А?

Уже через пять минут сидел на столе и держал в руках довольно четкий снимок своего сердца, и если бы не Макс, то совсем бы не понял что он мне показывал. А было на что посмотреть. Кроме рубца от кинжала, оно было сплошь покрыто мелкими затянувшимися трещинками. Их было так много, что это пугало.

—И что это значит?

Папа же сидел над стопкой снимков за столом, вцепившись пальцами в волосы и с ужасом смотрел на бумаги. Он ничего не ответил. Он не мог сейчас говорить. Он даже не мог смотреть на меня.

—Я пойду оденусь,— шепнул я Макс, и едва не рухнул со стола. Тот поддержал меня, шепнув на ухо.

—Детский алкоголизм вещь страшная.

—Макс, отстань. И так тошно.

—Меня бы то же затошнило от такого количества коньяка.

С ненавистью глядя на Максима, я высвободился из его рук и чуть пошатываясь, пошел одеваться. После чего забился в угол за диван, и, сделав вид что не вижу Макса, развалившегося на этом самом диване, сжал в кулаке свои амулеты. Притянув рюкзак открыл фотографию Розалин, и поставив планшет перед собой, уставился на нее. Смотрел, пока не уснул, и словно она была рядом, сидела возле меня, и молчала. Горько так молчала, от чего становилось еще больнее.

—Джейк,— кто-то потряс меня за плечо, и я открыл глаза. Увидел Розалин, смотрящую на меня с почти разряженного планшета, и вздохнул. —Поехали домой.

Отец сидел рядом со мной, с болью всматриваясь в мое лицо, и мне стало совсем тошно от того, как он изменился. Господи, сколько же он времени просидел рядом со мной?

—Папа, скажи хоть что-нибудь.

—Давай дома поговорим,— отец отвернулся.

—Сейчас. Без мамы. Ты же имеешь медицинское образование. Скажи мне то, что тебя так напугало.

—Джейк, с чего ты взял...

Я вскинул голову, проглатывая враз нахлынувшие слезы и ком в горле.

—Папа, ты за какой-то час посидел. Подумай что с мамой будет, если она узнает хоть часть из всего этого.

Отец бросил перед собой папку, и, достав сигарету, закурил.

—Джейк, я... я не знаю как ты до сих пор еще жив. Половина из этого... инвалидность или смерть. Джейк, кто смог спасти тебя? Почему ты до сих пор жив? Как?

Прикусив губу, я дотянулся до планшета, и, видя что зарядки осталось минут на пятнадцать, залез в папку, спрятанную среди учебников. Открыл фотографию Маришь и показал отцу.

—Ее зовут Маришь, папа. Она вытащила меня из воды, когда я разбился. Она дала мне новую жизнь, и я все три месяца считал ее разве что не матерью. Она... она навсегда останется для меня второй мамой,— я провел пальцами по экрану, вспоминая очертания родного личика. —Я чувствую ее... до сих пор. Слышу как она молится за меня, как плачет из-за того, что мне здесь так сложно и тяжело. Она ненавидит себя за то, что позволила мне уйти в этот ад. Я слышу как она молит меня вернуться.

Рукавом смахнув слезы, на которые отец наверное впервые не обратил внимание, перелистнул снимок, и со стоном выдохнул. Уткнулся лицом в колени и заревел.

—А этого человека я звал отцом. Папа, прости меня. Я предал тебя. Я не мог... сказать об этом. Но я не отвернусь от него, и он останется для меня таким же отцом, как и ты.

Он дал мне шанс выжить, помогая Маришь. Он хотел отдать свою жизнь, что бы спасти меня, когда я умер. Он просил у Богов за меня как за сына, папа. Он молил Богов забрать у него жизнь что бы они вернули к жизни его сына, меня. Я как сейчас помню как он держал меня на руках, когда я умирал. Помню его слезы обо мне. Папа, так о чужих детях не плачут, тем более такие люди. Он имел возможность отдать свою жизнь за меня, но я отказался. Папа, я не мог забрать жизнь... своего отца. Прости меня, папа. Я назвал чужого человека отцом, но от тебя я не отрекался. И он знал об этом. Знал... и потому отпустил... Он каждую ночь стоит рядом с моей кроватью и сторожит мой сон. Он поддерживает меня, он верит что я смогу со всем справиться... Только я больше не могу. Я не могу бороться с этим миром. Если я буду бороться, то уничтожу вас. Я не могу смотреть как ты пытаешься оградить меня, потому что ты сам встаешь под удар. Я хотел вернуться и сказать что вам не надо винить себя в моей смерти. Я понимал, что исчез после того разговора, и что ты будешь винить себя в том, что это случилось. Я думал что смогу вернуться к прошлой жизни. Я не думал что здесь вот это сможет разрушить не только мою жизнь, но и вашу. Папа, они же меня не оставят в покое... То, что я сейчас представляю из себя в глазах науки... Они уже начали мной интересоваться. Днем перевероршили школу. Перед этим узнали о бабе Соне и деде. У них в руках снимки из травмпункта. Я думаю что скоро они пристанут к вам, а потом и обвинят те-

бя в какой-нибудь гадости. Я своим существованием предаю вас всех. Я предатель, папа... Я предал вас, когда сбежал. Я предал маму, когда понял что испытываю ту же привязанность к Маришь. Я предал тебя, когда назвал Комоло отцом. Я предал их, вернувшись к вам... Я предал тысячи людей, поверивших в меня... Я предал Розалин, когда отвернулся от ее любви. И сейчас я предаю вас, потому что из-за меня вам могут навредить... Папа, простите меня за то, что я такое ничтожество...

Я сжался, когда отец привлек меня к себе и обнял. Всхлипывал до икоты, и не мог остановиться.

—Я хотел бы сказать спасибо этим людям, что заботились о тебе как о своем сыне, Джейкоб,— он прижался губами к моему лбу и тяжело вздохнул. —И я не считаю что ты предал меня, назвав его отцом.

Я неуверенно выпрямился, вытирая лицо напрочь мокрым рукавом.

—Ты не злишься на меня, папа?

Отец с явным трудом улыбнулся.

—Не злюсь, сынок. Эх, что же мне с тобой делать?

Я не знал что сказать. Мог бы предложить несколько вариантов, но, боюсь, ни один бы их них не понравился ни отцу, ни маме.

—Пап, можно я на дачу уеду? Поживу там несколько дней. Мне... мне надо побыть одному.

Отец молчал долго. Я уже засомневался что он вообще

ответит, когда он вдруг заговорил.

—Знаешь что было, когда ты пропал, Джейкоб? Я стоял у обрыва, где мы с тобой последний раз виделись, и хотел броситься вниз. Я понял что был не прав. Я враз потерял все, сына, жену. Знал что на грани того, что потеряю и второго, еще не родившегося ребенка. Мама была в больнице, полицейские прочесывали километр за километром, разыскивая тебя. Я смотрел на камни у воды, на обломки катера, и хотел сам оказаться среди них. Меня останавливала только твоя мать, и дочь, что держалась только благодаря врачам. Я ненавидел себя, и тебя. Смирился с тем, что виноват и перед Леной, и перед тобой, и перед дочкой, которая никогда не увидит брата. Я не отпущу тебя больше. Джейкоб, мы бросим все и уедем. Вернемся в Америку.

—Ты думаешь там от меня отстанут?

—Я спрячу тебя, Джейк. Никто не узнает где ты...

—Папа, это не выход. Я не смогу жить, зная что из-за меня вы лишились всего... Папа, я хочу вернуться туда. Я просто не вижу другого способа избавить вас от преследования. Нас будут искать либо русские, либо американцы, или еще кто-нибудь.

Папа резко вздохнул и сжал кулаки. Хотел возразить, но он и сам понимал что мы зашли в тупик. Единственный способ выбраться из этой ловушки — я должен снова исчезнуть.

—Я не смогу сказать об этом маме,— охрипшим голосом прошептал отец.

—Я сам скажу. Она поймет, папа.

Мы молчали минут пять. Долгих пять минут, когда каждый попрощался с тем, кого любит.

—Сегодня?— отец спросил это так тихо, что я едва его слышал.

—Нет. Я хочу... увидеть сестренку. Хочу знать, что вы не останетесь одни.

Я врал. Врал, и от этого было еще больнее. Но я не мог сказать о том, что именно было у меня на уме. Если бы хоть словом обмолвился, то отец бы сам утащил меня в больницу и приковал к койке как сумасшедшего, но не дал бы совершить задуманное. Сам бы сдал меня в какую-нибудь лабораторию.

—А пока поживу на даче.

—Джейкоб, я...

Он замолчал, не в силах говорить.

—Папа, отпустите меня. Я не смогу простить себе, если опять молча исчезну. Я не смогу жить спокойно с таким грузом.

Отец вздохнул и поднялся. Помог подняться мне.

—Пообещай мне... пообещай, что тебе там будет лучше. Убеди меня в этом.

—Папа,— я улыбнулся одними губами. —Там мне будет хорошо.

Он просто кивнул в ответ. Знаю, он хотел бы что бы я начал рассказывать о плюсах того места, о том, что там будет

кому обо мне позаботиться. Но я не мог врать. Смог сказать лишь то, что знал наверняка.

—Домой заедешь?

Я покачал головой.

—Мама уже, наверное, спит. Я вызову такси...

—У меня вообще-то машина есть,— встрял Макс, и я поморщился. Отец не отпустит меня одного, а значит, придется взять Максима хотя бы на пару дней с собой.

—Макс будет со мной.

Несколько минут отец о чем-то думал, а потом сел за свой стол. Открыл сейф и достал пачку денег, ключи от дачи.

—Папа,— я растрепал волосы, пряча глаза. —У меня к тебе просьба. Ты же все равно не удержишься и поедешь проверить меня. В моей комнате, под замком в матрасе есть пачка бумаг. Привези мне ее.

Отец кивнул.

—За вентиляционной решеткой несколько флажков,— я выдохнул, прикрыв глаза. —Самую маленькую ни при каких обстоятельствах не открывай. Не из любопытства, ни как. В ней содержится... то что в ней, слишком опасно. Ее содержимое убьет любого, кто откроет ее. Она мне нужна. Но папа, я знаю что тебе будет интересно, не открывай ее. Лишь я знаю что в ней и как этим управлять. В двух других, вода. Ты услышишь ее, если потрясешь. В одной тот самый сок, что я давал тебе. Я спрашивал, для мамы он безвреден. Если она начнет нервничать, или переживать, достаточно од-

ного — двух глотков. В другом — вода,— я сглотнул ком в горле. Вздохнул. —Помнишь сказки про живую и мертвую воду? Так вот, там вода, которую можно назвать живой. Я знаю что это абсурд, но это так. Лишь благодаря ей я жив.

—Джейкоб, ты...

—Папа, она заживила все мои переломы от падения за неделю,— я твердо встретил взгляд отца. —Я не знаю что в ней особенного, и можно ли ее воссоздать, но знаю что если потребуется, ты сможешь применить ее с умом. Только есть одно НО. Живая вода не помогает мертвым. И она не любит соли. Привези мне эту маленькую фляжку и бумаги. Там есть письма, которые я еще не читал, и, думаю, пришло время это сделать.

Понимая, что наговорил слишком много непонятного, я все же не стал вдаваться в подробности. Забрал деньги и ключи, и виновато улыбнувшись, быстро выскользнул из клиники. Разве что не на грани истерики бросил все в рюкзак, и посмотрел на тонкий слой льда, покрывший дороги. Вчера еще была гроза, сорвавшая последние листья с деревьев, а сегодня уже полный минус. Казалось что те несколько часов, что мы провели в клинике, выстудили землю до основания.

—Пиджак одень, замерзнешь,— отец стоял за спиной, и держал в одной руке мой пиджак, а в другой сережку с браслетом. Прости, Роксалан, но я сейчас просто не могу с тобой говорить.

—Я позвоню, как доедем,— бросив в карман браслет, я сжал сережку, и обняв отца, потерся щекой о его плечо. —Я люблю тебя, папа. Береги маму и мою малышку.

Сев в машину, я до последнего смотрел на стоящего на пороге отца, машинально вдел серьгу в ухо, и когда он скрылся из виду, достал из рюкзака недопитую бутылку коньяка. Зашипел на Макса, попытавшегося вырвать ее из моих рук.

—Ты хочешь что бы я в истерику впал? Или дай мне тупо напиться, и вырубиться, или будешь слушать мое нытье целый час!

—Я сказал убери бутылку! Может твой отец и закрыл на это глаза, но я не он! Я не позволю малолетке напиваться!

—Сам ты малолетка!

—Хочешь поругаться? Давай поругаемся. Но пить я тебе не дам,— Макс заглушил мотор на обочине, и протянул руку, ожидая когда я отдам ему алкоголь. —И учти, я не отстану от тебя до тех пор, пока ты не объяснишь мне все! И этот бред с живой водой, и какую такую смерть ты там видел, и что придумал что бы обмануть ее.

—Да кто ты такой...

—Бутылку, Джейк,— решительности ему было не занимать, и я, оскалившись, все же отдал бутылку. Посмотрел как он засунул ее под свое сидение, и, сложив на груди руки, надулся.

—Хуже няньки!

Но не получилось мне долго дуться на Макса. Вспомнив

те ощущения, когда почувствовал его смерть, мне показалось неправильным то, что я злю его.

—Макс, почему ты не ушел? Зачем тебе все это?

—Не захотел,— буркнул он, всматриваясь в дорогу. —В музей будем заезжать?

—В интернете проверю что это за язык. Как ты, говоришь, он называется?

—Финикийский.

Кивнув, я едва проглотил ком в горле, и попытался открыть окно.

—Надо будет поесть купить что-нибудь. Там кроме сухпайка ничего нет.

—Заедем.

—Макс,— кивнув, я поморщился, поняв что меня все же укачало от большой скорости. —Тормози.

Все-таки алкоголь — это зло! Ладно бы просто отупел от него, но нет, оно выворачивало меня на изнанку так долго, что казалось уже вот сейчас наступит утро. Сообразив в чем дело, я с ненавистью достал из кармана браслет и сжал его.

«Роксалан, я тебя задушю! Кончай издеваться!»

«Утром спасибо скажешь. А теперь быстро нацепил на руку браслет и не дергайся. Не нравится мне твое состояние. Словно огоньки по всему телу».

«Обычная радиация»,— все же я послушался, и сразу полегчало. Выпив бутылку минералки, протянутой Максом, откинулся на сидение, и проспал до самой дачи.

Глава 3

Отцу я, конечно, позвонить забыл. Вспомнил об этом когда он сам высветился под утро на экране сотового телефона, и, схватившись за раскалывающуюся голову, ответил.

—Пап, не давай мне больше пить,— прошептал я, словно во сне выбираясь из кровати и ища последнюю в моем запасе заветную фляжку с живой водой.

—О, дошло наконец.

—Дошло. Больше не буду...

Отец даже рассмеялся. Заверив что нашел все, о чем я его просил в моей спальне, он пообещал что вечером придет, а я, ругаясь на себя, включил телевизор. Включил, и сразу отрезвел. Не поверил своим глазам и выглянул в окно. А там была зима! Еще даже не почувствовав холода, едва поборол панику от валящегося с неба снега.

—Макс,— заорал я, и выбежал из спальни. Тут же наткнулся на парня и едва не свалился, парализованный страхом. — Макс, там зима!

—И что? Снега испугался? Не дрейфь, к обеду растает. Дрожа как ненормальный, я вцепился в его майку.

—Макс, там холод!— я кожей почувствовал мурашки, побежавшие по коже, и зарывшиеся под загривок. Почувствовал как заledenели пальцы рук. Еще бы чуть-чуть, и увидел бы пар изо рта. Макс, спасибо ему, не дал впасть в панику.

Тряхнул меня за плечи так, что я клацнул зубами, и оторвал от пола.

—Успокоился?— возможно он и не понимал чему я так испугался, но вот то, что я на грани срыва, сообразил. —А теперь рассказывай!

—Я... я боюсь холода.

—Джейк, ну это же смешно!

—Макс,— заорал я на него, вырываясь из рук, оставивших синяки на плечах. —Вот это след от кинжала, вернувшего мне жизнь. Я тогда умер... Живьем замерз! Я ненавижу холод! Я боюсь его!

Максим чуть склонил голову на бок, разглядывая меня.

—Но сейчас-то ты в доме, в тепле. Тебе нечего бояться здесь. Хочешь, я прибавлю тепла в радиаторах? Да и выходить на улицу тебе нет необходимости. Эй, Джейк, ты не испугался сотни безбашенных старшеклассников, подростков, которые стаей способны разрушить все. А небольшого снежка испугался?

—С ними я мог бороться, а со стихией не могу!

—А зачем тогда придумали теплую одежду? Уверен, ты найдешь и теплые ботинки и шапку с перчатками.

—У меня даже запасной рубахи нет с собой, а ты...

Максим резко остановил мою истерику, и, отвернувшись, пошел на кухню. Не желая оставаться в одиночестве, я последовал за ним. Уселся в кресле, следя как он освоившись с обстановкой, ставит греться чайник и достает из огромных

пакетов пачки с чаем и сахаром, достает кружки.

—Привет, Галюнь,— Макс прижал телефон к плечу и поглядывая на меня, заварил чай. —Знаю, знаю, виноват. Обещаю исправиться. Зайка, у меня к тебе просто огромная просьба. Жизненно необходимая. Ага, от этого зависит сойду я с ума или нет. Ты не могла бы отправить в домик у обрыва мою зимнюю запасную спецуху. Да не я, зайнька, а мой подопечный. Мы не рассчитывали что так похолодает, и налегке приехали, а у меня в машине снова печка барахлит. Спасибо, Галюнь, я твой должник.

Протянув мне чай, Макс улыбнулся жизнерадостной мальчишеской улыбкой.

—Максимум через час будет тебе теплая одежда.

Я виновато опустил глаза.

—Спасибо. И, Макс, прости... Прости что не дал поспать, и устроил эту истерику, и...

—Джейк,— Макс поставил стул напротив меня и оседлал его. Сложил руки на спинке, впиваясь в меня взглядом. —Теперь то ты можешь рассказать мне, почему решил что меня ждет смерть?

Закрывшись от Роксалана, я вздохнул.

—Там, в полиции, когда я упал в обморок... я не от голода упал. Когда папа сказал что мне нужен телохранитель, я почему-то сразу подумал о тебе. Ты напоминаешь мне одного моего друга, который поклялся защищать меня даже перед лицом смерти. Вот я и подумал что ты был бы лучшим, кого

сможет найти отец. Подумал о тебе, и... меня сразу затошнило и внутри словно сдавило все... и вкус крови во рту. Я попытался избавиться от этого чувства, думал что просто устал, но... это другое. Я чувствовал вкус крови на языке.

—Это ничего не значит.

—Макс, у меня был друг,— я остановил взгляд на отблеске света в своей кружке. —Такие друзья бывают одни на миллион. Я порой ненавидел его, был готов убить, прогнать... Но мог довериться только ему. Он заставлял меня делать еще шаг тогда, когда я был уже не в состоянии идти дальше. Он часто судил меня за мои истерики. Я всегда знал что пусть он ругает меня, но он меня не оставит. И в один момент я вдруг понял, почувствовал, что если оба мои друга продолжат идти за мной, то кто-то из них умрет. Я чувствовал эту тоску в себе об утрате еще задолго до того, как он погиб. Я чувствовал боль чуть выше сердца, и знал что если я их не заставлю остановиться и не идти за мной, то кто-то из них умрет. Я пытался их отговорить. А когда понял что слова не значат для них ничего, и они не бросят меня, я сбежал. Думал они остановятся, но они догнали меня, а через пол часа... его не стало. Его пробил стрелой в то самое место, где я чувствовал боль. Стрела чуть оцарапала меня, а его... убила. Он умер у меня на руках. Я чувствовал что он погибнет, но не смог его остановить. Второго моего друга то же ранили, но он выжил. Макс, я не смог его спасти, но тебя могу. Ты должен уйти.

—Говорят, что смерть не уходит с пустыми руками,— Макс философски пожал плечами. —Если она выбрала свою жертву, она ее достанет, или возьмет другой трофей.

Я застонал и едва не разлил чай.

—Я знаю. У меня есть то, что она примет взамен. Но ты должен уйти. Ты... это будет нечестно, если ты умрешь из-за меня. У тебя вся жизнь впереди, а я... конченный человек.

—То есть отцу ты снова наврал?

—Макс, я для них умер четыре месяца назад. Тот, в кого я превратился, не их сын. Меня не должно здесь быть. Смерть ходит за мной по пятам с того самого дня, как я исчез. Она все равно не оставит меня в покое. Если не сейчас, то через неделю, или через месяц, но она меня догонит. Посмотри что творится вокруг меня. Я полностью нарушил жизнь окружающих. Я все разрушаю вокруг себя. Макс, я и так обречен.

—Ты именно поэтому сбежал сюда?

Я горько улыбнулся.

—Я хочу попрощаться с друзьями. И я хочу... я хочу просто исчезнуть для родителей. Я не хочу что бы они знали куда я ушел, в то место где жил три месяца, или туда.

Я кивнул на потолок.

—Дурак ты, Джейк. Неужели ты думаешь что я дам ребенку пойти на самоубийство?

—Я просто расставляю все по своим местам.

Максим задумчиво разглядывал что-то у себя перед стулом.

—А почему бы тебе просто не вернуться туда, где ты был все эти три месяца?

Холодный пот побежал по спине, и я вздрогнул.

—Это... очень страшно. В прошлый раз я разбился о воду, рухнув в нее с пятидесяти метров. Вероятность того, что я выживу — слишком мала. Я бы возможно и попробовал, но, боюсь, у меня просто не хватит времени. Я хочу увидеть сестру,— невольно, я все же улыбнулся.

—Ладно, будем ориентироваться на время, пока твоя мать не родит. А потом уже подумаем что делать дальше,— хлопнув ладонями по спинке стула, Макс поднялся.

—Макс, ты не понял...

—Говорят сумасшествие — не заразно. Считай что ученые ошиблись,— парень усмехнулся, и достал телефон. —Галюнь, это снова я. Машинку уже отправила? Замечательно. Закинь в нее бронежилет и пару запасных обоев. И страховочку на всякий пожарный организуй, так, что бы по-тихому. Ну конечно все через кассу, зайчонок. Да нет, все отлично. Точно все отлично.

Вечером отец не приехал. И все из-за проклятой зимы, так неожиданно обрушившейся на нас. Снега намело столько, что к нам смог бы добраться только вертолет, или снегоход, а рисковать застрять где-нибудь на проселочной дороге я отцу не разрешил. Настоячиво убедил маму что со мной все отлично (пришлось даже отправить ей пару фоток себя любимого), что я на самом деле на даче и что со мной все хо-

рошо, после чего наотрез отказался от их поездки. Благо мы хоть не умерли от тоски, немного приподняв настроение друзьями из охранный агентства, веселыми ребятами и довольно занимательными личностями. Мне казалось что они были единственными, кого не ужаснула моя красивая физиономия. Они довольно скептически отнеслись к тому, что их машина застряла в снегу у нас во дворе, и пока ждали другой экипаж, на более мощной машине, рассказали такое количество анекдотов за чаем, что я уже не в силах смеяться, разве что не на полу валялся от смеха.

От них то я и узнал последние новости из города, которые по каким-то причинам отец не захотел рассказывать. Оказалось, что ночью сгорела моя школа. Ну, не то что бы совсем сгорела, но один из корпусов, в котором находился весь управленческий отдел этого учебного учреждения, загадочным образом, выгорел. Школьникам устроили незапланированные выходные до начала следующей недели, и теперь я уже предвкушал что Санек замучает меня своими звонками. От того, что бы отключить телефон, меня удерживало лишь то, что в любой момент могли позвонить мама или папа.

Привезенные Максy вещи были мне почти в самый раз, однако я столько услышал от него комментариев, когда вышел в лакированных туфлях на улицу, что самому стало неловко. Вернувшись, я скептически посмотрел на папины ботинки, на четыре размера больше моих, на новенькие ботинки Макса, такие же громадные, и, вздохнув, достал из

своего тайника свои черные сапоги. А что, теплые, удобные, а главное – привычные ноги, они вполне сносно смотрелись с аляской и теплыми штанами. Макс только присвистнул, заметив шпоры, но их я воздержался отрывать. Не хватало еще дырок в сапогах наделать.

–Пошли прогуляемся,– заявил Макс на следующее утро, бросил мне шапочку и натянув точно такую же куртку, вышел во двор.

–Куда?– я с ужасом смотрел на ровный слой снега, укрывший все вокруг. Черт, да здесь сантиметров пятнадцать, не меньше. А под ним – грязь!

–Да хотя бы к обрыву. Вниз спускаться не будем, там, наверное, все сейчас льдом покрылось... Джейк, ты чего замер?

Я вспомнил то последнее утро на обрыве, и едва не отказался идти. Махнул рукой, давая понять что все в порядке, и включив сигнализацию, пошел вперед по знакомой тропе. Даже заваленные снегом дорога и лесок не позволили сбиться хоть на метр. Я помнил эту дорогу наизусть, и если понадобится, смогу ночью без луны найти направление.

–Ты куда так спешишь?– Макс спокойно шел рядом, явно наслаждаясь окружающей нас тишиной.

–Не привык долго на одном месте задерживаться,– наклонившись, я сгреб горсть снега и слепил снежок. Секунду помедлил, сообразив что собираюсь сделать самую обычную детскую шалость, не удержался, и со всей силы метнул сне-

жок в Макса. Захохотал, когда тот разве что не грохнулся в снег, и в следующий момент получил точно таким же снежком в лицо. Сразу оценив на что способен парень, я со смехом укрылся за деревом, и уже от туда стал вести свой обстрел, все таки свалив Макса с ног, и высыпал ему за шиворот целую охапку липкого снега.

—Все, сдаюсь,— хохотал он, а потом подножкой сбил меня в сугроб рядом, и уже собирался точно так же набить мне снега под куртку, но я быстро сгруппировавшись, откатился в сторону. Ногой послал грязный снег в лицо Макса и едва удержал занесенный кулак у его горла. В ужасе осознал что совершенно забылся в игре, и, отползая по снегу, силясь встать и задыхаясь в панике, схватился за голову.

—Джейк,— Макс сразу понял что именно случилось. Он и не мог не понять куда я метил кулаком, и что если бы я сам не остановился, то просто смял бы его гортань с трахеей одним ударом, от которого он просто не смог бы увернуться. Понял и то, что я почти потерял над собой контроль. —Все нормально.

Он попытался поднять меня с мокрого снега, но я вырвался. Сжался в клубок, трясясь от ужаса.

—Уходи,— зашипел я на него, и, уткнувшись лицом в снег, закричал. —Уходи, Макс. Уходи! Дай мне сдохнуть здесь!

Он не ушел. Сгреб меня в охапку и вздернул на ноги. А потом так врезал мне по уху, что в голове зашумело. Чуть не потеряв сознание, я ошарашено уставился на него.

—Все, успокоился? А теперь вперед.

Толкнув меня на дорогу, он разве что не за шкуру при-
волол меня в дом, и, сдернув с меня пуховик, бросил на ди-
ван. Я чувствовал как с волос начал капать растаявший снег,
и не мог на этом сконцентрироваться. В голове словно пу-
стота образовалась, и я ломился в глухие стены, не в силах
найти выход. Едва не выронил кружку горячего чая из рук, и
лишь только окрик Макса заставил выпить его. Обжигаясь,
я с отвращением почувствовал что коньяк в чае — это ужасно
неприятная вещь, и оттаивая, схватился за голову.

И разревелся.

Макс не мешал. Сидел напротив меня, терпеливо ожидая
когда я выдохнусь, и сразу поймав момент когда мне полег-
чало, осторожно так, без грубости, отстранил мои руки от
волос.

—А теперь рассказывай.

—Макс,— я посмотрел на свои руки и вскинув голову, уста-
вился на Макса. —Я тебя чуть вот этими руками... не убил.
Макс, я с ума схожу! Я не могу контролировать себя. Я опа-
сен для окружающих. Я...

—Не это рассказывай. Все что ты только что сказал, ерун-
да. Не мог бы контролировать себя, оставил бы меня там в
лесу с перебитой шеей. Где драться так научился?

—Я еще не начинал драться!— закричал я, и хотел вско-
чить, но Макс толкнул меня обратно на диван. —Макс, это
был один удар — один труп! Я знаю два десятка точек на теле

человека, удар по которым убивает. Я монстр, Макс. Монстр, который на грани срыва.

— Не гони ерунды. Ты ребенок!

Рывком вскочив, я схватил его за горло, и чуть сильнее нажал пальцем на сонную артерию, и держа другой палец на коже над другой. Тут же заметил как изменился Макс в лице, и чуть ослабил нажатие.

— Меня учили убивать, Макс. Голыми руками.

Отстранившись, я закрыл глаза, и очень внимательно посчитал до десяти. Выдохнул.

— Я понимаю, что не имею права рассказывать об этом, но я хочу что бы ты это узнал.

Поднявшись в свою комнату, я нерешительно взялся за уже прежде оторванную панель на стене, и вырвал ее. Достал меч, и тяжело сглотнув, погладил ножны. Вновь чуть не забывшись от воспоминаний, я все же поставил панель на место, и поспешно спустился в гостиную. Пospешно, потому что был на волоске от того, что бы остановиться и вернуться обратно в спальню.

Макс удивленно вскинул брови, разглядев что именно я держу в руках.

— Но больше меня учили сражаться им,— я достал меч из ножен и отбросив последние в сторону, покрутил клинок в руке, вспоминая это сказочное чувство, когда знаешь что можешь постоять за себя. — Те, кто создавал его, был мастером от Бога. Этот меч выбрал меня, как выбирают себе хозяев

верные слуги. И достойно служил мне, верой и правдой.

Я не смотрел на Макса, но был уверен что он не только смотрит на то, как я медленно разгоняю клинок, заставляя тело вспомнить каждой движение, заставляя мышцы зануть сладкой болью. Но и слушает.

А я был уже далеко. Мир вокруг словно перестал существовать, отдав всего меня под власть эйфории. Поняв что слишком глубоко ушел в себя, я посмотрел на Макса, и сразу перейдя в самый быстрый темп, что помнило тело, разогнал меч до свиста. Заставил его гудеть одной сплошной ровной волной, заставил его рассекать воздух так, что за ним просто нельзя было уследить.

Взметнувшись в прыжке, коснулся кончиком меча шеи Макса.

—Ты труп.

Отстранившись, метнулся в сторону, и не слишком сильно уколол остолбеневшего Макса в грудь, напротив сердца.

—И снова труп.

Отведя меч, заметил как парень потянулся к ножу на поясе, и чуть улыбнувшись, проведя обманный отвлекающий выпад, больно кольнул его по руке. Отскочил от метнувшегося в голову кулака, и прижал кончик меча под мышку Макса.

—Между ребер и в сердце. — новый выпад. —И снова труп,— На последок я прижал меч к его животу сверху вниз, и чуть улыбаясь, посмотрел в его глаза. Боги, неужели я напугал его? —Макс, ты все еще считаешь что я ребенок?

Отступив, крутанул меч и прижал его к локтю, пряча лезвие за рукой. Гордо вскинул голову, понимая что если Макс сейчас примет меня за сумасшедшего, то я не смогу больше привести ему доказательств того, что я на самом деле способен убить человека.

—Кажется ты только что подписал себе смертельный приговор,— прошептал Роксалан, о котором я напрочь забыл. Не слышал даже как он пытался остановить меня. Был так увлечен собой, что просто не обращал на него внимания.

«Залечишь ему руку?»— я поморщился, когда увидел что все же достаточно сильно порезал Максу руку, и теперь тот перетягивает порез бинтом, косясь на меня.

—А он потом тебя этой же рукой придушит.

«Не думаю».

Положив меч на стол, я виновато подступил к Максу, и протянул руку к его ладони.

—Дай посмотрю.

Макс отдернул руку, явно опасаясь меня, но посмотрев мне в глаза, сдался. Размотав повязку, я прижал бинт к глубокому порезу, и огляделся. Увидел ручку на камине, и впервые за эти полтора дня, заметил что мой портрет не убрали. Сняли черную ленточку, но сам портрет остался.

—Макс, скажи мне свое полное имя,— отбросив колпачок в сторону, я нервно дернул плечом. —Макс, ты все поймешь, но... чуть позже. Просто скажи мне свое имя.

Быстро написав не совсем ровные буквы, я стянул браслет

на пальцы, и прижал камень к руке парня чуть выше раны. Не слишком хотелось пачкать его кровью, да и бинт я не решился пока убирать.

—Мне только руку ему залатать, или может еще что?— Роксалан уже начал пить из меня силы, и я встал более устойчиво. Не хватало еще грохнуться здесь.

«А что еще не так?»— я закрыл глаза, чтобы не видеть удивления в глазах Макса.

—Старая травма, и очень плохо сросшаяся. Спину ломал, лет десять назад. Нет, смогу только симптоматику снять. Тебя не хватит что бы избавить его от этого недуга. Будь он здесь, я бы смог его починить, но так...

«Все так серьезно?»

—Более чем. Лет десять еще побеждает, а потом, увы...

«Сними симптомы».

—Тогда я бы посоветовал тебе сесть. Ты слишком вымотан, и...

«Роксалан, давай уже. Не первый раз падаю! И попробуй поговорить с ним. Я хочу что бы он поверил не только глазам, но и душой».

От того, как резко изменился поток утекающих сил, я закачался. Крепче вцепился в руку Макса, и чуть слышно нервно засмеялся. А потом вырубился.

—Эй, Джейк,— кто-то хлопал меня по щекам, и это было неприятно. Неприятно на столько, что я остановил руку и отвернулся. —Давай, давай, просыпайся. Джейк, вставай, или

я звоню в скорую.

—Только попробуй,— прошептал я, прислушиваясь к себе. Вроде все в порядке, только вот сил даже на то, что бы открыть глаза, не хватает. —В моей кровати фляжка.

Я даже не успел опомниться, как мою голову приподняли и холодное горлышко коснулось губ. Сделал глоток, и отвернулся.

—Я посплю немного.

На самом деле спать я не собирался. Понимание того, что и мне, и Максу сейчас нужно время все переварить, не давало мне даже посмотреть ему в глаза. Я помнил, как был сам шокирован, когда открывал тот мир для себя. И понимал сейчас что для Макса, взрослого человека, принять это сверхъестественное за реальность слишком тяжело. Ладно, он видел мои травмы. Ладно, смирился с тем, что на мне все заживает как на собаке. Всякое бывает. Но испытать все на своей шкуре — это уже другое.

—Он сказал что у тебя была сломана спина, лет десять назад,— прошептал я через пол часа, когда понял по дыханию Макса, что он успокоился. —И что она плохо зажила. Я смог снять боль и отек,— я поморщился, вспомнив это неприятное ощущение. —Но что бы полностью ее восстановить, меня не хватит... По крайней мере, не сейчас.

—Я слышал голос,— тихо прошептал Максим, и я поднял голову. Он сидел в кресле, и вертел в руках пустую бутылку из под коньяка. —Но я его не понял.

—И не поймешь, пока не поверишь,— прошептал я, и вздохнув, сел. —Макс, я есть хочу. У нас есть что-нибудь пожевать?

Максим кивнул, и ушел на кухню. Судя по тому, что меч был в ножнах, он довольно досконально изучил его.

—Отцу позвони.

—Зачем?

—Потому что я звонил ему. Не дрейфь, просто сказал что ты в обморок грохнулся.

Я глянул на часы, и не удержавшись, выругался. Выругался на том, родном языке, и Макс сразу напрягся. Я провалялся два часа! Мама там, наверное, с ума сходит! И отец!

Найдя телефон, я быстро набрал номер отца. Услышал как тот выдохнул с облегчением.

—Пап, со мной все в порядке,— как можно более жизнерадостно произнес я, и с явным трудом поднялся. Схватился за спинку дивана, но устоял. —Просто, переутомился.

—Ну и хорошо. Как там у тебя дела? Джейк, я...

Отец замялся, а меня словно ледяной водой окатило. Какое-то странное чувство, будто отец сам в панике, было таким острым, что меня затошнило.

—Что-то случилось, папа?

—Джейк, я приеду к тебе как только смогу. Может завтра утром...

—Ты? А мама?

Повисшая пауза заставила меня сесть прямо на пол.

—Мама и я в больнице.

Телефон выпал у меня из рук, и я понял что вот-вот снова отъеду.

—Что случилось, папа? Что с мамой?— заорал я, с трудом удержавшись от очередного падения. Заорал так, что даже Макс не выдержал, и забрав у меня телефон, жестом остановил меня и мой крик. О чем-то заговорил с моим отцом, и на его губах вдруг появилась чуть заметная улыбка.

—Хорошо, будем ждать.

Макс отключил телефон и усмехнулся.

—Вставай давай.

—Макс!

—Да успокойся ты. Все с ней в порядке. В роддоме они.

—Но,— я заметался по полу, почему то ища телефон рядом с собой. —Но ведь еще рано! Еще почти целый месяц. Мама говорила что к Рождеству. Я помню...

—Джейк, успокойся. Все с ней в порядке.

—Надо ехать...

—Зачем? Тебя все равно не пустят. Как только родит, отец позвонит. К тому же ты сам видел дороги, мы просто сейчас не выберемся отсюда на моей машине. Она застрянет в первой же луже. Плюс я выпил, а пьяным за руль я не сяду. А теперь вставай и пошли есть.

—Я не хочу,— я едва сдержал желание разреветься. Господи, да что ж я стал таким нытиком? Сейчас надо взять себя в руки, успокоиться... —Это был мой коньяк! Как я теперь должен успокаиваться?

—Валерьянки накапать?

—Да пошел ты со своей валерьянкой!

—Слушай, Джейк, кончай истерить! Сам говорил что уже взрослый, а ведешь себя как младенец,— Макс протянул мне браслет, про который я напрочь забыл. —Будь мужиком, в конце то концов.

Я видел что Максим прав, но понимать это был не в силах. Да и Роксалан в тихушку начал что-то со мной делать, потому что минут через десять, осознавая что делаю совершенно не то что хочу, обнаружил себя сидящим за столом и обедающим. А потом и вовсе залез спать в кровать.

«Роксалан, кончай мной управлять!» шипел я на него, но тот лишь улыбался. Я кожей чувствовал что он сейчас стоит и улыбается, а рядом... стоит Розалин. Дернувшись, я разрушил его чары, и сжал амулеты на шее.

«Роксалан, она рядом?»— по щеке побежали слезы, когда я узнал ее. Прикрыл глаза и потянулся к ней всей душой. Моя Розалин! Кожей ощутил ее дыхание и тоску.

Видение было столь ясным, что я не выдержал и прошептал.

—Розалин, мне так плохо без тебя. Я гибну без тебя. Розалин, я так хочу к тебе.

—Я люблю тебя, Джейк. Мы все тебя любим. Возвращайся домой.

—Я не могу. Это выше меня.

—Ты можешь,— она словно склонилась надо мной, и подула

в глаза. —Ты все можешь. Теперь ты свободен.

Застонав, я потянулся коснуться ее, и видение растаяло.

—Джейк!— окрик Макса заставил очнуться от забвения мгновенно, и рука потянулась к мечу. Проклятье, его здесь нет! —Отец звонит.

Сев, я сонно потер лицо и взял телефон. Выслушал отца, кивая ему в ответ, словно он мог видеть, и нервно рассмеялся.

—Передай маме и... малышке, что я скоро с ними увижусь.

—Джейкоб, не дури. Не надо тебе сейчас сюда ехать.

—Я надеялся что вы сами приедете. Не хочу возвращаться в город. Пап, что там со школой?

—Ой, Джейк, не до нее мне сейчас.

—Ладно, я Игорю позвоню. Денег можешь на телефон закинуть?

—Ну что?— Максим смотрел на стену, и я проследил его взгляд. Черт, я панель вверх ногами поставил!

—Все в порядке,— я улыбнулся. —Кажется моя сестренка будет очень нетерпеливой и любопытной.

—Это у вас в крови,— буркнул Макс и, все же оторвав панель, поставил ее правильно. Покосился на меня.

—Макс, я не хочу пока больше рассказывать,— я понял что он от меня ждал, но голова не хотела работать в нужном направлении.

—А потом расскажешь?

Я кивнул и отвернулся. А потом спустился в гостиную,

и забрав меч, положил его себе под матрац. Провалился в кровати до самого вечера, да так бы и валялся еще и до утра, если бы не звонок Игоря, про которого я напрочь забыл.

—Привет,— лениво протянул я, смотря как солнце почти скрылось за горизонтом.

—Джейк, что ты сделал с Ирккой?

Я резко сел в кровати.

—То есть?

—Она к тебе собирается ехать. Воспользовалась тем, что мать уехала на несколько дней в командировку и все уши мне прожужжала, что бы я отвез ее к тебе.

—Ни чего не делал!

—А видео в ютуб кто выложил?

—Какое к черту видео?

Игорь расхохотался на том конце связи.

—Ты что, с внешним миром разругался? В интернет вообще не заглядываешь?

—Да у меня здесь связь не очень хорошая. Помехи постоянно идут.

—Ладно, скачаю для тебя лично, но потом ты мне все расскажешь. Все, Джейк!

—Слушай, я дурак или чего то не догоняю? Ты собрался сюда приехать? И как ты себе это представляешь?

—Ну, я могу взять машину у отца. А Санек покажет дорогу.

—И первый же пост ГАИ твой. Не дури.

—Ладно, тогда твоему отцу позвоню.

—Игорь, ему сейчас не до меня,— я выдохнул, поняв что потихоньку начинаю сходить с ума. —У меня сестренка родилась сегодня.

Игорек закашлялся.

—Ого, поздравляю. Это надо отметить. Все, жди нас. Я уверен что твой отец захочет отметить это событие вместе с тобой.

Связь прервалась, а я как болван уставился на телефон.

—Макс!— заорал я, выскакивая из спальни. —Эти олухи собираются сюда ехать! Да я про Игоря с Санькой,— пояснил я, видя что парень меня не понял. —И папку хотят притащить.

Максим на миг задумался, и потянулся к телефону.

—Я поговорю с Фрэнком.

—А толку? Они тогда сами приедут. Санька знает дорогу. А, черт, черт, черт!

Первая мысль была о том, что отец должен будет привезти бумаги и фляжку. И он не отстанет пока я не расскажу ему что в ней. А если я расскажу про демона, то...

—Пусть папка выпить привезет, и побольше. Им это понадобится,— прошептал я, ошалело сев на ступенях лестницы. Чертыхнулся, и сжал разболевшуюся голову. Роксалан не спешил вмешиваться, хотя и прислушивался.

«Эй, Роксалан, ты еще здесь?»

—Здесь.

«Я думаю что придется мне все им сегодня рассказать. Ты можешь подтвердить им мои слова?»

—И как же я это должен сделать?

«А ты с Дорханом прилететь сможешь? Ну, духами. Часа через четыре. Да, думаю в полночь будет в самый раз».

—Ты уверен в том что делаешь?

«Если я этого не сделаю, то меня точно в психушку отправят. Меня даже Макс бояться стал. А что будет с друзьями и отцом? Он же меня к маме больше ни на шаг не подпустит!»

—Ладно, будем ждать твоего сигнала у колодца. Скажешь когда готов будешь.

Папа, а с ним и моя троица, приехали через два часа. Ввалились в дом, смеясь над какой-то шуткой Саньки и хлопая меня по плечам, поздравляя с сестрой, довольно быстро нарушили наше уединение. Я смотрел на отца, чуть нервного, но держащего себя в руках, и даже не мог улыбнуться. Забрал у него пакет, и обнял.

—Пап, с мамой точно все в порядке? Только не ври мне. Я почувствую если ты скажешь неправду.

—И с мамой, и с твоей сестренкой все в порядке. Вот, я даже выписку взял из роддома, зная что ты захочешь удостовериться.

Я быстро пробежал глазами листок и улыбнулся. Вот она, девчонка, которая будет опорой родителям когда меня с ними не будет. Два с половиной килограмма, вполне здоровая и, со слов отца, орущая не меньше меня, когда я родился.

—Пап, а почему так рано?

Отец враз посерел и протянул мне ту самую папку, что я

оставил со своими снимками в отцовской клинике. Не ту, из больницы, а ту, что мы сделали на его клинике.

—Она нашла ее в моей сумке. Джейк, с мамой все будет хорошо. Давление нормальное, сердце в норме. Никаких осложнений. Врачи сказали что ребенок сам захотел на волю. Такое бывает.

—Она... испугалась? Это из-за меня.

—Джейк, все хорошо. Она видела только один снимок, я успел забрать у нее их. Я думаю... их надо уничтожить.

—Ты говорил с ней по этому поводу? Говорил что я хочу уйти?

Отец кивнул и отвернулся.

—Она просила тебя подождать. Она хочет сама с тобой попрощаться.

Я улыбнулся, прогоняя слезы. Что-то заворчал Роксалан, и я перекрыл ему слух. Однако он все еще чувствовал меня.

—Там Ирина тортик купила,— отец чуть склонился над моим ухом. —Зачем ты просил коньяк? В баре есть хорошее вино. Да и этим,— он кивнул на моих друзей. —Я пить не дам. Ты то может и вырос, а вот они — дети.

—Ну Ирке и Игорю уже по семнадцать. Пап, а почему они не говорят что они близнецы?

—А я от куда знаю? Спроси сам.

—Да неудобно как-то. Ирка к тому же в десятом учится, а Игорь в одиннадцатом.

—Так она вроде как болела долго, год пропустила.

Я открыл рот и закрыл. И правда, я об этом не подумал. После клинической смерти, да еще и с такими последствиями, ее видимо долго ставили на ноги.

—Саньку бокала вина хватит,— я кивнул и вспомнил как опьянел от одного бокала, когда меня напоила Маришь. Вспомнил и улыбнулся.

Пока Ира и отец сустились на кухне, я был пойман Игорьком и, видя его нетерпение, со вздохом повел его в свою комнату.

—Ну, давай, показывай, что ты там в интернете увидел.

Ой, лучше бы я этого не просил. Смотрел на ролик, снятый у ресторана пару дней назад, и краснел на глазах. Вот я обнимаюсь с Ирккой, мы о чем-то говорим (благо слов не слышно), а потом я глажу ее по волосам и мы целуемся. Долго так целуемся, судя по тому, как маячившая сбоку фигурка Макса нетерпеливо поглядывает на часы.

—Твою ж душу...

Я прикрыл рот рукой, не в силах оторваться от экрана.

—Она это видела?

Я скосил глаза на количество просмотров, и побледнел. За сутки пол миллиона просмотров. Она просто не могла не видеть и не знать!

—Ну? Объяснишь?— Игорь поставил на паузу видео, и я отвернулся. Прикусил губу, и встретился глазами с замершей в дверном проеме Ирккой.

—Это была моя инициатива,— девушка с интересом огля-

дела мою спальню, почему-то задержав взгляд на стене, где совсем недавно был спрятан меч. Она что же, все еще видит?

—Ира, прости. Я не думал что...

—Не за что извиняться. Игорь, отстань от Джейка. Я просто поблагодарила его за то, что он сделал.

—Но ты продолжаешь нести этот бред!— Игорь вдруг заметался по комнате. —Я только и слышу, «Я знаю что Джейку нужна помощь» и «От судьбы не уйдешь». Ира, я с ума схожу! Ты мне двадцать раз говорила что я должен держаться от него подальше, а сама притащила меня сюда! Ты же сама сказала что он опасен для меня! А Саньку зачем с собой взяла?

—Он то же должен быть здесь. Игорь, ну пойми. Я перестала видеть и чувствовать всех, кроме него. Я думала что вчера утром с ума сойду, как ему было страшно!

Я нервно сглотнул. Она что же, чувствовала как я испугался холода? Или это было когда...

—Я сегодня чувствовала его ужас, и ненависть к самому себе днем!

Меня закачало.

—И я чувствую что он хочет с собой сделать! Я не позволю этого!— она стремительно бросилась ко мне и обняла. —Джейк, ты не имеешь права так поступать!

—О чем ты?— тихо спросил Игорь, успокоившись, и недоуменно разглядывая меня. Ирка расплакалась.

—Ира, это не тебе решать,— тихо прошептал я, и, вырвав-

шись, сбежал вниз. Выскочил на улицу в одной майке, и поскользнувшись, едва не слетел с лестницы на растаявшую от снега траву. Заметался по грязной дорожке перед воротами, успокаивая себя, и не сразу заметил Макса, стоявшего всего в паре метров от меня.

—Джейк, замерзнешь,— он протянул мне куртку и я, кивнув, натянул ее на уже озябшие плечи. Только взялся за замок, и замер, прислушиваясь. Макс сразу уловил мою настороженность и тоже прислушался.

Осторожные крадущиеся шаги за забором мы услышали оба, и прижались спинами к кирпичной стене. Холодок пробежал между лопаток, когда я понял что как минимум шестеро человек сейчас окружают дом. Указал Макс пальцами на два места, где затаились люди, и махнул ему на дом.

Быстро добравшись до дверей, мы проскользнули в дом, и я под удивленный взгляд отца, вдавил сигнал тревоги на пункте управления.

—Джейк, они не успеют,— зашипел Макс, указывая отцу и Саньке на лестницу на второй этаж.

—Так поторопи их,— прошептал я, подталкивая отца наверх и заставляя заткнуться Сашку. —Да тихо вы!

—Джейкоб, что происходит?— отец все же начал что-то понимать, заметив как Макс достал из кармана тревожную кнопку и зажал ее в пальцах.

—Вы хвост привели,— Макс скользнул к счетчикам и вырубил в доме свет, и мне пришлось разве что не за шиворот та-

щить по темноте Саньку в свою комнату, а потом и запихивать в нее отца. В тусклом свете планшета я увидел как испуганная Ирка прижалась к брату, и прижал палец к губам.

—Ни звука, что бы ни произошло. Пап, не вмешивайся. Ни в коем случае. И к окнам не подходите,— я выдернул из под матраца меч, и, не давая возможности разглядеть его окружающим, выскользнул в коридор, прикрывая дверь.

Не обращая внимания на Макса, я тенью скользнул обратно в гостиную и прислушался. Так, один уже во дворе, прячется за машиной Макса. Остальные пока не спешат, и это странно.

—Кто это может быть?— тихо спросил Макс, подкрадываясь к двери. Меня сразу поразило то, что он полностью доверился мне. Господи, ну хоть один поверил в то, что я могу за себя постоять!

—Два варианта. Либо те медики, которые решили все же изучить меня, либо...

—Та дура. Я узнал про ее семейку. Почему ты не сказал что ее отец бандит?

—Давай потом поговорим на эту тему,— я достал меч и засунул ножны под кресло. Удержал в падении стул, который задел Макс, и вернул его на место. —Осторожней.

—На ученых не похожи. Те не стали бы рисковать с оружием.

Весь напрягшись от резкого напряжения от окна, я едва успел прикрыться руками, когда окно над головой разлете-

лось в дребезги и к моим ногам упала самая настоящая граната. Едва не закричав от ужаса, я схватил ее и выглянув в окно, с силой метнул подальше от дома. Она взорвалась еще не долетев до того места, куда я целил, сорвав крышу машины Макса и оглушив бросившего ее человека. Ладно, будем считать что ему повезло.

—Твою мать,— выругался Макс, осыпанный стеклами из разбитого окна, и достав пистолет, взвел курок. Однако я заметил нечто такое, от чего не смог удержать улыбки. Тот самый пакет, что привез отец из дома. Улыбнулся, и метнулся к нему. Достав фляжку, сорвал крышку и вытряхнул демона на пол.

От неприятного запаха и слюнявого языка я едва не закашлялся.

—Тихо, малыш,— зашипел я, прижав наострившегося демона к себе, и почему-то всхлипывая как ненормальный. — Пошли поохотимся.

Выпрыгнув в окно, я кубарем отлетел от автоматной очереди в сторону, и укрывшись за развороченной машиной, зашипел на Макса, проскользнувшего в дверь и оказавшегося рядом.

—Это что за черт?— он был напуган, но не на столько что бы забыть об опасности.

—Потом. Макс, уходи в дом. Демон с ними разберется.

—Ага, щас,— он едва отдернул голову от когтей демона, и я встряхнул зеленого беса.

—Это друг. Его нельзя!— указал на стену, через которую уже кто-то пытался перелезть, и демон заурчал от удовольствия. Отпустив его шерсть, я прижал Макса к земле, и демон рванул к своей первой жертве. Сразу сообразил кто мне угрожает, и разве что не в полете разорвал всю грудь и лицо бандита. Метнулся к кому-то, закричавшему от ужаса, и в тот же миг крик оборвался. Я же с мечом уже мчался к другому типу, начавшему стрелять по дому. Снес ему одним ударом голову с плеч и, перелетев через забор, свистнул демона. Тот тут же оказался у ног, и на двоих бандитов мы напали уже со спины. Разорвав одежду одного из них, демон с удовольствием впился в его шею, изголодавшись по крови и истосковавшись в тесной фляжке. Второй же, не ожидая такого ужаса, убегал в лес сломя голову. Я подобрал брошенный им нож и послал ему вслед. Тот споткнулся от удара в спину, и завалившись, больше не поднялся.

Свистом подзывая демона, я подхватил его под мышку и только сейчас задумался, что мы теперь будем делать со всеми этими трупами. Увидел как в два джипа запрыгивают еще пара громил, и метнулся к ним.

—Стоять,— заорал я на одного из них, сжимая шерсть демона в левой руке, и меч в правой. Весь залитый кровью, страшный всем тем, что случилось с моих рук, я коснулся клинком шеи бандита. —А убирать за вами кто будет?

Бандит выронил из рук пистолет, и с ужасом упал на колени. За спиной у меня появился Макс.

—У вас десять минут, что бы забрать то, что осталось от своих дружков и свалить от сюда.

—Джейк, здесь кровищи вокруг немеренно!— прошипел Макс, и я указал на кровь на кирпичной стене демону. Тот с каким-то удовольствием пробежался по кладке, и я улыбнулся, увидев что на ней не осталось и следа от красных пятен. Бандит же начал косеть от ужаса.

—Я тебе что сказал,— зашипел я на него, и указал на обезглавленное тело его товарища. —Быстро убирай их, иначе я натравлю его на тебя. Только попрошу медленно выпускать из тебя кровь и разрывать кишки. Что бы мучился.

Я улыбнулся, давая понять что меня не смущает такая картина. Макс отобрал у бандитов оружие и закинул стволы в дом, после чего прошелся вместе с ошалевшими бандитами по участку, показывая им трупы, и дожидаясь когда они запихнут их в машины. Демон же довольно шустро затер все следы крови, и настороженно уставился поверх моей головы на дом. Дернувшись, я встретился с полными ужаса глазами друзей и холодным взглядом отца. Отвернулся, холодея от еще большего ужаса, и махнул на машину Макса.

—Надо загнать ее в гараж до приезда твоих друзей. Я потом дам денег на ее ремонт,— я в ручную отодвинул двери гаража и заскрипел зубами. А на кой черт нужно было обломки катера то сюда слаживать? На память? Какую к черту память? Память о том что на ней утонул их сын? Идиотизм! Насторожившийся демон у ног заставил меня оглянуться.

Макс, вместе с отцом и Игорьком, подталкивали развороченную машину к гаражу, и Макс о чем-то ругался с отцом.

—Папа, он не знал!— заорал я, и сев на грязную траву, прижался к демону. Тот заботливо стал ластиться, отвлекая от истерики.

—Потом поговорим,— отец огрызнулся, и на пару секунд задумался, глядя на разбитое окно. —Сашка, бегом на чердак. Там коробка с петардами. Тащи ее сюда. А ты быстро в дом и смой с себя кровь.

—Папа,— я всхлипнул, и демон ошетинился.

—Бегом я сказал. Ментов мне здесь еще не хватало. И спрячь этого... куда-нибудь,— отец брезгливо посмотрел на демона, явно не полностью рассмотрев его в свете одинокого фонаря над дверью.

Бросившись в дом, я едва не налетел на Сашку, совершенно ошалевшего от происходящего, и услышал как закрылись двери гаража. Подобрал с пола пустую фляжку и, врубив свет в доме, приказал демону скрыться в ней. Тот поворчал для приличия, и залез в свой домик. Сашка же, о котором я совершенно забыл, выронил коробку из рук.

—Сашка, молчи,— зашипел я на него, и едва не застонал, сообразив что тот с демона переключился на мой окровавленный меч. Проклиная все, я влетел в ванну, и стал стягивать с себя грязную одежду, бросил все в корзину и положив меч в ванну, окатил его водой. Лишь после того, как убедился что он чист, залез под душ сам. Часы в голове отсчиты-

вали секунды, и заслышав звуки приближающейся машины, выключил воду. Уперся руками в плитку и зажмурился. Так, нужно успокоиться и немного остыть от разогнавшегося по крови адреналина.

—Я тебе чистую одежду принесла,— раздался тихий голос Ирины и я дернулся. Проклятье, я что, двери забыл закрыть? И как давно она здесь?

—Спасибо,— с трудом выговорил я, понимая что сейчас нас разделяет лишь запотевшее стекло. —Дай полотенце.

Поймав его через верх перегородки, я обмотался им и отодвинул стеклину. Нервно улыбнулся тому, с каким интересом Ирина рассматривает клинок, оставленный на столике, вода по нему пальцами.

—Осторожно, порежешься,— я отвел ее руку от лезвия, и не отпуская ее взгляда, стал одеваться. Почему-то совершенно не было чувства неловкости. Думаю, даже если бы в ванной не нашлось ни одного полотенца, я вы все равно не стал бы задерживаться там от смущения.

Однако здесь было слишком мало места, и, отстранив девушку к столику, я натянул брюки. С трудом удержался что бы не шарахнуться от ладони Иры, скользнувшей по шрамам на плече и, приняв из ее руки рубашку, поспешно влез в рукава. Прислушиваясь к шагам по дому, совершенно не знакомым и чужим, на миг задумался, и...

Ирка притянула меня к себе и, запустив ручки под сорочку, погладила шрам на моей груди, мою звезду.

—Ира,— я в раз охрип, полностью перекрывая всю связь с Роксаланом, и переключаясь на эти восхитительные ручки на своей коже. Они скользили по коже совершенно не так, как было прежде. Вызывали не просто тепло, а мелкие разряды тока, сводящие с ума. —Что ты делаешь?

Она уже целовала меня в шею, запустив пальцы в волосы. Это чувство, когда разом обостряется восприятие всего окружающего, этот туман в голове и проснувшееся желание, были так резки со мной, что потеряв контроль, я посадил девушку на стол, и прижался к ней. Сам нашел ее губы и смета последние крики рассудка, стянул с нее майку и задрал до поясу юбку. Последней каплей было то, что она отвечала на каждый мой поцелуй, на каждое прикосновение.

—Ира,— прошептал я, когда она сорвала остатки своей одежды и потянулась к моим брюкам. А потом и вовсе забыл обо всем на свете. И об отце, который сейчас разруливал на пару с Максом то, что я натворил. И о Саньке, перепуганным демоном. И о маме с маленькой сестренкой. Закрыв глаза, отдаваясь животным чувствам и инстинктам, желая лишь одного, что бы этот миг никогда не кончился.

Резко распахнувшаяся дверь была мне наказанием. Прижав к себе испуганную девушку, я с силой захлопнул ее перед носом шокированного охранника из ГБР, и выдохнув, оперся руками о стол.

—Ира, нам надо идти,— я не отвернулся от ее губ, заметив что все еще продолжаю реагировать на каждое ее движение.

Так остро реагировать, что все же не смог удержаться и прервать то, что мы так неожиданно начали.

Задышавшись от переизбытка чувств, я пару минут не видел и не слышал ничего, приходя в себя от такой разрядки. Опираясь на столик руками, уткнувшись лбом во влажное плечо девушки, сдерживая kloкочущее в груди сердце.

—Зачем... Зачем ты это сделала?

—Джейк,— она потянулась ко мне и коснулась изуродованной щеки. Я же стал поспешно натягивал на нее одежду. —Я хотела испытать судьбу.

—Дура. Мне Игорь голову оторвет,— встряхнув ее за плечи, боясь заглянуть в ее глаза, неумело застегнул лифчик, и нервно усмехнулся. Всегда думал что привилегия мужчин — раздевать даму, а не одевать.

—Пусть отрывает. Все лучше чем ты покончишь собой,— яростно прошипела она и оттолкнув меня, слезла со стола. По-своему восприняла мое молчание, и привела себя в порядок. Потом ткнула мне в грудь пальцем, и разве что не заплавав, прошептала. —Я знаю что судьбу не изменить. Но ты идешь именно против судьбы. И я докажу тебе что ты все делаешь неправильно, забеременев от тебя!

Она рванула к двери, но я ее перехватил. Повел шеей, прогоняя мороз от ее слов, и едва сдерживая ярость в руках.

—Еще раз, Ира. Так для чего ты это сделала? Ты ради этого приехала сюда?

—Ты думаешь я не понимаю что ты хочешь сделать? Ты

хочешь отдать свою жизнь, что бы спасти другую! Ту, чья судьбой должна оборваться,— Ира схватила за волосы. —Я хотела тебе доказать, что ты не прав. Джейк, так нельзя!

Я сполз на пол, и закрыл рот рукой.

—Ира, ты хотела от меня ребенка? Зачем? Ты же... еще даже школу не закончила!

—Джейк,— она села рядом и сжала мою руку. —Ты хотел знать где твое место. Если судьбе было уготовано, что бы я... носила в тебе твоего ребенка, то значит этот мир твой, и ты должен в нем остаться. А если нет — то и не сомневайся. Я все же надеялась что у нас будет месяц, что бы у тебя было время все обдумать. Джейк, посмотри на меня! Если ты не выбросишь весь этот бред из головы, я все расскажу твоему отцу и матери, и пусть им будет плохо. В этом будешь виноват ты!

Дверь ванной снова распахнулась, и я нервно дернулся захлопнуть ее. Но не успел. Макс с Сашкой разве что не выволокли нас из ванной, и я, не замечая гневного взгляда Игоря, на последок бросил на меч полотенце. Улыбнулся друзьям Макса, мило помахав им ручкой.

—О, а вот и наш замерзший,— меня хлопнули по плечу, и я рассмеялся. —Что ж так неосторожно с петардами то? Ну ка, руки и лицо покажи, не обжегся?

—Кто? Я?— ничего не понимая, я оглянулся на отца, и тот махнул рукой.

—Я же говорил что с ним все в порядке. В грязи только

извалялся. Да у Макса пара порезов от стекол. Сейчас вон с парнями заколотим окно, и все будет в порядке. Вы уж простите что сигнализацию нажали. Думали дом вспыхнет от такого фейерверка.

—Ладно, окно поставите, звоните. Заново натянем сигнализацию,— парень у счетчика усмехнулся. —Пожарную сигнализацию подключил, так что вы тут осторожней... с петардами.

—У меня вообще-то сегодня сестра родилась!— наигранно возмутился я, и подмигнув отцу, достал из коробки бутылку с коньяком. Ой, прости меня папа, не думал что такое дорогое покупать будешь. —Отметьте это... после смены.

—Добро,— парни радостно кивнули и, махнув на прощание Максу, уехали. Я же устало сполз на пол, совершенно не ощущая холода из распахнутой двери.

—Джейкоб,— отец вздернул меня на ноги, и остановив Игоря, который хотел схватить меня за шею, тряхнул. —Какого черта здесь происходит?

—Пап, я все расскажу. Только отдохну немного и успокоюсь,— вырвавшись, я подцепил из коробки вторую бутылку и, отмахнувшись от Санька, поднялся к себе в комнату. Отпил прямо из горла и отсалютовал портрету мамы. —Ваше здоровье, мама.

Игорь все таки поднялся ко мне, и видя что я дураком сижу на полу и тупо пытаюсь напиться, не стал меня убивать. Сел напротив и отобрав бутылку, протер горлышко.

—Кайся,— тихо произнес он, и я покачал головой.

—Не буду.

—Вот как?

—Что ты от меня хочешь, Игорь? Я ее в ванну затащил? Или удерживал ее там силой? Может она уже сама будет решать с кем ей спать, а с кем гулять? Может это я сюда ее привез?

—Ага, я виноват?— он отпил из бутылки, и едва не задохнулся. —Твою... как ты это пьешь?

Я отобрал коньяк и отпил, даже не поморщившись.

—Приходилось пить более ужасные вещи.

—И мечом махать, срубая головы?— я даже в темноте заметил как Игорь побледнел, вспомнив того обезглавленного мною бандита.

—Дай Катьке позвоню,— я взял протянутый телефон и задумался, вспоминая имя ее отца. —Здравствуй Катенька,— слащава произнес я, услышав в телефоне ее недовольный сонный голосок. —Дай-ка трубочку своему папеньке. Ну, я могу и сам приехать и вытащить его из кровати,— слушая как она истерично кроет меня матами в телефон, я даже улыбнулся. —Здравствуйте, Василий Петрович. Это вас Джейкоб беспокоит. Ну, что ж вы так грубо то? Я хотел предупредить вас. Если вы еще хоть одного своего балбеса на меня натравите, я пойду мстить. Найду парочку таких же гранат, и закину в ваш дом. А если вы останетесь после этого живыми, я натравлю на вас своего зверька. Более того, попрошу не

слишком торопиться с вашим умерщвлением. Я очень дорожу своей семьей, и тем, что про нее говорят, и сделаю это так тихо, что вы и не поймете. Сначала уничтожу вашу репутацию, ваш бизнес, а потом приду к вам. Вы же не хотите что бы я так же обошелся с вами, и вашей любимой дочуркой, как с вашими людьми? А, они еще не вернулись к вам? А вы позвоните им, и спросите как им весело везти своих товарищей в лес или куда там еще. Не думаю что они захотят афишировать то, что их заставил стоять на коленях подросток. А я буду ждать вашего звоночка, скажем через часа два. Думаю этого времени хватит им немного прийти в себя. Уверен, мы найдем с вами способ решить вопрос миром.

Отключив телефон, я вернул его притихшему Игорьку и покосился на Макса, подпиравшего косяк.

—Пошли, там к тебе приехали,— он кивнул на сапоги, и бросил мне пиджак.

—Кто?

—Это не важно. И им плевать на тебя, будь уверен.

Не совсем понимая о чем говорит Макс, я оделся и выскочил из спальни. Бегом сбежал в гостиную, и замер, увидев двух людей в масках и бронежилетах, а за ними в распахнутой двери совершенно черный фургон.

—Макс!— позвал я парня, прикидывая успею ли забрать из ванной меч. Макс спустился следом и достал из-за дивана четыре автомата. Я представил сколько они весят и нервно дернулся. Так, папа с Ирккой и Саньком вполне спокойно пьют

чай на кухне, а через заколоченное окно совершенно не дует. Даже стекло уже собрали с пола. —Что происходит?

—Пошли. Не дрейфь, это не займет много времени,— Макс вытолкал меня на улицу, и я нервно поежился от холода. Ладно, надеюсь мне не дадут замерзнуть. Послушно следуя за Максом, прошел к фургону и подчиняясь жесту, залез в салон. Макс остался на улице, но передал автоматы еще одному ... Кому? Спецназовцу? Или очередному бандиту?

—Еще оружие есть?— мирно спросил меня человек в маске, сидящий напротив, и я указал на клумбу, за которую скинул несколько пистолетов, когда демон замывал следы крови.

—А вы кто?

—А ты кто?— спросил он меня, и я нахмурился. —Группа зачистки.

Я открыл рот, да так и закрыл, не сказав ни слова.

—Что с машиной?— человек в маске указал на автомобиль отца, и я только сейчас заметил два пулевых отверстия. Прикусил губу.

—Эвакуировать будем?

—Нет. Не знаю. У отца надо спросить.

Макс кивнул и исчез в доме. Вернулся с отцом, и тот оглядев машину, сел за руль. Завел ее, убеждаясь что с ней все в порядке, и на секунду задумавшись, покачал головой.

—Сам справлюсь.

Я посмотрел как из гаража вытянули то, что осталось от машины Макса, и поморщился. Н-да, ремонт выльется в ко-

печку. Проще, наверное, будет купить новую. Вот и пригодятся камни Маришь. Не дам отцу отвечать и за тачку.

Два человека в масках осматривали фасад дома с металлоискателями, и довольно шустро извлекали из кирпичей патроны. Собрали гильзы, присыпанные снегом. Нашли несколько ножей и даже оброненную кем-то гранату.

Но более меня поразило то, что они проверили оба пистолета Макса, и, пересчитав патроны, не слишком доверчиво вернули ему.

—Да я и не успел ни разу выстрелить,— пожал плечами Макс, а я опустил взгляд.

—Что здесь произошло?

Макс кивнул на меня, и промолчал.

—Да напали на нас, но поняв, что с нами не справятся, убрались восвояси, —я пожал плечами.

—Кто это был?

—А вам зачем?— я даже поддался вперед, стараясь поймать взгляд человека в маске. Тот поморщился и отвернулся.

—Ты подумай, если они снова вернуться.

—Это будет зависеть от того, как сильно они испугались,— я улыбнулся. —А что, если бы вы приехали раньше ГБР, и застали здесь лужи крови и гору тел, то вы бы и их по тихому убрали?

—Это бы стоило куда больше, чем несколько левых автоматов и пистолетов.

Я почувствовал его улыбку и сам улыбнулся.

—А если у меня будет чем заплатить в следующий раз? Я смогу с вами связаться?

Человек в маске рассмеялся так, что я даже дернулся к поясу. Понял что коньяк приглушил осторожность, и почесал переносицу.

—А если бы вы приехали в самый разгар драки, вы бы вмешались?

—Парень, ты что, выпил?

—Да не много. Может грамм двести коньяка, не больше,— отмахнулся я и сделал вид что не заметил удивленного взгляда. —Нервы успокаивал.

Макс не выдержал и заржал.

—По-моему, девчонка вывела тебя больше, чем эти.

—Ой, Макс, не трави душу,— возмутился я, и покраснел.

Поняв что так называемый допрос окончен, я вылез из фургона, и спрятал руки в карманах. Люди в масках быстро заняли свои места, и тот, что разговаривал со мной, вдруг выглянул из окна.

—Эй, парень,— я едва успел поймать маленький брелок, брошенный им. —Только не вызывай нас по пустякам.

Повертев в руках точно такую же кнопку, что тогда зажал Макс, я повернулся к парню.

—Это что же, можно было без ГБР обойтись?

Макс кивнул и улыбнулся.

—Если бы окно не разбили, то могли бы и обойтись.

Выругавшись, я пристегнул брелок к кулонам на шее, чем

вызвал очередной смех Макса.

—Чего смеешься? Я так часто меняю одежду, что могу его потерять. И вообще, зачем про Ирку сказал? Я и так не знаю что с ней делать. Проклятье, зачем они приехали?

—Мозг тебе вправить.

—Кажется мне надо будет вправлять его им,— я покосился на бледного Саньку, которого держала под ручку Ира. —Мне Розалин голову оторвет, если узнает.

—О, кажется она заставила тебя одуматься,— Макс улыбался.

—Макс, мне надоело что женщины пользуются мной! Да, она не первая вот такая, что воспользовалась моей... растерянностью. И от куда у них такие способности?— я потер замерзший шрам, и вздохнув, вернулся в дом.

Не успел я даже разуться, как появился Игорек и протянул мне орущий телефон. Номер был Катькин.

—Минутку,— я отодвинул Сашку с дороги, и поднялся к себе. —Что вы предлагаете? А зачем мне ваши деньги? Что я хочу? Просто оставьте мою семью и меня в покое. Так вбейте библейские истины в ее голову! Она ваша дочь, и я уверен, вы сможете ее убедить не вспоминать обо мне. Что я могу предложить, покажите ей своих ребят и то, что от них осталось. Может это ее убедит. Прощайте, Василий Петрович. Я рад что мы пришли с вами к обоюдно выгодному решению.

Вернув телефон Игорю, я вздохнул.

—Что ж, наверное пора.

Несколько секунд смотрел на то, как все собрались в гостиной и достав из бара несколько стаканов, поставил на стол принесенную Игорьком из моей комнаты бутылку. Сходил и достал из тайника сумку, огляделся, и захватив папку со снимками, забрал из ванной свой меч. Указав всем на диван и на кресла, и найдя ножны, вернул клинок на место. Положил его на стол перед собой и потер глаза.

—Макс, ты то же присаживайся. Это на долго. Я не хочу больше ничего скрывать,— я благодарно кивнул отцу, сидящему отдельно от всех в удобном кресле, и нервно поерзал на своем жестком стуле. Налил себе полный стакан коньяка и отпил, набираясь смелости.

—Джейк, давай уже, рассказывай,— не вытерпел Санек, и я кивнул.

—Все началось в тот вечер, когда я подслушал как родители,— я покосился на отца. —Поругались. Я услышал что они обсуждают развод и...

Я не стал упоминать где именно увидел свет в воде, и вспомнив о Роксалане и Дорхане, махнул им рукой. Говорил и говорил, рассказывая о том, что именно заставило меня броситься на обрыв, и когда в коридоре замаячило голубое сияние, кивнул на него головой. Улыбнулся, когда узнал в очертании сначала фигуру мага, а потом и голову Дорхана. Улыбнулся сквозь слезы, и лишь замершие в оцепенении друзья, не дали разреветься. Отвлечшись на их успокоение и заверение что души не причинят им вреда, я словно наяву

почувствовал прикосновение Роксалана к своей щеке и закрыл глаза.

—Господи, как же мне вас не хватает,— прошептал я на том языке, и Дорхан словно наяву ткнул меня носом. Толчок был чуть заметен, но я его почувствовал. А потом махнул им и они поспешили скрыться.

Я же продолжал рассказывать, подтверждая свои слова мелкими фактами и доказательствами. Рассказывал обо всем, ничего не скрывая. Ни ужаса от колодца, ни своих чувств к Маришь, когда только очнулся. Ни разговора с королем. Говорил и говорил, видя как косеет Санька, и прервав рассказ, предложил ему вина. Тот отказался, и крепко сжал руку Ирки, ища поддержки у нее.

Когда я дошел до тех пяти дней, что провел в гарнизоне, папа не выдержал, и осушив пол бутылки коньяка, закурил. Макс то же закурил. Странно, я прежде не замечал у него этой дурной привычки!

Рассказывая о том, как меня провозгласили лордом, я достал из сумки перстень, и отец усмехнулся.

—У нас клейморами называют мечи,— он сразу оценил качество перстня, и положил его на стол.

—Я знаю. Но тогда я об этом даже не вспомнил.

Воспоминания о Розалин заставили меня немного забыть-ся, и лишь Игорек осмелился ткнуть меня в плечо. И я продолжил. Рассказал о поездке в свой замок и о том, что за расправу я там устроил. К моему удивлению закурил даже

Игорек, и я поморщился, понимая что начинаю задыхаться от дыма. Попросив курить хотя бы на кухне, я вспомнил как чуть не убил Хогарда, и отозвавшийся Роксалан тут же успокоил начавшуюся истерику.

На драконах не выдержал Санька, и заметавшись по комнате, пару раз выругался и попросив у Ирины чего-нибудь успокоительного, уткнулся носом в валерьянку. От вина отказался наотрез. Эх, Сашка, я думал что с твоими фантазиями тебе будет проще принять все.

На Афине я немного замялся, но закрыв глаза, рассказал все. Все о ней, о ее жизни, и о том, что у меня было с ней. Упорно стараясь не забежать вперед, рассказал о своих кошмарах, и о том, что чувствовал смерть. Свою гибель. Говорил и говорил, совершенно забыв о времени и страхе быть непонятым. Разве что не заикаясь от ужаса воспоминаний, рассказал как умер и встретившись с глазами Иры, спокойней всех отреагировавшей на эту часть рассказа, с мельчайшими подробностями рассказал о том, как принял короля в качестве отца.

Попросив небольшой передышки, ушел на улицу, и разревелся. Никто мне не мешал, и даже Роксалан не вмешивался. Я лишь почувствовал что рядом с ним король, и вот его то молчаливая скорбь и поддержка, заставила взять себя в руки.

—Папа, как же больно об этом вспоминать, и еще больнее говорить об этом,— прошептал я, погладив камень на брас-

лете.

«Ты сильный, сынок. Я верю в тебя».

Мне пришлось показать свой шрам от кинжала Саньку, недоверчиво морщившемуся и сомневающемуся.

—Как? Как они вернули жизнь в мертвое тело?— он держал в руках снимок с сердцем и все равно не понимал. —Может ты вообще уже не живой? Может ты — зомби?

—Вера способна на многое,— чуть улыбнулся я, понимая что Сашка, самый младший из нас, просто не может все понять.

Рассказывая о том, как я разве что не в одиночку расправился с обидчиками Жует, я заметил как задергался глаз у Игорька. Он наверное представил что я мог сделать с ним тогда у школы, и что бы осталось от этих его дружков, и эта картина ему очень не понравилась.

—Я же тогда на полном серьезе сказал что сверну тебе шею, если ты будешь настаивать на драке. Ты бы даже не понял ничего.

Рассказывая о том, как Роксалан подглянул в этот мир и увидел портрет над камином, потрясло всех. Потрясло так, что отец не выдержал, и сорвал его со стены.

Прилет Розалин и ранение ядовитой стрелой я попытался упомянуть вскользь, но отец настоял. Пришлось рассказывать подробно, и видя как бледнел отец, я закрыл глаза.

О предсказании я говорил мало. Просто прочитал его по памяти, и видя что я один из всех устал так, что еле ворочаю

языком, умоляюще попросил дать поспать. И не дождавшись когда мне дадут такое добро, уткнулся лбом в стол и уснул. Даже не видел что уже и ночь заканчивается, и проспав почти весь день, проснулся с ужасной головной болью.

Не успел я подняться с дивана, на который меня кто-то заботливо перенес, а уже держал в руке стакан с шипучим аспирином. Благодарно кивнув Максу, я с диким голодом набросился на ужин, приготовленный Ирой, и видя нетерпение друзей и отца, продолжил рассказ прямо за кухонным столом. Отошедшие от ужаса вчерашнего нападения, перебитого моим рассказом, меня слушали молча. Молчали до того момента, пока я не коснулся подмены Рохарда в Догране и что после этого позвал его как брата. Отец даже в волосы вцепился, глядя на фотографию, которую я не смог не взять с собой на память. Смотрел на разложенные в ряд снимки всей королевской семьи и моих друзей, и уже не удивлялся странной одежде. Несколько раз брал в руки портрет Комоло, и вдруг не выдержал.

—Неужели я был таким плохим отцом?— прошептал он, пряча лицо в ладонях, и я не сдержавшись, сжал его руку.

—Нет, папа. Ты хороший отец. Я горжусь тобой. Но... раньше мне тебя не хватало. Ты был женат на работе, и у тебя было три дочери — твои клиники. Мы с мамой как-то маячили сбоку, вроде и с тобой, но не так близко, как хотелось. Нам на самом деле тебя не хватало. Я... я познавал мир сам. Я... рад что ты понял что ошибался. И я не боюсь больше

оставлять маму с тобой,— я улыбнулся. —Я и сам бы остался, если бы смог вернуться к прошлой жизни.

—Джейкоб, — отец успокоился и поднял фотографии со стола. —Скажи им, что я благодарен им за то, что они приняли тебя.

—Они знают, папа,— я улыбнулся, чувствуя что Комоло и Маришь рядом. Потянулся к Маришь, и укоризненно заметил ее слезы. —Они всегда со мной. Они слышат все, что я говорю. Не понимают речи, но чувствуют все.

Ира нервно дернулась, и я отвел глаза.

Рассказ о том, что мной овладел тот дух, я просто пропустил. Вскользь упомянул о том, как получил ту мазь, что сводит шрамы и как сбежал от Хогарда. Рассказал как вытаскивал Рохарда из замка, и разревевшись, заикаясь, о гибели Хогарда и ранении Кодо. Разревелся так, словно это случилось только на днях, и боль была такова, что прихватило сердце. Грохнувшись в обморок от боли, слышал как Роксалан пытается привести меня в чувства, однако пришел в себя все же не от этого. Игорек так растер мне уши, что я в ужасе от него шарахнулся. Вырвал из рук Ирины бутылочку с валерьянкой, и только лишь успокоившись, смог продолжить рассказ. О том как схлопотал заражение раны и чуть не помер, но эльфы спасли меня. Как вытаскивал Рохарда из его безумия, и как сбежал от всех, не осмелившись попрощаться в глаза.

—Ну, вот так я и оказался тут. Макс же наверное помнит,

что ни дверь, ни окна, не были взломаны, а сработал лишь датчик движения.

Максим кивнул, и впервые за наше знакомство, молча, не говоря ни слова, вышел на улицу. Сашка и Игорь остались сидеть за столом, а Ирка ушла вслед за Максом. О чем-то говорила с ним минут двадцать, пока все молчали и переваривали информацию, а отец так вообще ушел в свою комнату.

Вкратце рассказал о том месяце и переживаниях, что привели меня сюда, и едва удержал Сашку, размахивающего моим мечом. Он даже держал его неправильно!

— Это что ж получается, ты мог мне руку тогда сломать на самом деле? — он посмотрел на синяк на руке. — А ведь я сидел и убеждал тебя что ты не маньяк.

Я резко дернулся, и с болью посмотрел на друга. Тот понял почему я так напрягся.

— Да я и сейчас тебя не считаю маньяком, просто дико все это... принять за реальность. Я всегда думал что это все сказки. И то, что ты вчера сделал с этими бандитами. И что это была за тварь?

Улыбнувшись, я достал фляжку и вытряхнул демона на стол. Ощетинившись на парней, шарахнувшихся в сторону, демон зарычал. Я погладил его по голове, и указал на Игоря.

— Это друг. Его нельзя трогать, — я подошел к Саньку и повторил знакомство. Демон недоверчиво потянулся к Игорю, и стал обнюхивать его. Чихнул пару раз, и виляя хвостом, подскочил к Сашке. Тот испуганно заорал, и я поспешно

придержал демона. –Сашка, ты пугаешь его. Дай ему тебя запомнить.

Санек весь сжался, когда демон забрался ему на грудь, и все же грохнулся в обморок. Игорь быстро привел его в чувства, а я уже тащил демона к заскочившим на крик Максу и Ирке. Макса тот узнал сразу, и, пощекотав его руку кончиком зеленого хвоста, обнюхал замершую в оцепенении девушку. Сам подставил голову под ее ладошку, выпрашивая ласки, и та неуверенно рассмеялась, теребя большие уши монстра. Присела возле него, и тут же поморщилась, облизанная его языком.

–Эй, ты чего это к даме пристаешь?– я дернул демона за ухо, и тот радостно запрыгнул мне на руки. Прижался к груди и попытался спрятать голову под мышкой. –Маленький мой, что ж мне с тобой делать?

–Забери его с собой,– отец возник за спиной так неожиданно, что я вздрогнул и успел схватить демона за хвост, не давая наброситься на отца.

–Тихо, малыш. Нельзя. Он друг,– заорал я, и выдохнул, когда демон понял и успокоился. Отец даже не вздрогнул.

Спокойно погладил демона, и, оторвав его от пола, стал разглядывать. Посмотрел на размеры фляжки, оставленной на столе, и ничего не поняв, отпустил его. Демон же в серьез заинтересовался папой. Обнюхивал его, недоверчиво что-то шипя себе под нос, обходя круг за кругом, облизывая руки и словно пытался понять вкус на языке.

—Он чувствует что у вас похожа кровь. Чувствует это по запаху,— вразумил меня Роксалан, и я перевел его слова отцу.

—Маму сегодня выписывают,— он неуверенно посмотрел на меня. —Я привезу их сюда.

—Папа, это опасно. А вдруг эти снова объявятся?

—Ты хочешь сбежать в тихушку, не попрощавшись с ней? Защити их, но не покидай нас молча!

Я виновато прикусил губу и только сейчас до меня дошло, что уже утро. Солнце встало уже довольно высоко, и я оценил так часов одиннадцать.

—Тебе поспать надо,— отец сжал мое плечо, и я неуверенно кивнул. —И друзьям твоим то же. Они на отрез отказались ехать в город.

—Провожу тебя и разгоню всех по кроватям, а его попрошу покараулить нас. Всем надо поспать. Ты только позвони, когда вы подъезжать будите, что бы я его спрятал. Не хочу что бы мама испугалась.

—Уверен?

—Пап, кончай уже трястись надо мной. Ты же видел что я могу защитить себя и окружающих. Просто поверь.

—Я пытаюсь, Джейкоб. Только вот здесь больно отпускать тебя,— он постучал кулаком по груди, и я обнял его.

—Пап, ты же все понимаешь. Знаешь что у нас нет выбора. Я должен уйти. Но я буду порой подглядывать за вами. Буду просить Роксалана и Дорхана показывать мне вас.

Отец кивнул и я вышел проводить его.

—Пап, помнишь про живую воду. Если она маме понадобится, у меня еще есть одна фляжка. Она на самом деле помогает.

—Джейкоб, я поверил на счет нее тебе еще тогда. Можешь сказать ей спасибо, что с мамой и Розалин все в порядке.

—Что?— я замер, когда отец так свободно сказал имя самого дорогого в мире для меня человека. —Вы назвали малышку?...

Отец улыбнулся и кивнул.

—Теперь я понимаю почему мама настаивала на этом имени. Ты о ней никогда не забудешь.

По щеке побежали слезы. Если бы Розалин сейчас слышала этот разговор, она была бы счастлива. Или грустна, потому что в моей жизни появилась ее соперница, ее копия. Может она и простит мне Ирину, а может и нет, и будет проклипать ее до самой старости. Забудет про нее, но вот вторую Розалин она будет помнить всегда.

—Прости,— одернув себя, я поспешно стер следы своей слабости. Нет, папа меня уже не винил. Он понимал меня. Наверное впервые в жизни он меня понимал на столько хорошо, что не хотел уезжать. —Езжай, пап. Я буду ждать вас, и мою Розалин.

Вышедший Макс помог закрыть ворота за отцом, и удивившись, что машина отъехала довольно далеко, вдруг схватил меня за шиворот.

—А теперь рассказывай, что ты там задумал!

—Макс...

—Джейк, я скорее сам себе вены вскрою, чем позволю тебе убиться. Ты понял? Мне терять нечего, а ты хочешь оставить в трауре не одну семью, а две!

Он был так зол, что я не осмелился спорить с ним.

—Понял,— пикнул я, когда он ощутимо потряхнул меня.

Едва не растянувшись на покрытой льдом дорожке, я поплелся в дом. Только сейчас заметил что поменяли окно. Боги, когда же они это сделали? Неужели вчера, пока я спал?

Разогнав всех по спальням, я растянулся на диване, и, положив под руку меч, выгнал демона из его укрытия. Приказав сторожить дом, я еще минут десять смотрел новости по телевизору, а потом махнул на них рукой и проспал до самого приезда семьи.

Когда зазвонил телефон, первое что я услышал помимо самого звонка, был тихий разговор Иры. Она сидела на ступеньках, и демон буквально расплывался от удовольствия у ее ног. Она говорила с ним, и, судя по тому, что тот внимательно слушал, он начинал понимать новый язык.

Выслушав отца, я только собирался подорваться, что бы хоть немного навести порядок, но меня встретила убранная гостиная, а их кухни разносился запах чего-то очень вкусно-го.

—Джейк, ты называешь его бесом, монстром, демоном. Кто он на самом деле?— Ира потрепала за ушами демона.

—Ну,— я попытался вспомнить все, что знал о этих тва-

рях. –Вот у человека есть душа. После смерти она попадает в рай или в ад. В раю души перерождаются в новые тела, а в аду становятся бесами. Со временем они наращивают силу и способности, и порой прорываются в мир людей, и здесь они либо остаются бесами, либо с помощью магии вырастают в демонов. Но все это неживая оболочка. Маги же могут создать для них искусственное тело. Или вживить в уже готовое, которое в тот момент не способно самостоятельно существовать. Например без сознания, или спит мертвым сном. Вот он, демон. Демоны не любят живой огонь и серебро. Есть еще огненные. Если эти похожи на кошек, то те что-то среднее между собакой и... чем-то еще. Я всего раз видел огненных, да и то тогда был не в себе.

–Значит он – демон?

–Ну да. Только вот он не захотел уйти, когда я дал ему свободу, хотя все они стремятся именно к этому. Мне сказали что впервые видят что бы демон стал другом для человека по собственной воле,– подозвав демона к себе, я обнял его, и зарылся в вонючую шерсть лицом. –А еще он пытался спасти меня, когда я заболел. Демоны не спасают людей, тем более хозяев. Для них хозяин – жертва номер один. Избавившись от хозяина, он получает свободу.

–Ты умеешь заводить дружбу с разными людьми,– Ира вздохнула. –Возьми хоть Игоря. Он ведь тебя ненавидел. Или Макса. Я бы на его месте бежала бы от тебя, раз ты несешь с собой мою смерть. Он просто слепо верит в тебя.

Я не понимаю его. Или эти твои драконы,— она вздрогнула от мурашек по коже. —Зачем им ты нужен? Или этот... араб, я не помню его имени.

—Амри,— я улыбнулся.

—Ты камень раздора между ним и его матерью.

—Здесь все сложнее, Ира. Он думает о народе, который будет уничтожен этой войной. Ну, и еще, он считает меня ослом. Забавным таким ослом, которым можно восхищаться. Ир, он принял меня за равного, когда еще совершенно не знал кто я такой. Не знал что я вообще из себя представляю. Сам приехал в чужую страну, проведя десять дней в дороге, что бы посмотреть на меня и познакомиться лично.

—Он услышал зов судьбы.

—Ну, еще не малую роль сыграло то предсказание. Ира, я так и не понял, как в том мире появилась наша русская речь. Ира, я помню этот текст, он написан без единой ошибки. Не было даже опечатки не одной. А часы? Помнишь, у нас в школе библиотекарь был? Он носил на поясе такие часы на цепочке. Ира, на этих часах было двадцать четыре часа, а не двадцать!

—Может в этот колодец кто-то попадал прежде?

—Маришь сказала что не было ни одного живого человека. Я первый выжил. И еще. В нашем мире знают и о драконах, и об эльфах, и о гномах. Даже о кентаврах! От куда? От куда в нашем мире знают о магии, но не умеют ею пользоваться? Да же ты...

Я прикусил губу, сообразив что ляпнул лишнее.

—Что я?— она села рядом со мной, и демон тут же перебрался к ней на колени.

—А, не хотел рассказывать. Ладно. Роксалану пришлось... убить тебя, что бы лишить тебя сил. И он сказал что ты была магом. Слабеньким, с определенными способностями, но магом. А сейчас ты обычная девчонка.

—Ну, я не считаю себя обычной,— она театрально поджала губки. —Я самая необычная, Джейк. По крайней мере в этом мире.

Мы рассмеялись и я посмотрел на девушку. Она явно беспокоилась.

—Ир, ты переживаешь из-за того, что случилось между нами?

Она кивнула.

—Ты боишься что могла...,— я не смог подобрать слов, да они и не потребовались. Ира поняла меня и снова кивнула. А в ухе у меня раздался смех Роксалана. Я словно наяву увидел что он размял пальцы. —Хочешь, я скажу тебе наверняка? Роксалан сможет это почувствовать.

—Ты сам хочешь знать,— тихо прошептала она, сжав мои пальцы. Что ж, правда за правду.

—Я боюсь, Ира. Ладно я, но я не хотел бы что бы мой ребенок прошел через все то, что сейчас творится вокруг. К тому же зная мою историю, он может как и я залезть в колодец. Ира, это на самом деле страшно. Безумно страшно! Я

не посоветовал бы этого никому, даже своему врагу.

—Почему ты не сказал об этом отцу?

—Потому что он тогда бы меня сам увез в психушку, что бы не рисковать мной. Он скорее согласился бы сделать из меня подопытного кролика, чем отпустил меня на смерть. Ира, я... Я трус. Я столько раз там думал о смерти, о том, что вот он шанс, освободиться от всего разом, что стал ее чувствовать рядом с собой. Я вижу ее, чувствую на себе. Макс, дурак, не хочет спасаться. Только он не понимает. Я все равно не смогу жить в этом мире. Я здесь на самом деле чужой.

Ира повертела мои пальцы, а потом вдруг прижала к своему животу.

—Скажи мне. Я хочу знать.

—А можно я выпорю тебя, когда ты вернешься? А ты вернешься, поверь мне. Я все ради этого сделаю!

«Не выноси мне мозг, Роксалан. Я скоро поседею от тебя!»

—Ладно, потом поговорим и о седине, и о смысле жизни, и о том, куда попадают самоубийцы. А сейчас можешь расслабиться. Она чистая.

Я потерял пальцы, избавляясь от тепла, навеянного магом и улыбнулся девушке. Она все поняла и как-то расслабилась.

—Значит, ты на самом деле должен уйти. Исчезнуть. Не оставить после себя даже потомков. Только вот какую дорогу ты выберешь...

—Это мне решать, Ира. Этот выбор я должен сделать сам.

И... постарайся не выдать маме меня. От нее зависит жизнь Розалин,— я усмехнулся, отметив как удивилась Ирина. — Мою сестренку называли Розалин.

Ира отвернулась, и на миг задумалась.

—Знаешь, Джейк, будь я твоей девушкой, я бы убила тебя своими же руками. Ты такой... несносный! Вредный! Самонадеянный! И дурак! Правильно этот араб считает тебя ослом!

Вскочив, она ссадила с себя демона, и убежала. Я же открыв рот от изумления, остался сидеть идиотом.

—Что? Съел?! Ослик ты наш.

Чертыхнувшись, я спрятал демона, и стянул браслет с руки. Сжав камень, ехидно прокомментировал.

«Раз я осел, то буду пинаться!»

Бросив браслет к мечу, все еще лежавшему на диване, и не удержавшись, все же оголил клинок. Разогнал его до свиста, окончательно прогоняя сон из тела, сделал несколько выпадов, и замер, почувствовав взгляды друзей в затылок. Не оборачиваясь, убрал оружие в ножны, и привел себя в порядок.

Макс, которого я чувствовал даже разговаривая с Ириной, выглянул в окно и пошел открывать ворота подъехавшей машине. Я кинулся следом.

До самой ночи я пребывал в таком состоянии, словно не было этих месяцев сумасшествия. Пол часа отнекиваясь и боясь взять малышку на руки, видя какая она крохотная, я

все же оказался пойман и довольно грубо усажен в кресло, а Розалин, замотанная в пеленки, довольная устроилась у меня на руках.

—Мам,— в панике я боялся даже пошевелиться, проклиная себя за то, что скинул браслет. —А вдруг я ее уроню? Мам, ну пожалуйста. Я же такой громадный по сравнению с ней! Мам!

—А теперь улыбочку, Джейк,— Санек встал напротив меня с фотоаппаратом, и мне пришлось чуть отвернуть лицо, что бы не светиться шрамами.

Шоком было еще и то, что этот вот комочек жизни, все то время, что я держал ее на руках, не сводила с меня глаз.

—Санька, дай мне мой браслет,— прошептал я, когда понял что еще чуть-чуть, и сойду с ума. Маг тут же попытался посмотреть на ребенка моими глазами, и я немного поломавшись, дал ему это сделать.

—А можно я ее Розалин покажу?

«Вот только не говори что ты до сих пор не рассказал ей о малышке?»

—Ну, вообще то, твоя Розалин уже месяц как живет с Дорханом у колодца. Она же обещала что будет ждать тебя. А я сейчас во дворце.

«Значит она все таки ждет меня». В глазах сразу защипало, и я нервно улыбнулся маме, с тревогой посмотревшей на меня.

—Джейк, ты плачешь?

—Нет, мам. Просто... она такая маленькая. Беззащитная. И все время смотрит на меня. Мам, возьми ее пожалуйста. Я хочу... мне надо побыть одному.

Поспешно одевшись, я выскочил на улицу, и не разбирая дороги, побежал к обрыву. В свете заходящего солнца перегнулся через перила, всматриваясь в воду.

—Боги, Розалин, зачем? Зачем ты себя так изводишь? Ты же знаешь что я не могу вернуться!— закричал я, сползая на замерзшую землю, и уже не сдерживаясь, ревя как мальчишка, сжался на пожухлой траве. —Уходи, Розалин! Перестань себя мучить. Ты делаешь больно не только себе, но и мне! Розалин, ты убиваешь меня! Прошу тебя, одумайся!

От звука шагов я судорожно вздохнул.

—Уходи, Макс. Дай мне сойти с ума в одиночестве.

—Что бы ты сиганул туда? Не дождешься,— он оторвал меня от земли и разве что не бросил на скамейку. Сел рядом.

—Макс, она убивает себя сама. Своей тоской убивает. Боги, зачем я с ней познакомился? Зачем признался ей в любви? Зачем принял от нее это?— я сжал амулет Розалин и от тепла, излучаемого им, меня замутило. Отдернув руку, я вновь почувствовал тот приступ паники, боль в груди и вкус крови во рту. С ужасом уставился на Макса, хватая ртом воздух, и сполз со скамейки.

—Джейк?

—Макс, надо увезти маму и малыша,— споткнувшись, я снова свалился и, разодрав каким-то камнем руку, снова по-

пытался встать. —Макс, она здесь. Рядом!

—Кто? Кто здесь?— он поднял меня на ноги, но я тут же согнулся в приступе тошноты.

—Смерть. Она пришла,— прошептал я и рванул к дому. Еще издали увидел приглушенный отблеск света о капот машины на дороге, и пригляделся. Восемь джипов. Восемь!

Телефон, Господи, где же телефон? Найдя тот в кармане, я на память набрал номер Катьки и тут же услышал голос Василия Петровича.

—Я не понял, мы же с вами вроде договорились?

—Джейкоб? О чем ты?

Он не знал. На самом деле не знал что происходит! Ругаясь как сапожник, я бросился к дому и перелетев через ворота, открывать которые просто не было времени, ворвался в дом.

—Папа, бери маму и уезжайте. Все уезжайте! Папа, ты слышишь?— я даже потрянул отца, приводя его из состояния шока в состояние активных действий. А потом застонал, поняв что они уже не успеют уехать.

Макс ворвался в дом следом, и просто погнал всех наверх.

—Макс, им здесь опасно! Их там человек тридцать, не меньше!

Я не видел как побледнела мама, и как отец успел подхватить ее. Сгреб в охапку и потащил наверх. Сашку я разве что не силком закинул за ними следом.

—Спрячьтесь и не высывайтесь! Ирка!

—Она наверху с братом,— Макс попытался натянуть на меня свой бронежилет, но я так от него отскочил, что парень заскрежетал зубами. —Джейк!

—Только попробуй еще раз это сделать, и я вырублю тебя и в подвал сброшу, что бы не брыкался,— оскалился я и нащупав на шее сигналку, нажал на нее. Сразу запульсировал слабый маячок, и я даже улыбнулся. Вот будет потеха, если эти ребята приехали не по наши души.

Схватив меч, я быстро обшарил кухонный шкаф, и заправив пару ножей за голенища сапог, вытряхнул демона. Где-то наверху заплакала мама, и я едва не бросился к ней. Ладно, отец сможет ее успокоить.

Вылетевшая рядом со мной дверь с силой ударилась об пол, и я затаился за диваном. Так, Макс прикрывает лестницу, мне же остается впустить этих болванов в дом побольше и натравить на них демона. В таком маленьком помещении он расправится с ними в три минуты. Не помогут ни бронежилеты, ни пистолеты.

Прислушиваясь к скользящим шагам, я затаил дыхание, не желая пропустить тот момент, когда первый из бандитов подойдет к лестнице на второй этаж. Покосился на Малыша, замершего в напряжение, и улыбнулся.

На первой ступеньке лестницы чуть скрипнула половица, и я спустил демона. Тот с визгом и шипением набросился на вломившихся в дом людей, и воздух наполнился криками ужаса. Пока он рвал на части второго бандита, я пронес-

ся в выломанные двери и едва успел уклониться от обстрела. Упал и откатился за клумбы, удивленно уставившись на небольшой шприц, застрявший в рукаве, и не успевший найти плоти.

—Какого черта?— зашипел я и вырвав шприц, с силой метнул в лицо какого-то человека в бронежилете, выглянувшего из-за угла дома. Потом откатился следом, сдернул маску с упавшего замертво человека. Шприц, впившийся в щеку человека был пуст, а вот то, что происходило с моей жертвой, мне совсем не понравилось. Он дергался и словно не мог вздохнуть, и столько ужаса было в его глазах, что я попытался и поспешно укрылся в тени. Прижался к стене, едва не закричал, когда в кармане запел телефон. Отшвырнув его за забор, сам бросился под ноги кинувшихся на меня людей, разгоняя меч до песни. Песни смерти.

Вот упал один, второй человек. В стороне закричал кто-то еще, и по мне уже выстрелили из трех пистолетов. Все теми же шприцами! Вспоминая уроки из учебного гарнизона капитана Форда, я максимально ускорился, уворачиваясь от летящих в меня дротиков, и прикрылся чьим-то замешкавшимся телом.

Проклятье, это что за ерунда получается? Они что, хотят накачать меня какой-то хренью? И что дальше? Похитить? Украсть? Исследовать? Или заставить лечить кого-то? Или вообще отравить?

Кто-то бросился на меня сбоку, и подчиняясь инстинкту

самосохранения, я продолжил его полет, прикрываясь спиной нападающего от его товарищей и свистящих дротиков, вспарывая его живот и ремни бронежилета ножом.

Нет, надо укрыться в доме! Здесь слишком много места для того, что бы хоть один из вот этих дротиков достиг цели. Взвинчивая скорость до предела, я подсек одного из этих бандитов мечом по ногам, и тот рухнул. Крутанув его заваливающееся тело, я в броске свернул ему шею и кубарем влетев в дом, тут же оказался сбит на пол прыгнувшим на плечи демоном. Несколько дротиков пролетели над головой, и застряли в шерсти монстра. Тот даже не обратил на них внимания, и вырвавшись на улицу, пошел сеять свою смерть.

Оглядев залитую кровью гостиную, я нахмурился, выискивая Макса, и едва не посидел, услышав крик Ирки на втором этаже. Молнией влетел на второй этаж и всем весом сбил с ног громилу, прижимающего моего телохранителя к полу и старающегося воткнуть нож в его шею. Сбил его, не давая времени очухаться, вогнал нож в глазницу, и метнулся ко второй тени, скользнувшей в родительской комнате. На миг затормозил, отметив боковым зрением что в моей комнате еще один повалил на пол Сашку и связывает его руки, но моя цель была впереди. Там моя мама! Там мой отец! Там моя Розалин!

Оказавшись за спиной нападающего, нацелившего в маму пистолет с дротиками, не раздумывая, я что было сил ударил его в спину мечом. Рассекая бронежилет как масло, меч

прошел на вылет и замедляя мои движения, застрял в теле. С усилием навалившись на труп, я выдернул клинок, и... получил по спине такой сильный удар, что не удержавшись, рухнул поверх своей жертвы. Мама закричала, прижимая к себе кричащую Розалин, и получив от Роксалана ощутимый разряд тока, я поспешно откатился в сторону. На лету поймал руками у самой шеи дротик, и рыча как зверь, кинулся на напавшего на меня человека. Сбил его с ног ударом в грудь, и вскочив, глянул на маму. Прикрывая собой малышку, она сжалась в углу разгромленной спальни, и я едва поборол желание броситься успокоить ее.

—Мам?

«Потом, Джейк! Сзади!»— закричал Роксалан, впервые дав о себе знать не разрядами тока, а позвав по имени. И это немного отрезвило от волны слепящей ярости.

Где-то внизу раздались выстрелы, и меня словно дернуло. Я ощутил вполне реальную боль в желудке и чуть выше сердца, хотя мог поклясться, что меня не тронули. Схватил небольшое зеркало со стены, и запустил его в шею бандита, отошедшего от моего пинка. Склонился над бесчувственным отцом. Его вырубил ударом по голове, и с ним вроде все было в порядке. Одним ударом тока от браслета я привел его в чувства, и уже мчался в коридор, к лестнице, к Макс-у. Увидел как передо мной из гостевой спальни пронесся Игорек, и словно битой, вынес плечами еще одного бандита в окно. Сам не удержался, и вылетел следом, спасая Сашку

и зажавшуюся в углу Ирку. Проклятье! Я же просил не вмешиваться!

—Быстро к матери,— шикнул я на сжавшуюся парочку, и, выпрыгнув в окно, добил выпавшего бандита, впечатав в его лицо рукоять меча почти до крестовины. Наклонился над Игорьком, и облегченно выдохнул. Тот был жив. Весь в порезах от стекол, немного помятый от падения, но жив. Выдернув из его руки особо длинный осколок, я в две секунды перетянул ему рану куском рукава, и указав на угол гаража, бросился обратно в дом. Рядом с собой увидел метнувшегося вперед меня демона, и едва успел прикрыть лицо от большого настенного зеркала, разлетевшегося на сотни осколков от прогремевших выстрелов. И это были уже не какие-то дробтики, а самые настоящие пули! Что же получается, живым я уже не нужен? Или у кого-то просто сдали нервы? Демон разорвал этого человека разве что не на куски, и я, прижавшись к полу, разрезая руки в кровь об осколки, прислушался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.